

НЁМАН

6/2014

ИЮНЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Николай СЕРДЮКОВ. Дела наши малые. Повесть	3
Алесь РЯЗАНОВ. Пейзаж вспоминает слова. Стихи.	
Перевод с белорусского Н. Казаполянской	65
Леонид ЛЕВАНОВИЧ. Пассажир из Копенгагена. Рассказ.	
Перевод с белорусского автора	74
Федор ГУРИНОВИЧ. Соловей. Стихи	81
Михаил ЛУЧИЦКИЙ. Воины ночи. Рассказ	85
Людмила ШЕВЧЕНКО. Солирует жизни струна. Стихи	92
Нина МАЦЕВИЛО. Крещенская неделя в Аксаковщине.	
<i>Лирические миниатюры</i>	94
Татьяна МУШИНСКАЯ. Монолог о поэзии и любви. Стихи	100
«Всемирная литература» в «Нёмане»	
Джо АЛЕКС. Тихая, как последний вздох. Роман. Предисловие Р. Святополк-Мирского, перевод с польского Р. Святополк-Мирского, В. Кукуни	102
Кристина РОССЕТТИ. Запомни облик мой... Стихи.	
Перевод с английского Т. Лашук	139
Лейла АЛИЕВА. Если б звезды ступеньками стали. Стихи.	
Предисловие И. Б. Вагабзаде	141
Время. Жизнь. Литература	
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Панегирик	147
Татьяна КАБРЖИЦКАЯ, Петр РАГОЙША, Николай ХМЕЛЬНИЦКИЙ.	
Феномен писателя. Перевод с белорусского Ю. Алейченко	158
Эпоха	
Татьяна ШАМЯКИНА. Романтика советской науки. Продолжение	175
Культурный мир	
Валерий АНИСЕНКО: «Воля крепка и есть цель в творчестве!»	
Записал Е. Конев	195

Литературное обозрение

С точки зрения рецензента

- Алесь **МАРТИНОВИЧ. Фальши — нет, искренности — да!** 208
Геннадий **АВЛАСЕНКО. О Браславщине, «Юшцы Вялеса» и основных отличиях документальной прозы от художественной** 212

Напоследок

Литературное содружество

- Алесь **КАРЛЮКЕВИЧ. Крылья поэзии** 215

Из почты журнала

- Игорь **СУРМАЧЕВСКИЙ. Мой дед Петр** 219

- Авторы номера 224

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звезда»

Главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Редакционная коллегия

*Вадим Гигин, Наталья Голубева,
Олег Ждан (редактор отдела прозы), Алесь Карлюкевич,
Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко, Владимир Макаров,
Роман Матульский, Владимир Мозго (заместитель главного редактора),
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова,
Олег Пролесковский, Алесь Савицкий,
Анатолий Сульянов, Николай Чергинец*

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция только сообщает автору свое решение.

Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.

Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *С. И. Таргонская*

Стильредактор *С. В. Казак*

Набор *Е. Г. Кахновская*

Подписано к печати 09.06.2014 г. Формат 70 × 108^{1/8}. Бумага газетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 20,10. Тираж 2962. Заказ 1594.

Цена номера в розницу 21 400 руб.

Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.

Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.

Телефоны: главного редактора, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.

e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/106 г.

© «Нёман», 2014, № 6, 1—224

**Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда»**

ДЖО АЛЕКС

***Тихая,
как последний вздох***

Роман

Памяти Мацея Сломчинского (1920—1998)

Мацей Сломчински — англист, профессор Краковского университета, человек, который перевел на польский язык всего Шекспира. А кроме того, произведения Мильтона, Марлоу, Киплинга, Свифта, Стивенсона. И еще — Джойса. Джойс писал «Улисса» семь лет. Сломчински переводил «Улисса» четырнадцать. Профессиональные литературные переводчики знают, насколько сложно переводить Джойса. Существует всемирный клуб переводчиков Джойса. Там только асы. Мацей Сломчински был одним из них.

Впрочем, он был асом во всем. В том числе и в буквальном, первоначальном смысле этого слова. Во время Второй мировой войны он был пилотом-асом RAF и сбивал над Ла-Маншем фашистские самолеты, пока сам не был сбит.

— Я болел лишь один раз в жизни, — говорил мне в 1996 году этот стройный 75-летний мужчина, попивая коньяк и покуривая трубку, с которой был неразлучен, — это произошло после того, как, выпрыгнув на парашюте из сбитого самолета поздней осенью, я целые сутки проболтался в Ла-Манше, прежде чем меня выловили. Но не подумайте, что я простудился, — Боже упаси! Просто, этот чертов фашист прострелил мне легкое.

Когда в начале 60-х годов в тогдашней ПНР появились первые романы, автором которых значился некий английский писатель Джо Алекс, литератор и эксперт Скотленд-Ярда, изначально помогающий своему другу инспектору Бену Паркеру раскрывать загадочные и таинственные убийства, а затем подробно описывающий в своих произведениях ход и метод их раскрытия, невозможно было поверить, что их автор не коренной англичанин.

Великолепный, тонкий знаток английской культуры и литературы, профессор Мацей Сломчински, кавалер Ордена Возрождения Польши с командорским крестом, даже отдыхая в промежутках между переводами классиков, снова продемонстрировал себя асом.

Под псевдонимом Джо Алекс он написал серию замечательных, чисто английских криминальных романов, которых не постыдились бы ни Конан Дойл, ни Агата Кристи. В подтверждение этого достаточно привести лишь один факт: Скотленд-Ярд наградил Мацея Сломчинского двумя медалями за выдающуюся литературную деятельность в области криминального жанра.

Роберт СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

— Кто среди нас, живущих, сказать посмеет:
 «Я видел смерть, когда она входила.
 И знаю, куда ушла она,
 Оставив позади молчанье»?
 Известны смерти тысячи ходов разнообразных,
 Которыми в наш дом она проникнет без препятствий,
 Не станут ей преградами замок замысловатый,
 Засовы крепкие и верная охрана.
 Ибо сквозь стены и решетки проникая,
 Она следов своих не оставляет,
 Холодная, таинственная, неизбежная,
 Мрачная и тихая, как последний вздох.

Джордж КРОСБИ (XVII в.)

«Мое размышление о рождении и смерти»

I

«Убийство? Это было бы слишком хорошо!»

Миссис Сара Кварендон остановилась и огляделась.

— Не вижу собак, — сказала она. — Они не должны отбегать от нас так далеко. Еще кого-нибудь напугают.

Идущий позади Мелвин Кварендон догнал ее и тоже остановился.

— Что ты сказала?

Он глубоко вздохнул и сунул руку в карман за платком. Вьющаяся сквозь поля тропинка, по которой они шли, теперь поднималась к вершине пологого холма, а мистер Кварендон был мужчиной тучным.

— Я не вижу собак, — повторила его жена. — Можешь их позвать?

— Конечно.

Он набрал полные легкие воздуха и пронзительно свистнул.

Затем окинул взглядом далекую, пересекающую поля живую изгородь, и разглядел, как от нее отделились две маленькие серые тени, резко рванувшиеся к нему, и стремительно вырастающие на глазах. Через минуту они были рядом и застыли, впялдываясь в лицо хозяина, — две огромные серые немецкие овчарки.

— Тристан! — ласково сказал мистер Кварендон и протянул руку.

Пес подошел и прикоснулся темным влажным носом к его пальцам, а затем уселся на задние лапы, выжидающе глядя вверх.

— Изольда!

Подошла вторая овчарка, и все повторилось настолько точно, будто эта сцена относилась к какому-то таинственному ритуалу, связывающему этих трех живых существ. Ни одна из собак даже не взглянула на женщину, стоящую рядом.

— А теперь идите за нами! — скомандовал мистер Кварендон и двинулся по тропинке вверх. Собаки выждали секунду и пошли следом.

— Мелвин... — произнесла миссис Кварендон вполголоса, будто не хотела, чтобы псы услышали то, что она собиралась сказать.

— Что, дорогая?

— Иногда это приводит меня в ужас. Они ведут себя так, словно знают английский, но лишь тогда, когда к ним обращаешься ты.

— Полагаю, ты не хочешь, чтобы они реагировали на приказы чужих? Я их не для того держу. Или ты предпочитаешь, чтобы на прогулке нас сопровождал молодой человек с челюстью боксера, одетый, несмотря на страшную жару, в просторный пиджак, скрывающий под мышками два огромных пистолета?

— А есть ли в этом вообще необходимость? Ты же не политик.

— Но я очень богат.

Мистер Кварендон быстро вытер вспотевший лоб и глянул на вершину холма, которая показалась ему такой же далекой, как и пятнадцать минут назад.

— Я очень богат и становлюсь все старше. Мы обязательно должны дойти туда?

— Обязательно! — отчеканила жена. — Ты еще не стар, но толстеешь. Если бы не я, не сделал бы по своей воле и двухсот шагов в день. Тебя всюду возят. Эти проклятые автомобили сокращают твою жизнь. Спроси доктора Харкрофта. Он подтвердит каждое мое слово. Он говорит, что у тебя еще нет серьезных проблем с сердцем, но они могут появиться, если ты не пожелаешь изменить образ жизни. Впрочем, я не уверена, можно ли вообще назвать образом жизни то, чем ты занимаешься.

Мистер Кварендон рассмеялся и остановился. Идущие следом овчарки присели и подняли головы, глядя на хозяина.

— А помнишь ли ты, — спросил он, — как мы собирали деньги на наш первый подержанный Мини-Моррис?

— Ты тогда весил на шестьдесят фунтов меньше. — Миссис Кварендон меланхолично покивала головой. Легкий порыв ветра шевельнул ее коротко подстриженные седые волосы. — А теперь у тебя два роллс-ройса, не говоря уже о целом парке более мелких автомобилей. Прошло целых сорок лет... — она умолкла.

Чета снова двинулась вверх и несколько минут шла молча.

— Я был мальчиком на побегушках в книжной лавке, — сказал вдруг мистер Кварендон. — И всегда любил книги. Правда, сначала я их не читал, просто это была приятная и чистая работа. Я переносил стопки книг из автомобиля в магазин, потом упаковывал товар, мыл окна, подметал, а каждую субботу мы ходили в кино. А потом мы поженились, и я был так счастлив, как сейчас. Может даже больше, потому что день и ночь мечтал добиться того, что у нас есть сегодня.

Миссис Кварендон улыбнулась, но он не заметил этого, потому что шел позади.

— Мелвин, не обманывай меня!

Она внезапно рассмеялась. Это не был смех седой стареющей женщины — он звучал звонко и молодо.

— Я никогда тебя не обманывал! — проговорил мистер Кварендон, с убежденностью тем большей, что тут же в его памяти промелькнули более или менее отчетливые лица девушек и женщин, звенья цепи больших и маленьких грехов, о которых она, к счастью, не знала и никогда не узнает, если это будет в его силах. Внезапно он стал серьезным, но жена не заметила этого.

— Я не имею в виду какой-то большой обман, — Сара Кварендон махнула рукой, не оборачиваясь и не замедляя шага. — Минуту назад ты рассказывал, как когда-то мечтал о том, что имеешь сегодня. Это неправда или, если хочешь, не вся правда, ибо ты мечтаешь непрерывно! Ты не перестаешь мечтать ни на минуту, хотя другой на твоём месте признал бы, что добился достаточного успеха для одной короткой человеческой жизни.

— Погоди, — сказал Мелвин Кварендон.

Они остановились.

Овчарки присели. Вершина холма казалась теперь намного ближе. Мелвин глубоко вздохнул.

— Нельзя переставать мечтать, — он убежденно кивнул головой, — ибо что останется? Человек проработал всю жизнь, и какую же радость он может найти в том, что вдруг в один прекрасный день перестанет рабо-

тать лишь потому, что заработал очень много денег? Деньгами измеряется успех, но сами деньги успехом не являются. Заработать миллион, когда у тебя есть сто миллионов, намного легче, чем заработать сто фунтов, когда имеешь всего десять. Уже тогда, вначале, я понял, что на каждого клиента, который купил обычную повесть или томик поэзии, приходится десять, покупающих новинки с мертвецами или с полураздетой, соблазнительной и перепуганной девушкой на обложке. Того, кто сумел бы овладеть этим рынком и руководить им, ожидали бы горы золота. Но мне было двадцать лет, и я не имел ни пенса за душой. Сотня других, богатых, ловких и предприимчивых, занимались этим десятилетия. Ты помнишь наш первый магазинчик? Я покупал потрепанные книги, и мы с тобой склеивали их по ночам. Эти книги нам продавали мальчишки по два пенса, а другие мальчишки покупали, заплатив на пенс или два больше, и я собирал эти пенсы, не говоря тебе, зачем я их коплю. Я боялся, что ты будешь возражать и плакать, ведь ты была беременна — Ричард должен был появиться на свет... И все казалось таким зыбким. Мы были бедны. Как я мог тебе сказать, что хочу издать свою первую книгу прежде, чем родится ребенок?

Они шли медленно, Сара Кварендон молчала.

— Я хотел стать издателем, но у меня не было даже шиллинга для выплаты первому автору. Впрочем, автора у меня тоже не было, как не было и взлелеянной в мечтах книги. А если бы они у меня были, то не хватило бы денег на оплату бумаги, типографии и того, кто сделал бы хорошую обложку. Поразительно, но я точно знал, как должна выглядеть обложка первой книги, хотя это было полным абсурдом, поскольку не знал ее содержания. Зато я знал, как должно называться издательство. КВАРЕНДОН ПРЕСС! Да, Сара, засыпая, я мечтал о том, что это название будет известно не только в Лондоне, но и в Нью-Йорке, Торонто, Мельбурне, Йоханнесбурге, везде в мире, где люди читают по-английски... В конце концов, я нашел автора и книгу, а твоя мать дала нам в долг сто фунтов, которые отложила на свою старость.

Он замолчал. Мягкая улыбка осветила его пухлое, почти лишенное морщин лицо.

Миссис Кварендон прошла еще несколько шагов и остановилась. Они находились на вершине холма. Муж, стоя рядом, тихонько положил руку на ее плечо. Впереди и позади простирались в золотистой полуденной дымке гряды небольших холмов и неглубоких долин графства Кент. Ветер утих. Было очень тепло и тихо. Мелвин поднял руку и указал туда, откуда они пришли, в сторону тропинки, бегущей среди рассеченных живыми изгородями полей. Они плавно спускались к большой роще из старых деревьев, между которыми виднелась покатая крыша большого дома, покрытая темно-красной старинной черепицей.

— Если бы я был шутом и перестал мечтать, — сказал мистер Кварендон, — я назвал бы это летней резиденцией и проводил бы здесь половину жизни. К счастью, у меня все еще нет для этого времени, и поэтому мы приезжаем сюда лишь на уикенды.

— Мелвин... — тихонько начала миссис Кварендон.

— Что, любимая?

Он снял руку с ее плеча и безотчетно погладил жену по щеке. Затем, будто устыдившись, резко опустил руку.

— Ты ведь что-то хочешь мне сказать?

— Я? Тебе? — он удивленно потряс головой. — Почему ты решила, будто именно сейчас я хочу сказать тебе что-то... особенное?

— Мужчина не должен задавать такие вопросы женщине, которая прожила с ним сорок лет. За полмили видно, что ты готовишься о чем-то рассказать. Именно поэтому ты так легко согласился на эту прогулку, хотя

обычно мне приходится убеждать тебя, по крайней мере, полдня. Кроме того, в последнее время ты сосредоточен и все о чем-то размышляешь. Сейчас мы начнем спускаться в сторону дома. Джоанна обещала, что придет с детьми до ужина и останется у нас на три дня. Поэтому, если действительно есть нечто *очень* важное, о чем ты *непрерывно* хочешь мне рассказать, то лучше будет, если ты сделаешь это сейчас.

— Да нет же, дорогая, в самом деле, нет ничего такого, что... — Мистер Кварендон умолк, а потом рассмеялся. — Это верно, что ты знаешь обо мне гораздо больше, чем кто-либо в этом мире. Но не потому, что прожила со мной сорок лет. Мне кажется, что ты всегда все знала. И ты не изменилась. Не изменилась, хотя наш сын говорит с оксфордским акцентом и небрежно, словно лорд, прохаживается по коврам офиса КВАРЕНДОН ПРЕСС в Нью-Йорке, а наша прелестная и нежная, как орхидея, дочь — жена депутата парламента и у нее отдельная нянька для каждого из моих внуков. Ты приняла все, что послала нам судьба, но осталась в душе молоденькой горничной из маленькой гостиницы, также как и я странным образом все еще связан с тем парнем из книжной лавки, который приглашал тебя на мороженое. Мы научились говорить, как говорят люди из другой, не нашей сферы, обросли перышками — миллионами разноцветных перьев, — но где-то, в глубине, в нас ничего не изменилось. И слава богу! Ибо это означает, что мы еще не утратили сил.

— Ты прав, — сказала миссис Кварендон, — я тоже это чувствую. Но надо ли столько слов для выражения того, о чем мы оба хорошо знаем? Ты, вижу, чем-то возбужден, чем-то, что пришло тебе в голову. Небось, снова размышлялся, верно?

— Да, — мистер Кварендон вздохнул с облегчением. Если он расскажет о своем проекте, она должна верить, что это единственная причина перемены в его поведении. Он подавил внезапный вздох и мягко произнес:

— Я придумал нечто новое...

— Нечто новое? Ты хочешь превратить КВАРЕНДОН ПРЕСС во что-то другое? Но почему, Мелвин?

— Ты не поняла меня... — он на мгновение задумался.

Незаметно супруги начали спускаться, держась на этот раз рядом. Овчарки немного посидели на вершине пригорка, затем сбежали трусцой и пошли следом.

— Может, я начну иначе, — сказал он. — Что, это, собственно, такое — КВАРЕНДОН ПРЕСС? В сущности это такой же издательский дом, как другие, может, только чуть побольше. У нас есть представительства и магазины на всех континентах, мы подписали долготлетние контракты со многими хорошими авторами детективных романов и зарабатываем кучу денег. Это правда, но это все.

— А разве не об этом ты мечтал двадцать лет?

— Это тоже правда.

— Тогда о чем идет речь?

— Речь идет о *мировой империи детективного романа!* — тихо сказал мистер Кварендон и опустил глаза, вглядываясь в одуванчики, растущие по краям тропинки.

— Не понимаю, — удивилась жена. — Скажи мне, что конкретно ты имеешь в виду?

Мистер Кварендон остановился, осторожно сорвал ближайший одуванчик, поднес к лицу и дунул. Потом отбросил в сторону голый стебелек.

— Если ты требуешь от меня абсолютной честности, то я сам не знаю, что конкретно имею в виду. Знаю только, чего бы мне хотелось... А хотел бы я к моменту, когда совсем постарею, передать Ричарду фирму, известную так же, как известны ее авторы. Слова КВАРЕНДОН ПРЕСС должны

стать для читателей столь же значительными, как названия наших книг, и фамилии их авторов. Миру известны тысячи видов преступлений, больших и маленьких, а убийство старо, как мир! Сколько старинных преступлений можно воскресить, сколько разгадать древних тайн! А прибавь сюда маленьких современных диктаторов и большие преступные организации! Преступление существует везде, и следом за ним должен идти КВАРЕНДОН ПРЕСС! А мир должен об этом знать! Такого рода рекламы никто до сих пор не замышлял!

Он умолк и глубоко вздохнул.

— Но для этого потребуются тысячи людей и детективное агентство, охватывающее весь мир, — спокойно сказала его жена. — Ни одно частное лицо, ни одна даже самая большая фирма не может и мечтать об этом.

— Если бы когда-то я не мечтал, то до сих пор остался бы продавцом книжной лавки. Весь мир — это дело будущего, но как всегда, надо с чего-то начинать и посмотреть на результаты первого хода. А уж потом я подумаю, что дальше.

— И ты уже придумал первый ход?

— Да. Я купил замок.

— Купил замок?

Миссис Кварендон остановилась посреди тропинки. Ее вдруг покинуло изысканное чувство меры, которому она старательно обучалась в течение сорока лет.

— А ты случайно не свихнулся, Мелвин?

Мистер Кварендон обнял ее за талию и поцеловал в щеку.

— Не волнуйся, старушка! Я купил его почти даром. Но это не обычный замок. Триста лет назад в нем было совершено идеальное преступление, и до сих пор никто не знает, что произошло с убитой, и действительно ли это преступление имело место. А это означает, что если я хочу серьезно отнестись к своим планам, то для КВАРЕНДОН ПРЕСС там найдется работа.

— Если ты вздумашь покупать каждый замок, в котором кого-нибудь убили, меня в старости ждет уборка гостиничных номеров. Я ведь действительно ничего не умею делать. Моя бабка всегда говорила, что мужчины теряют рассудок, когда им начинает слишком везти.

— До сих пор у тебя не было причин для жалоб, — мистер Кварендон рассмеялся. — Этот замок — наш подопытный кролик. Через две недели я соберу там небольшую группу известных всей стране и чрезвычайно интересных людей: наших самых популярных авторов и ряд других авторитетов в области преступления. Мы отметим там выход в свет пятимиллионного экземпляра книг Аманды Джадд, а потом все займутся разгадкой тайны замка. Это будет чудесная история, Сара. Лучшие умы Англии идут по следам преступления, совершенного триста лет назад! К тому же, этот замок сумрачен и страшен, как в сказке. Он стоит на голой прибрежной скале посреди моря, и добраться до него с берега можно только в часы отлива. Каждый прилив снова превращает его в остров. И где-то в его недрах, по-видимому, спрятана женщина, убитая ревнивым мужем. Ее тело никогда не было найдено. Предание гласит, что призрак до сих пор появляется там, угрожая смертью тем, кто пытается ее найти. Настоящая Белая Дама! Я пригласил туда Джо Алекса, разумеется, Аманду Джадд, Бенжамена Паркера из Скотленд-Ярда, несколько других известных лиц и даже одну старушку, написавшую книгу о Белых Дамах, которые появляются в английских замках. Я также уговорил Гарольда Эддингтона провести с нами этот уикенд. Заместитель министра добавит нашему предприятию необходимый блеск. Все начнется вполне невинно. Сначала это будет лишь развлечение, конкурс на расследование по заранее приготовленным

следам. Белую Даму заменит живая девушка, а тот, кто найдет ее первым, получит соответствующую награду. Но по настоящему важной будет вторая ночь, когда КВАРЕНДОН ПРЕСС впервые столкнется с подлинным преступлением, причем преступлением трехвековой давности!

Миссис Кварендон вздохнула.

— Кажется, я поняла твой замысел, — ответила она спокойно. — Ты хочешь изменить систему рекламы и связать с названием твоего издательства разные таинственные и жуткие случаи. Действительно, никто до сих пор этого не делал. Идея с замком, жуткой Белой Дамой и встречей людей, которые столько знают о таинственных преступлениях, — все это очень хорошо. Наверняка будет сенсация. Ты пригласил прессу и телевидение?

— Боже сохрани! — воскликнул мистер Кварендон. — Все бы пропало! Это было бы расценено как обычный рекламный трюк известной издательской фирмы. Нет, пусть об этом узнают после всего, пусть вынюхивают и ищут информацию! Только тогда это вызовет подлинный интерес! Однако, я позволю себе сделать одно исключение, ибо мне необходим талантливый свидетель, который обо всем расскажет. Вот почему я пригласил одну рецензентку, которая является признанным авторитетом в жанре детективной литературы. Разумеется, пригласил как гостью, а не репортера. Но ни один породистый журналист не сможет устоять перед таким соблазном.

— Ну, хорошо, а откуда ты знаешь, что тайна Белой Дамы будет раскрыта?

— Я всегда верил, что судьба на моей стороне, — беззаботно ответил мистер Кварендон и многозначительно подмигнул.

— И еще одно, — миссис Кварендон содрогнулась, — а что будет, если этот призрак действительно ненавидит чужих, желающих его отыскать, и кто-то погибнет? Я знаю, что говорю глупости, но я несколько суеверна. Что б ты сделал, если бы там во время вашего пребывания, действительно произошло какое-нибудь таинственное убийство?

— Убийство? — мистер Кварендон невольно вздрогнул, но тут же добавил с улыбкой: — Это было бы слишком хорошо! Но, к сожалению, убийство там не удастся заказать ни за какие деньги — я пригласил самых достойных уважения людей. А жаль! — он снова рассмеялся, но тут же стал серьезным.

— Я надеюсь, ты туда не собираешься? — спросила его жена.

— Разумеется, собираюсь! Я должен увидеть все это своими глазами. Столько дел еще надо продумать, прежде, чем все это сдвинется с мертвой точки. Чтобы ты не волновалась, я пригласил туда доктора Харкрофта. Он будет заботиться о моем ожиревшем сердце, когда наступят минуты напряжения. А я надеюсь, что их будет предостаточно! Тристан и Изольда тоже поедут.

Он повернулся к собакам.

— Немного морского воздуха вам не помешает, верно?

Овчарки подняли головы и ответили ему взглядом, полным безграничной преданности.

II

«Она растаяла, как туман, и никто ее не нашел...»

— Письмо из КВАРЕНДОН ПРЕСС, сэръ — сказал Хиггинс, подойдя к столу, за которым сидел хозяин.

Джо взял в руки большой, тяжелый конверт и непроизвольно взвесил его на ладони.

— Спасибо.

Хиггинс склонил голову, выпрямился и направился к двери. Уже взявшись за дверную ручку, он остановился.

— Будете ли вы дома к ленчу, сэр?

— Да. Я намерен писать до вечера, если ничего не помешает.

— Должен ли я отвечать, что вас нет дома, если кто-нибудь позвонит?

— Да, за исключением мисс Бикон, разумеется.

— Конечно, сэр.

Дверь тихо закрылась. Джо распечатал конверт. Внутри находился большой цветной буклет, а к нему был приколот скрепкой другой продолговатый, узкий, белый конверт, в левом углу которого было напечатано зелеными буквами:

КВАРЕНДОН ПРЕСС
МЕЛВИН КВАРЕНДОН,
ПРЕЗИДЕНТ.

Джо отложил буклет и вскрыл конверт:

«Дорогой мистер Алекс, через две недели в нашем издательстве выйдет новая книга Вашей коллеги Аманды Джадд. В момент окончания печати всего тиража количество экземпляров ее книг, изданных КВАРЕНДОН ПРЕСС, достигнет пяти миллионов.

Мы хотели бы отметить этот «юбилей», быть может, не совсем обычным, но, по моему скромному убеждению, наиболее уместным способом, учитывая специфику нашего издательства. Я не могу себе представить, чтобы среди гостей, собравшихся на этот небольшой праздник, не было человека, который много лет является одним из столпов, поддерживающих интерес читателей детективной литературы к нашему издательству. Не хочу вдаваться в детали, поскольку Вы найдете их в прилагаемом буклете, вместе с абсолютно идентичной записью одного из летописцев графства Девон.

Обо всем этом и о некоторых других вещах, над которыми я сейчас размышляю, мне бы очень хотелось с Вами побеседовать, и если Вы найдете немного времени, то было бы большой честью для меня встретиться с Вами за ленчем в один из ближайших дней. Мне было бы также приятно, если бы Вы отправились вместе со мной в замок, где Аманда Джадд будет нас ожидать, ибо именно ей, разумеется, выпадет роль хозяйки во время этой встречи...»

Алекс пробежал глазами заключительные строки, содержавшие традиционные формулы вежливости и, отложив письмо, взял буклет. На его обложке были размещены один под другим два снимка одного и того же небольшого каменного замка. В солнечном свете блестели почти черные, вытесанные из огромных валунов стены, стрельчатая арка ворот и узкие щели окон. Замок соединялся с берегом низким скалистым полуостровом, а вдали на горизонте виднелось море, подходящее к крутым, каменистым склонам мыса, который почти целиком окружали внешние стены замка.

«Зачем они дали два одинаковых снимка на этой обложке?» — безотчетно подумал Джо и внезапно понял. Второй снимок на первый взгляд выглядел точно так же: он представлял замок с той же стороны, в то же самое время дня и в ту же пору года. Однако, все было совершенно иным. Замок уже не стоял на берегу. Полуостров исчез, часть скалы исчезла, а черные стены и башня возвышались на острове, окруженном теперь со всех сторон морем.

Джо с минуту рассматривал снимок, размышляя: это просто фотомонтаж или какая-то шутка, смысл которой он должен понять, прочитав буклет? Внезапно он понял и с интересом склонился над обложкой.

Оба снимка были подлинными, сделанными с одной и той же точки, но в определенные промежутки времени — во время самого высокого прилива и полного отлива.

Он открыл буклет.

«Аманда Джадд и КВАРЕНДОН ПРЕСС имеют честь пригласить Вас...»

Джо перевернул страницу и увидел большую фотографию комнаты с каменными стенами. Между двумя блестящими, богатыми доспехами, несомненно, эпохи раннего Ренессанса, стоял кованый готический сундук. Середину комнаты занимал огромный стол, тянувшийся почти во всю ее длину к двум узким щелям бойниц, через которые врвался яркий дневной свет. На противоположной стене находились две длинные полки из почерневшего дуба, заполненные книгами в пергаментных переплетках. Несколько больших томов были прикованы к полкам цепями, по-видимому, достаточно длинными, чтобы книги можно было положить на стол, окруженный тяжелыми деревянными скамьями. В углу снимка виднелась часть обрамления и темная впадина старинного камина.

Под снимком было написано:

«Большая замковая комната сохранена в неизменном виде с момента постройки замка в XIII веке. Здесь, как утверждает предание, рыцарь Бернар де Вер принимал на своем пиру короля Ричарда II, когда монарх объезжал границы своего королевства».

На следующей странице буклета снимков не было. Ее заполняли плотные строки текста, стилизованные под запись от руки, сделанную в семнадцатом веке, с названием:

РАССКАЗ О ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ СЭРА ЭДВАРДА ДЕ ВЕР И ЕГО СУПРУГИ, ПРЕКРАСНОЙ ЛЕДИ ЕВЫ

«В то время, когда приближалась решающая битва между армией короля Карла и войсками лорда Протектора, сэр Эдвард де Вер сразу после свадьбы простился с Евой, своей юной супругой, и, соблюдая верность присяге, собрав всех людей своих, способных сесть на коня, двинулся на помощь королю, оставив свой замок почти без защиты. Однако он верил, что ничего плохого случиться не может с теми, кого он там покидает, ибо место это сама Природа сотворила столь недоступным, что даже если бы защитниками его были лишь старики и женщины, понадобилось бы много сил и времени, чтобы его покорить. Замок этот, называемый Волчьим Зубом (видимо, по причине, внешнего своего вида, ибо башня его, словно клык волчий, торчит посреди моря), соединен каменной дамбой с берегом графства Девон, однако не постоянно, а лишь несколько часов в день, поскольку она покрывается приливами моря, и тогда никто до замка не может добраться, даже располагая многими лодками и кораблями. Острые, торчащие из воды скалы, среди которых море кипит и бушует даже в самый покойный летний день, не позволяют проникнуть туда ни одному живому созданию, кроме морских птиц, для которых нипочем такие преграды. Таким образом, замок, лежащий вдали от городов и мощеных дорог, между морем и обширными пустошами, безопасен был от банд, шатающихся среди плодородных, сулящих большую добычу околлиц.

Потому, приказав во время отлива всегда держать перекидной мост поднятым, сэр Эдвард отправился на войну.

Он воевал долго, пока королевская корона не пала в прах перед могуществом Парламента. А как показало время, лучше бы было, когда б пошел он вслед за людьми менее благородными, которые вовремя оставили своего несчастного монарха. Возвращаясь с войны, и уже добравшись до графства Девон, оставил он людей, дабы охранять повозки, на которых везли они кое-

какую добычу, захваченную в этой братоубийственной войне, а сам двинулся верхом, не взяв с собой никого с оружием, так сильно жаждал он скорой встречи со своей молодой женой, ожидавшей в замке. Не следует сомневаться, что вела его также тревога, ибо хотя замок, как мы уже говорили, был неприступен, а место, где он стоял, безопасно, однако неисповедимы пути Господни.

Вскоре выехал он из пущи, покрывающей склон холма, сходящего к приморской равнине, увидел на ней ухоженные поля, жилища своих крестьян и пастбища, приписанные к замку, а также сам замок, хорошо видимый издалека, поскольку день стоял прекрасный.

Приблизившись, он поблагодарил Бога, увидев, что скальная дамба открыта, а волны не перекрывают через нее.

Что было дальше, известно из рассказа старой няньки, которая встретила его в воротах замка, а также из того, что поведали люди его, те, что были с ним позже. Правдивость их слов сомнению не подлежит, ибо были то люди простые, не знающие лжи, а горе они проявляли истинно, и сомневаться в нем нельзя.

Когда он встретил у ворот эту старую женщину, залилась она слезами, поведав, что прежде, чем сошел первый снег, пришла весть о том, будто он жизнь свою в бою отдал, а принесли эту весть люди, которые присягали, будто видели его тело мертвым на поле брани. Тогда же, еще прежде, чем пришла ранняя весна, привезли местные крестьяне в замок молодого раненого дворянина, который также был сторонником Короля, преследуемый людьми Протектора. «Жена твоя, — сказала нянька, — принялась лечить его раны, да так сердечно, что не отходила от него ни днем, ни ночью. Достаточно сказать, господин мой, что когда пришла весть о твоей смерти, перестала она скрывать свою привязанность к нему. А он, хоть уже и вполне здоров был, также не отправился в свои края, но остался и стал хозяином над нами, отдавая распоряжения с позволения той, которая должна была оберегать замок и честь твою...»

Сэр Эдвард ответил ей на это приказом собрать всех людей: челядь, мужчин, женщин и детей и вывести всех из замка по дамбе на луг. И пусть ждут там, пока он к ним не выйдет. Она так и сделала, а он отправился в комнату своей жены.

Ждали они долго, глядя на замок, из которого ни один звук не долетал. Было тихо, женщины опустили на колени и стали молиться, хоть никто им не велел, мужчины молчали, и лишь дети невинные играли, бегая по лугу.

Наконец в открытых воротах показался сэр Эдвард де Вер, прошел по дамбе, встал перед ними и велел всем вернуться к своим делам в замке. Сам же взял поводья своего коня из рук конюшего, который ожидал у дамбы, оседлал скакуна и двинулся по дороге, откуда прибыл. Не далеко проехав, встретил он свой обоз и людей, направляющихся к замку.

Он остановил их и приказал, чтобы ждали вместе с ним.

Недолго пришлось им ждать, потому что вскоре на лесной дороге появился молодой дворянин, причина этого несчастья. Его поймали, связали и по приказу своего господина повесили на первом же придорожном дереве. Сэр Эдвард, как говорили позже, стоял и невозмутимо смотрел, как тот умирал. А когда убедился, что он мертв, приказал обозу ехать в замок, а сам вскочил в седло и направился в противоположную сторону.

Но далеко он не уехал.

Едва обоз тронулся, как раздался выстрел, а когда люди прибежали, то увидели коня, стоящего посреди дороги лесной, и сэра Эдварда, лежавшего на земле. Пальцы его мертвой руки сжимали один из двух пистолетов, которые он всегда на войне носил за поясом. Кровь залила ему весь кафтан, поскольку пуля, направленная в грудь, угодила прямо в сердце. Легко понять из этого внезапного поступка, как неизмеримо любил он свою

неверную жену. Ибо он сам в отчаянии покусился на собственную жизнь и закрыл перед собой врата, ведущие к Вечному Спасению.

Люди уложили тело его на повозку, а на другую — тело того несчастного дворянина, который, хоть и грешен, но также должен быть по христиански погребен, и двинулись к замку, где женщины стали обыскивать комнату за комнатой, все тайники и закоулки в поисках своей госпожи. Не могла ведь она покинуть замок незаметно для них, поскольку они не отходили от дамбы, а потом вернулись и подняли разводной мост. Однако ее нигде не было. Она растаяла, как туман, и никто ее не нашел, хотя искали многие, не щадя усилий своих в поисках тайника, где сэр Эдвард укрыв тело, так как все были согласны в том, что он покарал это явное вероломство ударом смертельным, нанесенным собственной рукой. Доказательством того, что тело этой несчастной женщины до сих пор покоится в объятиях замковых стен, пусть будут свидетельства многих, кто видел собственными глазами дух ее в белых окровавленных одеждах, и которые клянутся, что слышали ее голос жалобный, умоляющий, дабы не искали ее брэнного тела и не нарушали покоя ее останков, скрытых от людских глаз. Ходит также среди людей слух, что никто не найдет места, где схоронил ее муж и убийца, до тех пор, пока другую вероломную женщину не постигнет подобная кара в этом замке. Тогда душа ее освобожденная отойдет туда, где Господь милосердный даст ей обитель, а найденный прах упокоится в освященной земле».

Алекс поднял голову и, нахмутив брови, посмотрел в окно. Потом улыбнулся. У него появилось смутное предчувствие, будто он знает, о чем мистер Мелвин Кварендон хочет поговорить с ним во время ленча, на который его пригласил.

III

«Очень просто быть восемнадцатилетней...»

Кто-то из завистников, а их у нее было много, сказал, что Господь по доброте своей наделил Дороти Ормсби только одним настоящим талантом: умением оставаться подростком. Стройная, красивая, светловолосая, она смотрела на мир голубыми, чистыми и неизменно невинными глазами. Стоило ей появиться в дверях какой-либо из многочисленных редакций в Сити, высматривая с полной обаяния беспомощностью свободное место, где она могла бы быстро, почти без поправок, набросать одну из своих коротких, жестких, гениально точных рецензий, всегда со стула тут же поднимался кто-нибудь из ее бесчисленных седеющих старших коллег и с дружеской улыбкой предлагал ей место, любезным жестом указывая на свою пишущую машинку. И она с присущим ей девичьим обаянием всегда принимала эти явные доказательства признания ее весенней красоты.

А правда заключалась в том, что Дороти Ормсби писала рецензии уже пятнадцать лет, причем последние десять являлась непререкаемым авторитетом и судьей в обширной области, содержащей все то, что на издательском рынке входит в понятие «детективная литература». Ей исполнилось тридцать семь, и она говорила об этом поразительном факте громко и уверенно при каждом удобном случае, а возникающий по этому поводу всплеск недоверия всегда приносил ей подлинное, глубокое удовлетворение. Дошло даже до того, что Малая энциклопедия высказываний великих людей обогатилась год назад фразой Дороти Ормсби: «Очень просто быть восемнадцатилетней, когда тебе столько и есть!»

А сейчас рецензентка открыла сонные глаза, медленно повернула голову налево, увидела, что светящиеся стрелки часов показывают почти полдень, и легко встала, опустив ноги на пушистый ковер. Она зевнула

и обнаженная, как Ева, двинулась на цыпочках к двери ванной. Посреди комнаты она остановилась и огляделась. Сквозь неплотно задвинутые шторы падала узкая полоска света. Мужчина, которого Дороти оставила в постели, по-прежнему спокойно спал. Она с нежностью посмотрела на его темную, кудрявую, едва видимую в полутьме голову. Он дышал ровно. Она улыбнулась. Хоть это продолжается уже два месяца, сегодняшняя ночь была такой же приятной, как и все предыдущие. Но время расставания неизбежно приближалось. Так было всегда. Она не смогла бы определить, в каких закоулках подсознания пробуждались первые признаки, но как только они появлялись, она знала наверняка, что это случится. Словно внезапно и необратимо стали высыхать родники страсти, сердечности и преданности, которые еще день назад били так бурно.

Дороти вошла в ванную и тихо прикрыла за собой дверь. Она по-прежнему улыбалась. Она знала, что эти родники вскоре забудут с новой силой. Но это будет уже другой мужчина, хотя она еще не представляла, кто им станет. Она была одинокой и, в отличие от почти всех окружающих ее женщин, хотела жить и умереть, ни с кем не связываясь и никого по-настоящему не любя. Она не переносила страданий, ревности и, прежде всего, компромиссов, которые бы вторглись в ее жизнь вместе с человеком, имевшим право задавать вопросы.

Дороти открыла кран над ванной, накинула халат и вышла. Миновав библиотеку и узкий темный холл, она подошла к входной двери. На соломенном коврике стояла бутылка молока. Дороти взяла ее и заперла за собой дверь. Только сейчас она обнаружила на полу холла большой конверт, брошенный через щель для писем. Она подняла его и вернулась в ванную комнату, поставив по пути молоко на столик в кухне. Дороти сняла халат и ступила в ванну, не закрывая кран. Затем взяла конверт и разорвала его. Взглянув на буклет, она распечатала второй конверт:

«Аманда Джадд и КВАРЕНДОН ПРЕСС имеют честь...»

Она быстро прочла письмо один раз, затем второй и машинально закрыла кран, потому что вода уже достигла края ванны. Потом обронила письмо на коврик и окунула руки в воду. Несколько минут она лежала с закрытыми глазами. Событие обещало быть интересным, а поскольку собирался весь цвет общества, от которого в известном смысле зависело ее существование, следовало бы там присутствовать. Внезапно она нахмурилась.

— Нет, его там не будет... — прошептала Дороти, — а если б даже был, — она пожалала плечами, — пожалуй, он уже перестал меня ненавидеть. Прошло столько времени. Три года? Нет, четыре...

Она потянулась за губкой, спрашивая себя, с какой это целью КВАРЕНДОН ПРЕСС устраивает всю эту потеху. Улыбки уже не было на ее лице.

Когда она вышла из ванной комнаты, красивый смуглый юноша сел в постели и сладко зевнул.

— Кофе, — прошептал он. — Умоляю.

— Повелевай! — она подошла и поцеловала его. — Любой твой приказ будет выполнен без промедления.

Но она ошиблась. Некоторое промедление все же возникло. Это случилось из-за того, что он вдруг протянул руки, обнял ее за плечи и привлек к себе. Она закрыла глаза и обняла его с неясным чувством, что обнимает кого-то другого. Впрочем, это чувство исчезло так же быстро, как и возникло. Поцелуи, которыми смуглый юноша покрывал ее тело, не давали собраться с мыслями. Она лениво решила, что пока не будет думать о предстоящей встрече в замке с этим грозным названием... каким же названием? Она стала дышать все быстрее. Мистер Кварендон, его гости, ее воспоминания и черное каменное строение с зубчатой башней заколыхались, погрузились в розовый туман и исчезли.

IV

Знак вопроса

В детстве лорд Фредерик Редленд не проявлял даже тени тех пристрастий, которые впоследствии почти полностью овладели его умом. Будучи мальчиком, за пять лет, проведенных в Хэроу Скул, он прочел ровно столько же детективных романов, сколько прочел бы за это время любой другой мальчишка, а может даже меньше, поскольку не отличался особой живостью ума и, не желая плестись в хвосте, должен был проводить над школьными учебниками больше времени, чем другие.

Все изменилось во время последних, перед окончанием школы, каникул. Он проводил их в старинной резиденции Редлендов в графстве Саррей и однажды вместе с отцом отправился поохотиться на фазанов. День выдался солнечный, безветренный и тихий. Они шли в десятке шагов друг от друга, но фазаны явно переместились сегодня в другую часть обширного парка, потому что их нигде не было видно.

Внезапно юный Фредерик остановился. Отец еще какое-то время продолжал идти вперед, но, обернувшись, заметил, что сын стоит, глядя на нечто, лежавшее рядом с буйно разросшимся кустом можжевельника.

— Что ты там увидел? — крикнул он.

Мальчик не ответил. Он поднял руку, призывая отца движением ладони.

Спустя минуту они стояли рядом, разглядывая лежавшую в траве девушку в мини-юбке и белой блузке. У нее были стройные ноги и загорелые руки. Ее длинные светлые волосы слиплись от уже почти черной, запекшейся крови. То, что осталось от лица...

— Не смотри, — сказал отец, осторожно прикоснувшись к его плечу.

— Почему, папочка? Я уже взрослый. Меня это не пугает.

Старый лорд вздрогнул. Голос сына прозвучал так спокойно, будто в траве лежал убитый фазан.

— Идем домой, — сказал отец. — Надо немедленно сообщить в полицию. Это не похоже на несчастный случай.

— Это убийство, — Фредерик оглянулся на лежавшее в траве тело, прежде чем двинулся за отцом. — Никто не может нанести сам себе подобные раны.

Потом приехала полиция, машина с врачом и двумя санитарями, какие-то люди расставили штативы на поляне, а шеренга полицейских медленно прочесала весь парк и отрезок ведущей к нему дороги в поисках следов. Много дней велись опросы всех, кто жил поблизости или случайно оказался в этой окрестности. Но девушки никто не знал, и нигде не обнаружился дом, в котором бы ждали ее возвращения. Никто ничего не видел, не слышал и не встречал подобным образом одетой молодой женщины.

Имя убитой, равно как имя убийцы, так никогда и не было открыто.

А трава в парке продолжала расти по-прежнему, словно ничего не произошло.

Но произошло многое.

Фредерик под влиянием этого потрясения купил учебник криминалистики, который оказался собранием ужасающих снимков и рисунков. Бывая в Лондоне, Фредерик заходил в музей восковых фигур мадам Тюссо, где можно было увидеть орудия преступления, правдиво воссозданные интерьеры, забрызганные кровью жертв; веревки, с петлей на конце, именно те, действительно те, на которых повисли убийцы, и посмертные маски известных и менее известных жертв.

Вначале он читал разные книги, но позже детективная литература начала вытеснять остальное. Когда он оказался в Кембридже, его малень-

кая студенческая квартира постепенно заполнилась полками, набитыми книгами, цветные и блестящие обложки которых отчаянно кричали о морозящих кровь деяниях.

Шли годы. Умер отец. Когда Фредерик произнес свою первую и одновременно последнюю речь в Палате лордов, он безгранично поразил всех тех, кто знал его с малых лет и неизменно считал глупцом. Речь получилась прекрасной, она касалась роста преступности в Англии, а выступавший с невероятной доскональностью знал всю статистику, мотивы, криминогенные явления и деятельность полиции на всей территории страны и во всех важных для криминалиста средах. Впечатление было потрясающим, тем более что выступающий не пользовался никакими записями, а говорил по памяти.

Однако лорда Фредерика не интересовали ни политическая карьера, ни какой-либо государственный пост, связанный с поисками преступников или актами правосудия. Он почти полностью отошел от общественной жизни. К счастью, он унаследовал большие деньги. Он был настолько богат, что мог посвятить себя тому, что стало для него такой же неудержимой страстью, как для иных лошади или женщины: собиранием всего, что связано с преступлением. По сравнению с коллекцией, которую он собирал в течение последних двадцати пяти лет, раздел ужасов Музея мадам Тюссо казался невинной выставкой для благовоспитанных детишек. Мир не знал собрания столь одностороннего и столь поражающего воображение: коллекцию открывали два египетских папируса времен XI династии, говорящие о преступлении и наказании; она содержала ассирийские орудия пыток и критский кинжал с двумя лезвиями, затем следовали средневековые камеры пыток с их «позорными столбами» и «матрешками» с обращенными внутрь острыми клинками, а заканчивалась она плюшевыми витринами, где хранились пули, извлеченные из тел людей очень известных и известных не очень: президента X, священнослужителя V и бесконечного множества других.

Все это было с научной точностью выделено в разделы и занимало почти весь дом Фредерика в Лондоне и большую резиденцию в графстве Саррей. А между двумя этими музеями курсировал тихий, робкий, одинокий человек, дающий время от времени великолепные обеды для узкой группы людей, которые его в данную минуту больше всего интересовали: самых талантливых писателей или офицеров полиции, только что прославившихся решением очередной сложной криминальной загадки.

По причине, которая ему самому не была до конца ясна и понятна, он установил в парке (там, где много лет назад нашел тело той изуродованной девушки) белый прямоугольный камень, напоминающий надгробие. На этом камне он приказал выгравировать большой вопросительный знак. Позже, спустя годы, воспоминание об этом молодом мертвом теле стало причиной одного крайне удивительного происшествия, которого он по сей день не мог понять.

Сейчас, медленно прохаживаясь по библиотеке, лорд Фредерик еще раз прочел приглашение мистера Мелвина Кварендона и улыбнулся. Это будет интересная экскурсия и приятная встреча с несколькими достойными внимания людьми.

Он поправил монокль, снова заглянул в письмо и вздохнул, потому что ему вдруг пришло в голову, что эта встреча была бы не просто приятной, но могла бы стать прекрасной и незабываемой, если бы вместо вымышленного преступления, совершилось бы подлинное. И даже смутно не сформулировав эту мысль, он знал, кто должен стать жертвой.

Лорд Фредерик встал и вышел в широкий коридор, пересекающий дворец от парадной до тыльной стороны. Он шел медленно, чтобы полюбоваться сквозь большую двойную остекленную дверь платановой аллеей,

конец которой исчезал вдаль, упираясь в едва видимые с этого расстояния высокие ворота.

Через несколько шагов он остановился и машинально ласково погладил один из двух деревянных столбов, между которыми покоилось блестящее, хорошо сохранившееся лезвие гильотины.

Доставка ее из Франции стоила немалых трудов, и он испытывал к ней чувство, которое иные дарят только самым близким существам.

V

Старый уставший человек

Джордан Кедж открыл конверт, без особого интереса отложил буклет и начал читать письмо:

«Аманда Джэдд и КВАРЕНДОН ПРЕСС имеют честь пригласить Вас...»

Не выпуская письма из рук, он прикрыл глаза. Минуту спустя открыл их снова и дочитал письмо. Затем встал и, подобрав полы халата, начал прохаживаться босиком взад-вперед по огромному пушистому ковру, устилающему почти весь пол комнаты. Потом остановился.

— Возмутительно, — громко сказал он, хотя в комнате кроме него никого не было, — приглашать меня на какой-то идиотский праздник этой дамочки! Разумеется, ноги моей не будет в их дурацком замке!

Тем не менее, Джордан снова подошел к столу и взял буклет. Он начал его машинально перелистывать, не обращая внимания на снимки и бегло просматривая текст невидящими глазами.

— Что за вздор! — пробормотал он. — Небось какая-то новая рекламная затея старого Кварендона. И почему я должен принимать в этом участие?

Он уронил буклет на ковер и глянул в окно, за которым посреди газона цвели буйные кусты белых и пунцовых роз. Джордан Кедж любил цветы и одиночество. И с некоторых пор недолюбливал людей. Он сунул ноги в шлепанцы, встал и распахнул застекленные двери, ведущие на террасу. День выдался теплый и тихий. Джордан сошел по ступенькам террасы и уселся на белой скамейке лицом к солнцу.

«Прекрасное утро, — подумал он. — В полдень будет зной, даже сейчас жарко. Подобное утро редко бывает у нас в Англии, а этот старый шут выбрал именно такой день. Уж не вообразил ли он, что я туда поеду?»

Джордан Кедж тихо выругался. Уже с первой минуты по прочтении письма он знал, что поедет.

Прошло тридцать пять лет с той поры, как он издал свою первую книгу, которая сразу же принесла определенный успех. Позже успехов было больше и меньше, но и по сей день он остался читаемым автором. С тем только, что в последние годы Кварендон печатал лишь время от времени переиздания его старых романов, которые все еще находили своего читателя, но сам Джордан Кедж знал лучше, чем кто-либо, что он уже не в состоянии придумать интересное убийство и логически точную, неожиданную развязку. Закончив работу над двумя последними книгами, он швырнул их в камин. Он боялся. И не мог забыть того, что Дороти Ормсби написала о его последнем изданном романе: *«Джордан Кедж, кажется, утратил способность логически точно вести своих героев и строить ситуации, которые могли бы всерьез приковать внимание читателя классического детективного романа. А жаль, потому что когда-то он писал лучше, и не следовало бы ему рисковать своей популярностью, для создания которой он много лет столь успешно работал. Не думаю также, что он мог бы перейти на триллеры, ибо книги его никогда не грешили избытком напряжения и мгновенными сменами ситуаций»*.

После этой рецензии Джордан Кедж возненавидел Дороти той банальной, жуткой ненавистью, которая не пощадила неизмеримо более выдающихся, чем он, писателей, проклинающих в душе неизмеримо более выдающихся, чем она, критиков.

Но еще большую, почти неосознанную ненависть ощущал он, читая Аманду Джадд. Она была молода, полна блестящих идей и, казалось, процесс творчества не представляет для нее ни малейшей трудности. В течение последних трех лет каждая ее книга становилась сенсацией на рынке.

Она быстро поднималась по семицветной дуге радуги, по которой он спускался вниз, к линии горизонта.

«Я стар, — подумал Джордан, — и я устал. Но я еще покажу им всем. Надо только немного собраться».

Он снова вздохнул. Потом встал и двинулся по газону к открытым дверям террасы. Надо взглянуть, что в том буклете. Хоть Джордан и старался не думать об этом, но больше всего сейчас ненавидел он самого себя.

Конечно, он поедет, чтобы быть там, среди самых лучших, чтобы послушно исполнить желание Кварендона, всем улыбаясь и отчаянно стараясь не позволить миру забыть о нем, ибо вот он здесь — все еще существует и все еще входит в элиту детективных писателей Англии, — он, старый, уставший человек. Джордан вошел в комнату, сел в кресло и взял буклет. Он медленно прочел его, а закончив чтение, сомкнул веки. Некоторое время он сидел совершенно неподвижно. Потом внезапно вздрогнул и открыл глаза. Улыбка тронула уголки его губ.

— Посмотрим... — прошептал он. — Еще посмотрим.

Джордан Кедж встал и начал прогулку вдоль и поперек ковра. По-прежнему улыбаясь.

VI

Безупречный, решительный и доброжелательный

Безукоризненно одетый молодой человек тихо вошел в кабинет. Бесшумно ступая по пушистому ковру, он приблизился к огромному блестящему столу, за которым сидел сэр Гарольд Эддингтон, заместитель министра. Пачка писем тихо опустилась на пустой поднос.

— Утренняя почта, сэр.

Эддингтон кивнул и остановил уходившего молодого человека движением поднятой руки.

— В десять придут эти люди из Таможенного департамента, чтобы обсудить проект новых тарифов. Прошу впустить их немедленно. Надо, наконец, принять решение.

— Да, сэр.

— Пожалуй, это все, Джонни, — он улыбнулся и снова кивнул головой.

Молодой человек исчез за дверью. Эддингтон подвинул к себе поднос. К счастью, почта была уже отобрана и большинство писем пошло прямо в соответствующие отделы министерства. О содержании некоторых из них, требующих от него принятия решения, он узнает во время совещания в понедельник. На подносе обычно оставались либо очень важные дела, либо личные. Он обратил внимание на большой конверт, лежавший наверху пачки посланий и распечатал его:

«Дорогой Гарольд,

надеюсь, что несмотря на твою огромную занятость в Министерстве внутренних дел, ты все же пожелаешь принять участие в небольшом торжестве, которое...»

Он прочел письмо до конца и положил на стол. Затем нахмурил брови, плотно закрыл глаза, быстро открыл их и потряс головой, словно желая проснуться.

— Значит, все же... — тихо произнес он с изумлением.

Оба они были родом из Кента, и оба прибыли много лет назад в Лондон, бедные и полные надежд. Но их надежды настолько отличались одна от другой, насколько отличается мечта о большом богатстве от мечты о чиновничьей карьере и безупречной репутации. Объединяло их, однако, нечто большее, чем происхождение и околица, где они впервые увидели свет. Им обоим больше нравились цилиндры, чем кепки, и они одинаково испытывали столь распространенную в деревне неприязнь к революционным преобразованиям в этом лучшем из миров. Должно быть, поэтому они были членами консервативной партии. А познакомились они несколько лет назад на одном из ее конгрессов.

С чувством смутной тревоги он взял в руки буклет со снимком замка на обложке, но в это время открылась дверь.

— Пришли юридические советники и представители Таможенного департамента, — сказал молодой человек. — Могут ли они войти?

— Да, конечно!

Гарольд Эддингтон оживился. Он собрал письма и отодвинул их в сторону. Затем встал и направился к двери. Ожидающие за ней чиновники были его подчиненными, но заместитель министра всегда старался быть на высоте и с присущей ему спокойной сдержанностью не проявлял излишнего многословия, чтобы люди, которыми он руководил, любили и уважали его. Он хотел быть безупречным во всем, в том числе и по отношению к ним. Безупречным, решительным и доброжелательным всегда, даже сейчас, когда ему так сильно хотелось остаться одному.

VII

Он безмятежно улыбнулся

Комиссар Бенджамин Паркер, заместитель начальника Криминального отдела Скотленд-Ярда, заметил краем глаза зеленый огонек и нажал кнопку.

— Мистер Джо Алекс на линии, — прозвучал спокойный голос из селектора.

— Хорошо, прошу соединить, — он улыбнулся. — Как дела, Джо? Господи, что заставляет тебя звонить в столь раннюю пору? Или ты еще не ложишься?.. Ах, только что встал? Значит, все же мир меняется, и мы вместе с ним... Что?... Да, получил... Мистер Кварендон написал мне, а потом позвонил... Что?... Вначале я колебался. Мне показалось не совсем уместным, чтобы... Да, я знаю, что ты хочешь сказать, но дай мне закончить. Так вот, потом я подумал, что это в сущности уикенд, а у меня остались самые добрые воспоминания о графстве Девон. Каждый раз, когда я там оказывался, было тепло и солнечно, стало быть, возможно, и сейчас так будет. Кроме того, я прочел буклет, который он прислал, и все это показалось мне довольно забавным. У нас столько реальных преступлений, что немного вымысла — подлинное удовольствие для пожилого, уставшего полицейского. Этот замок выглядит, как и должен — грозно и таинственно. Ну и, наконец, я не знаком с твоей главной конкуренткой, мисс Амандой Джадд. Я прочел пару ее книжек. Не хочу тебя обидеть, но думаю, что она способная. Ты ведь прекрасно знаешь мою слабость к детективным писателям... Что?... Это очень хорошо с его стороны. Я как раз думал, как туда доехать... Ведь это почти конец света. А ты тоже с ним едешь?.. Ну и замечательно!..

Выезжаете очень рано?.. Понимаю... Что?.. Вертолетом? Великолепно!.. Можно предположить, что на ленч мы успеем точно, а это уже кое-что... Ждать ли мне вас у себя дома? А может просто я приеду к тебе?.. Хорошо. Буду без четверти семь. До завтра!

Он положил трубку и глубоко вздохнул. Потом оглядел стол. Слева лежали аккуратно сложенные рапорты, которые нужно просмотреть. Он начал быстро читать. Какая-то молодежная банда, которая еще ничего серьезного не натворила, но со временем может стать опасной. Муж пытался убить жену, но, к счастью, не убил, хотя ее и отвезли в больницу. Ограбление со взломом кассы в универмаге Хэрроу... Обычная лондонская ночь счастливо обошлась без трупов и серьезных катастроф.

Заместитель начальника Криминального отдела выдвинул ящик стола и достал цветной буклет, на котором черный замок скалил волчий зуб башни под голубым безоблачным небом.

— К вам суперинтендант Хенслоу, — тихо сказал селектор.

— Пусть войдет.

Бенджамин Паркер положил буклет обратно в ящик и безмятежно улыбнулся.

VIII

Три снимка

Миссис Александра Бремли много лет завтракала в маленьком кабинете, который примыкал к ее спальне. Завтрак этот состоял из неизменной чашки крепкого кофе, двух горячих гренок с маслом, яйца всмятку и стакана апельсинового сока. Однако сегодня произошли существенные изменения. Завтрак был подан на два часа раньше. Она взглянула на столик. Кофе, гренки и сок исчезли, но одно яйцо ожидало ее по-прежнему.

— Нет, — вполголоса сказала миссис Бремли, — не следует переждать перед путешествием.

Она встала и подошла к небольшому столику, занимающему пространство между двумя большими окнами, сквозь которые вливался мягкий свет зари. На столике стояли три снимка в одинаково темных серебряных рамках: седой, глядящий в объектив мужчина с легко подкрученными усами, не закрывающими тонких губ; улыбающаяся молодая женщина со светлыми, коротко стриженными волосами и молодой мужчина с большими, серьезными глазами; на последнем снимке видны были еще и лацканы черного пиджака, застегнутый доверху черный жилет и поперечная белая полоска пасторского воротничка. Миссис Бремли взяла снимок седого мужчины и улыбнулась.

— Что ты думаешь обо всем этом, Джон? — спросила она, не повышая голоса. — верно, что я не должна много есть перед поездкой, особенно в моем возрасте? — она покивала головой. — Знаешь ли ты, что позавчера мне исполнилось семьдесят лет? К счастью, ноги еще не отказывают мне, как моей бедной маме, когда она дожила до этих лет. Но я должна следить за собой. Особенно сейчас. Она с минуту вглядывалась в снимок, словно ожидая ответа, затем вернула его на место и взяла стоявший посередине снимок молодой женщины.

— Не беспокойся обо мне, Эмми. Ты же знаешь, что я должна ехать. Когда мы увидимся, я подробно расскажу тебе обо всем. До свидания, доченька!

Она легко прикоснулась губами к стеклу поверх снимка и поставила его на столик, взяв в руки последнее фото.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Джордж, — вздохнула она. — Но не пытайся меня переубедить. Я тоже верю, что души людей бессмертны. Но также верю, что существует справедливость не только по отношению к людям, но и по отношению к душам после их расставания с телом. Тебя, верно, удивляет, мой малыш, что я осталась одна по эту сторону черты в то время, как мир, где вы все трое находитесь, важнее всего для меня... Но ты ведь знаешь, как горячо я жду дня встречи с вами, с тобой, мой маленький внучек...

Она зажмурилась и прижала снимок к губам, а потом, вернув его на столик, стояла, задумчиво глядя в окно. Рождался безоблачный день.

Маленькая фигурка миссис Бремли выпрямилась и старая леди подошла к большому застекленному книжному шкафу. Она скользнула взглядом по заполненным книгами полкам, а затем взяла толстый том в зеленой обложке. Название на корешке уже несколько вытерлось: Кэмил Фламарион «Дома, которые посещают призраки». Она отложила книгу на столик и потянулась за следующей — Джеймс Тернер «Привидения юго-западной Англии». Стопка книг на столе постепенно росла. Потом миссис Бремли покачала головой и вернула несколько книг в шкаф. Затем вошла в спальню и нажала кнопку звонка. Несколько минут она ждала, выпрямившись и глядя в окно.

— Вы звонили?

— Да, Джэйн. Возьми эти книги, уложи в отдельную сумку и отнеси в автомобиль. Подожди.

Она снова подошла к шкафу, взяла с нижней полки две совершенно одинаковые книги, чуть поколебалась, а затем передала их девушке. На обложках стояли ее имя и девичья фамилия, которой она всегда пользовалась, подписывая свои произведения, — Александра Уорделл «Появляются ли призраки и почему?»

— Возьми и эти.

— Хорошо, мэм. — Девушка подошла к столу и взяла книги.

— Все ли уже уложено?

— Да, мэм. Чемоданы отнесены к автомобилю, а Грегори ждет у подъезда.

Миссис Бремли кивнула головой.

— Ты довольна, что я беру тебя с собой?

— Да, мэм. Я никогда не была в графстве Девон. Говорят, там очень красиво.

— У тебя будет немного больше времени, чем обычно, — с улыбкой сказала миссис Бремли. — Программа посещения сообщает, что гости будут находиться в замке на острове абсолютно одни в течение сорока восьми часов, а все сопровождающие их лица останутся на берегу.

— А кто же будет с вами в это время, мэм?

— Как-нибудь справлюсь сама, Джейн. Я еще не настолько стара, чтобы меня нельзя было оставить без опеки на два дня. К тому же я буду там не одна.

— Да, мэм, конечно, — ответила горничная. — Но я люблю присмотреть, чтобы все было в порядке.

— Идем! — миссис Бремли снова улыбнулась. — Не забудь книги.

— Конечно, не забуду, мэм.

Пятнадцать минут спустя серый блестящий роллс-ройс тихо выехал по парковой аллее к воротам. Оставшись в одиночестве на заднем сидении, отгороженная стеклом от водителя и Джэйн, миссис Бремли закрыла глаза. Бедным людям все кажется, что они были бы очень счастливы, имея много денег, а вот миссис Бремли была очень грустна, хотя и очень богата. Впрочем, вскоре черты ее лица разгладились. Встреча, которая ее ждала, несла в себе предчувствие счастья.

IX

«Его действительно что-то беспокоит?»

Доктор Сесил Харкрофт поднял большую черную дорожную сумку и взвесил ее в руке.

— Не тяжелая, — с облегчением сказал он. — К счастью, это всего два дня.

Он подошел к столу и открыл небольшой, тоже черный саквояж, с двумя шифрованными замками.

— Берешь его с собой? — Агата Харкрофт улыбнулась. — Я думала, это будет спокойный уикенд с банкетом в честь Аманды Джадд и встречей с домашним привидением в полночь.

— Думаю, что так оно и будет, — доктор Харкрофт окинул взглядом содержимое саквояжа, удовлетворенно кивнул головой и закрыл крышку. — Но врач никогда не перестает быть врачом. К тому же мистер Кварендон — мой пациент и, честно говоря, я полагаю, что это единственная причина моего приглашения.

— Его действительно что-то беспокоит?

Харкрофт улыбнулся.

— Трудно ответить на вопрос, сформулированный подобным образом. Состояние его сердца наверняка не вызывает опасений, но проблема с людьми, подобными Кварендону, заключается в том, что они привыкли отдавать приказы, а не выслушивать советы, даже профессиональные, — доктор снова улыбнулся. — Ему уже за шестьдесят, и он очень поправился в последнее время. Давление тоже повысилось. А поскольку он работает больше и интенсивней многих молодых людей, начинает вырисовываться определенная проблема. А Кварендон человек настолько богатый, что желает, дабы эту проблему взял на себя доверенный врач. Это означает, по его мнению, что он может переждать и работать так же, как прежде, а я должен заботиться о его бесценном организме. Пока что он получил от меня нечто вроде тихого согласия. Но я обследую Кварендона регулярно, и если замечу в кардиограмме или в его самочувствии какие-то явные изменения, тут же решительно вмешаюсь и... тогда посмотрим, послушает ли он меня, — Сесил улыбнулся еще раз.

Он взял сумку и саквояж. Жена поднялась с кресла, подошла и поцеловала его в щеку. Он был высоким, атлетически сложенным мужчиной, и миссис Харкрофт была почти одного с ним роста.

— Поцелуй от меня мальчишек, если позвонят! — сказал он, направляясь к двери. — Скажи им, где я нахожусь, и добавь несколько деталей. Надеюсь, они мне позавидуют.

— Наверняка! Когда тебя ждать?

— В понедельник, разумеется. Но не представляю, в котором часу.

— Я навещу отца, — сказала она, — и, может, останусь у него на ночь. Так что, если будешь звонить, то сначала ему. Агата проводила его к двери, а пока он укладывал саквояж и сумку в автомобиль, стояла на крыльце, спокойная и улыбающаяся. Он запустил двигатель и помахал ей рукой. Она ответила ему кивком головы. Агата не любила бурных проявлений чувств. Еще некоторое время он видел ее в зеркальце, а затем перенес внимание на дорогу. Улица в этот ранний час была почти пустынна. Начинался теплый, солнечный день.

Доктор Харкрофт уверенно вел машину и продолжал думать о жене. Они прожили вместе двадцать спокойных, счастливых лет, вырастили двоих сыновей, которые находились теперь далеко в школе. В той самой школе, которую окончил ее отец, старый сэр Джошуа Тэйбард, жесткий, но

исключительно порядочный человек, с такими непоколебимыми моральными устоями, будто он никогда не читал ничего, кроме Десяти Заповедей. Должно быть, ему пришлось пережить тяжелые минуты, когда его единственная дочь сказала много лет назад, что любит молодого, никому неизвестного врача, который прибыл из далекой провинции, имея в качестве единственного имущества лишь веру в собственные силы. Но Агата обладала столь же несгибаемым характером и непоколебимыми принципами, как и ее отец, который, в конце концов, признал, что поскольку зять стал одним из наиболее известных в Лондоне кардиологов, его дочь не ошиблась. К тому же, она явно была счастлива. Тэйбард полюбил своих внуков, и все сложилось хорошо. На перекрестке загорелся красный свет. Харкрофт мягко затормозил. Автомобиль остановился.

Да, он больше ничего не хотел от жизни. Все ищут счастье, но не все его находят. А это было счастье, которое он нашел, удержал и обязан теперь защитить от любой угрозы, которую могло нести будущее.

X

«Ты приготовил место для этих бестий?»

Аманда Джадд оперлась оголенными локтями о высокую каменную ограду башни и поднесла к глазам тяжелый полевой бинокль, который почти закрыл ее миниатюрное смуглое лицо. Начавшийся внизу отлив обнажил соединяющую замок с берегом, черную гладкую полосу скальной дамбы, которая возвышалась над мелкими искрящимися на солнце волнами, лизавшими ее края. Дамба и бегущие вдоль нее стальные поручни блестящие, испаряя на солнце капельки воды. Вскоре отступающее море обнажит на дне узкого залива длинные языки песков и тысячи темных влажных валунов, неподвижных, словно стада морских животных, отдыхающих у берега. На прикрытой полукруглым мысом пристани у края деревни белая моторная яхта и несколько рыбацких лодок осядут ниже линии берега. А вечером море вернется. Аманда повела биноклем вдоль плавно ползущей вверх узкой асфальтовой дороги, которая пересекала поля и исчезала в лесу, покрывающем гребни далеких холмов. Затем она опустила бинокль к домам деревни, которые на таком расстоянии казались игрушечными. Возле одного из них мальчишка в ярко-зеленой рубашке играл со щенком, бросая ему палку. Лучи солнца, стоявшего уже высоко над морем за спиной Аманды, ярко сверкали в стеклах маленьких окон.

— Никого, — негромко сказала Аманда, — а уже скоро десять. Боюсь, не все успеют на ленч.

Она опустила бинокль и положила его на ограду. Затем обратилась к стоявшей рядом молодой женщине.

— Как ты думаешь, Грейс, все приедут?

— Конечно! — Грейс Мэплтон, красивая, стройная и невозмутимая, улыбнулась: — Во-первых, ты уже настолько известна, что, пожалуй, в этой стране нет ни одного человека, который пренебрег бы твоим приглашением. Во-вторых, не забывай, что спонсором этого уикенда является КВАРЕНДОН ПРЕСС. Я не помню случая, чтобы Мелвин Кварендон что-либо упустил. Можешь мне поверить, потому что я целых три года была его личным секретарем.

— Будем надеяться, что ты не ошибаешься, — сказала Аманда тихо и несколько серьезней, чем собиралась. — Не хотелось бы выглядеть смешной.

Она невольно поджала губы. С моря долетел порыв свежего ветра и заслонил ее озабоченные глаза прядью темных, взъерошенных волос.

— Смешным будет выглядеть тот, кто не приедет, — убежденно добавила Грейс. — А, кроме того, я вчера звонила в Лондон, и в офисе КВАРЕНДОН ПРЕСС подтвердили их приезд. Все оповещены и собираются сюда. Разумеется, я сообщила им, что до десяти утра к нам трудно будет добраться. Не представляю себе мистера Кварендона, бредущего по дамбе по колено в воде и обливаемого по уши каждой набегающей волной. Но я уже говорила тебе об этом.

— Да, говорила, — Аманда Джадд неуверенно улыбнулась. — Не понимаю, почему все это меня так волнует? В конце концов, этот милый праздник и немного развлечений должны доставить мне только удовольствие и ничего больше. Наверно, я просто переутомилась. Она снова взяла бинокль, но положила его обратно, не поднимая к глазам.

Грейс Мэплтон вынула из кармана шортов сложенный вчетверо листок бумаги. Она развернула его и быстро пробежала глазами.

— Все готово, — мягко сказала она, — ты можешь расслабиться, дорогая. Я лишь не проверила, занялся ли Фрэнк подготовкой места для собак, потому что он взял их на себя и сказал, чтобы я не забивала себе этим голову.

Она умолкла, потому что из сумрачной глубины узкой винтовой лестницы, уходящей круто вглубь башни, раздался зычный мужской голос:

— Аманда, ты там?

— Да, — крикнула она, обернувшись.

Светлая, коротко стриженная голова ее мужа показалась над верхней ступенькой лестницы. Он открыл рот, собираясь что-то сказать.

— Ты приготовил место для этих бестий Кварендона? — перебила его Аманда. — Грейс утверждает, что это единственное дело, которое она не успела проконтролировать.

— Приготовил ли я?!

Фрэнк Тайлер выскользнул из входного люка лестницы и шагнул к стоявшим у ограды женщинам.

— Достопочтенный Джонатан Дэйл, местный деревенский столяр, доставил мне вчера великолепную будку, в которой спокойно разместился бы крупный медведь со всей семьей. Я велел поставить ее во внутреннем дворе, если этот колодец можно назвать двором. Мне кажется, псам там будет неплохо. Если у них хватит воображения, они могут решить, что по этому двору можно даже побегать. Во всяком случае, в будке лежат два соломенных матраца, так что спать им есть на чем.

Аманда с внезапным беспокойством обратилась к своей красавице-секретарше.

— А может, мистер Кварендон спит с ними в одной комнате? — спросила она неуверенно. — Тебе что-нибудь известно об этом?

— Я перестала быть его рабыней и стала твоей, как раз когда он их купил. Тогда они были совсем маленькие. С тех пор я их не видела. Так что не могу тебе отве...

Она вдруг умолкла на полуслове и вскинула голову. Фрэнк прикрыл глаза от солнца ладонью.

— Что это? — спросила Аманда. — Самолет? Но это невозможно — ему же здесь негде...

— Вон там! — закричала Грейс, указывая вытянутой рукой.

Вертолет появился неожиданно, подлетая совсем низко со стороны холмов. Спустя минуту он сделал небольшой круг над замком, потом замедлил полет, повис неподвижно в воздухе и плавно опустился на луг между домами на краю деревни и дамбой.

— Я же говорила тебе сегодня, что мистер Кварендон никогда ничего не упускает, — сказала Грейс, указывая пальцем на вертолет. Вдоль

его серебристой кабины бежала большая, блестящая на солнце надпись КВАРЕНДОН ПРЕСС. Лопасты винта остановились и легко опали, двигатель утих. Аманда подняла бинокль.

— Опускают трап, — сказала она спустя минуту, — появился мистер Кварендон... и Джо Алекс! Я очень рада, что он приехал... Дальше женщина... кажется, это Дороти Ормсби. Обожаю ее!

— Ничего удивительного! — Фрэнк Тайлер рассмеялся. — Если бы обо мне кто-нибудь написал столько хорошего, я бы любил его до последнего вздоха!

— Этого человека я не знаю, — продолжала Аманда, — и этого... этого тоже нет... Вот еще один... похоже, и его я никогда в жизни не видела... А вот и собаки! Какие большие!

Она быстро передала бинокль Грейс.

— Может, ты их знаешь?

Грейс некоторое время вглядывалась в группу людей, которые двинулись вслед за мистером Кварендоном в сторону дамбы.

— Один из них — сэр Гарольд Эддингтон, заместитель министра... также доктор Сесил Харкрофт, который заботится о сердце мистера Кварендона... и Джордан Кедж.

— Это хорошо, — Аманда кивнула. — Я боялась, что он не придет. В последнее время ему не очень везло, а ведь я была еще ребенком, когда прочла его первую книгу. Я знаю их все. А кто четвертый?

— Не знаю, кто это, — Грейс покачала головой. — Наверняка я его никогда не встречала.

Аманда резко отшатнулась от ограды.

— Боже мой, почему мы здесь стоим, Фрэнк?! Беги немедленно вниз и пошли кого-нибудь из прислуги за их чемоданами. Мы идем за тобой. Я должна встретить их у ворот! По дамбе уже можно пройти? Надеюсь, никто не сломает ногу! Грейс, у тебя есть с собой гребешок?

— Разумеется, — спокойно ответила Грейс Мэплтон и протянула гребень, вынутый из кармана блузки.

Фрэнк быстро исчез в проеме лестницы. Женщины двинулись за ним. Их тут же окружил полумрак, едва пробиваемый слабым светом подвешенных наверху лампочек. Винтовая лестница круто уходила вниз. Аманда на ходу причесывалась. Когда, наконец, они оказались внизу у подножия лестницы и через приоткрытую кованую узкую дверь вошли в прихожую замка, Аманда остановилась.

— Как я выгляжу?

— Великолепно! — заверила Грейс.

XI

«Они существуют так же, как вы и я...»

— Все уже здесь, кроме лорда Редленда, — сказала Аманда Джадд. — Минуту назад прибыла миссис Александра Уорделл. Она приехала на автомобиле — мужественная старушка! Я отвела ее в комнату, пусть немного отдохнет с дороги. Она очаровательна и удивительна — такая хрупкая и нежная! Никогда бы не поверила, что Уорделл написала столько книг о привидениях. Кажется, она знает о них все.

— Интересно, верит ли она сама в их существование? — пробормотал Кедж, но так громко, что его услышали все сидящие за столом.

— О, да! — Аманда Джадд хлопнула в ладоши. — Она сказала мне пару слов о нашей героине, то есть о несчастной леди де Вер, чью судьбу

мы попытаемся завтра выяснить, и это прозвучало так, будто она говорила о своей старой знакомой. Кажется, нет ни малейшего сомнения, что не только тело, но и дух этой бедняжки пребывает здесь вместе с нами и просто-напросто живет в этом замке...

Она умолкла и заботливо оглядела стол.

— Кто-нибудь голоден? А может подать еще кофе или чаю?

Ей ответил дружный гул голосов и отрицательные покачивания головами.

— Я прошу вас помнить, что в комнатах установлены звонки, и прислуга ждет ваших указаний... точнее, будет ждать до вечера, потому что на закате мы запрем ворота и останемся совершенно одни до самого утра. При всем желании никто не сможет нас навестить, и никто не выйдет из замка до рассвета, потому что примерно в десять вечера прилив начнет заливать дамбу.

Она встала.

— Прошу вас распорядиться своим временем до полудня. Потом мы хотим предложить всем нашим гостям прогулку на яхте, если не испортится погода. А тем временем мы здесь приготовимся к нашему «Вечеру ужасов».

Она улыбнулась и направилась к двери. Мистер Кварендон отодвинул стул и обратился к сидящему рядом сэру Гарольду Эддингтону:

— Ты не желаешь пройтись вон к тем холмам? Я должен хорошенько выгулять собак, раз уж им придется провести всю ночь запертыми в малюсеньком дворике.

— Разумеется! С большим удовольствием...

Они направились к двери, и за ними потянулись остальные.

— Пойду в комнату и попытаюсь вздремнуть... — тихо сказал Паркер, наклонив голову к Алексу, когда они приближались к двери, ведущей из столовой в узкий коридор, откуда каменные ступени поднимались на следующий этаж, где размещались комнаты гостей.

— Если не появишься до часу, приду разбудить, — Алекс глянул на часы. — Двух часов сна тебе хватит?

— Наверняка. Даже одного достаточно, — Паркер вздохнул. — Я вышел вчера из Ярда раньше обычного и хотел выспаться перед поездкой. Однако ночью мне звонили четыре раза... Было очень беспокойно.

Они остановились перед лестницей.

— Я останусь здесь, — сказал Алекс, — и немного осмотрюсь. Обожаю старые замки, узкие бойницы и зубчатые башни. Можешь уснуть, как дитя. К часу я тебя точно разбужу.

Паркер молча кивнул, еще раз вздохнул и начал медленно подниматься по лестнице. Вскоре он исчез наверху за поворотом, тонувшем в полумраке.

Джо двинулся, ступая по гладким каменным плитам коридора, освещенного примерно в середине ярким лучом дневного света, падавшим с правой стороны. Еще несколько шагов — и стена коридора окончилась, открыв обширную сводчатую нишу. Дневной свет проникал из бойницы в стене вместе со струей теплого воздуха, плывущей вглубь замка.

Джо миновал нишу и остановился перед массивными воротами, запертыми двумя поперечными дубовыми балками, просунутыми через черные железные кольца. Решетка из прутьев, равных толщине руки взрослого мужчины, висела под сводом на прочно натянутых цепях, идущих к двум мощным лебедкам, закрепленным в стене по обе стороны ворот. Опустившись, решетка перекрыла бы и калитку...

Джо вышел и огляделся. К дамбе спускались ступени, вырубленные в скале, наверно еще во время строительства замка. Когда час назад он входил сюда, дорога к калитке казалась ему более пологой. Сверху она выглядела гораздо круче. Единственным признаком современности были сталь-

ные, покрытые защитной краской поручни, бегущие вниз по обе стороны дороги и затем вдоль всей дамбы, вплоть до противоположного берега.

Джо с минуту постоял неподвижно, глядя на далекие холмы и безоблачное небо. Затем еще раз присмотрелся к дамбе. Во время прилива поручни наверняка тоже скрывались под водой. Одно было несомненным: ворота замка должны находиться выше линии самых высоких приливов, иначе вода постоянно заливала бы подвальные помещения. Но зимой, когда дамба покрывалась льдом в период особенно сильных морозов, которые случались и в Девоне, переход к берегу становился чертовски трудным и опасным предприятием.

Джо сделал несколько шагов вниз и, обернувшись, поднял голову. Прямо над ним возвышалась замковая башня. Прекрасное место. Если враг, сгрудившись на ступенях, попытался бы штурмовать ворота, защитники могли бы без всяких помех лить на головы нападающих смолу, кипяток, сбрасывать приготовленные заранее камни и безнаказанно истреблять противника... Да, рыцарь де Вер мог спокойно отправляться на войну, не беспокоясь о судьбе жены... Алекс улыбнулся.

Он повернул обратно и стал подниматься по скальным ступеням. Затем внезапно остановился. Прямо перед ним в темном проходе калитки неподвижно застыли, угрюмо уставившись на него, две огромные волчьи морды. В прихожей послышались голоса. Один из псов предупреждающе зарычал и показал клыки.

— Тристан!

В проеме калитки появился мистер Кварендон, а за ним — сэр Гарольд Эддингтон.

— Тристан, что это значит?

Толстяк-издатель даже не повысил голос, но оба пса попятнулись, опустив головы и поджав хвосты.

— Я, кажется, не ослышался. Он ведь зарычал на вас, верно? — спросил Кварендон. — Этого с ними никогда не случается. Возможно, их вывели из равновесия воздушное путешествие и новое место? Но это не оправдание. Тристан, устыдись! Если мы начнем кусать наших лучших авторов, далеко не уедем. Стыдись, кому говорю!

Пес лег и опустил голову на вытянутые передние лапы, отводя глаза, как человек, уличенный в недостойном поступке.

— Встань! — спокойно сказал мистер Кварендон.

Тристан встал.

— Пошли!

Псы сбежали вниз и остановились у входа на дамбу.

— Еще раз прошу прощения, мистер Алекс, — скромно сказал мистер Кварендон.

— Действительно, безобразие! — Джо покачал головой. — Впрочем, если даже они и сожрут всех ваших авторов, у вас в запасе есть другая профессия, очень похожая... дрессировка диких бестий.

Он глянул вверх.

— Я иду обозреть местность с высоты этой башни. Туда можно подняться?

— Конечно! — ответил мистер Кварендон. — Весь замок в распоряжении наших гостей! Но дорогу вам придется искать самому, потому что я не помню, каким образом туда входят.

— Попытаюсь.

Джо улыбнулся и вошел в прихожую. Некоторое время он стоял, озираясь. И вдруг, без всякой видимой причины подумал о сэре Гарольде Эддингтоне. Ведь он даже не взглянул на собак, не слышал того, что говорил Кварендон, не слышал ответов Алекса. Он смотрел неподвижными,

невидящими глазами на далекие холмы. И в вертолете он, кажется, не произнес ни слова, да и за завтраком тоже. Джо пожал плечами. Может, он просто самодовольный государственный чиновник, который забрался на самые высоты иерархии и таким способом утверждает свое достоинство? Или страдает какой-нибудь скрытой, тяжелой болезнью, которая лишает его радости жизни? А быть может, он вообще таким родился? Алекс покачал головой. Все это было возможно, но он не мог избавиться от назойливого, бессмысленного впечатления, что в чертах сэра Гарольда Эддингтона крылось нечто, что он уже много раз видел, чувство, которое люди обычно стараются скрыть под маской мнимого равнодушия, — страх. Он осмотрелся.

— А собственно, какое мне до этого дело, — сказал он себе вполголоса. Должно быть, все это просто почудилось в результате многолетней привычки отмечать то, что на первый взгляд кажется неясным, не соответствующим банальному, будничному поведению людей. — Вздор!

Джо поднял голову. Башня находилась прямо над ним, стало быть, туда должна вести какая-то лестница. Он заметил узкую окованную дверь совсем рядом с одной из лебедок, поднимающих решетку. Дверь была приоткрыта. Он подошел и заглянул. В свете слабой лампочки виднелись первые круто уходящие во тьму ступеньки винтовой лестницы. Он двинулся вверх, все время влево, в свете очередных лампочек, возникающих и исчезающих с равными промежутками. Наконец Джо обнаружил в стене каменную нишу и низкую узкую дверь из почерневшего дуба. Поколебавшись, он вошел в нишу и, протянув руку, прикоснулся к массивной железной ручке, но тут же убрал руку. Если дверь окажется открытой, то, возвращаясь, он посмотрит, что за ней прячется.

Он снова двинулся вверх, улыбаясь. Ему пришло в голову, что сейчас он похож на божью коровку, которая взбирается по бесконечно длинному штопору.

Еще и еще поворот. И вот показался дневной свет, упавший на стену. Спустя минуту лестница выпрямилась, и шесть последних ступеней вывели его на верхушку башни. Круглую, плоскую поверхность ограждали зубчатые выступы. К удовольствию Алекса, он оказался здесь в полном одиночестве. Джо двинулся в сторону ограды и сразу споткнулся. Он посмотрел под ноги. Рядом с люком лестницы лежала прикрепленная завесами тонкая стальная плита, обрамленная очень современной, толщиной с палец, резиновой прокладкой.

Джо улыбнулся. Если бы жители замка забыли закрыть люк этой крышкой во время ливня, вода хлынула бы водопадом и залила прихожую и коридор там, глубоко внизу. Он подошел к зубчатой ограде башни и взглянул на море. Солнце уже приблизилось к зениту и грело здесь так сильно, как никогда не грело в Лондоне. Водная поверхность лежала внизу, гладкая, как озеро, почти без морщинок. Легкий ветерок дул в сторону берега. Джо пересек круглую площадку башни и остановился на том же месте, с которого два часа назад Аманда Джадд высматривала гостей. И так же, как она, он облокотился о каменную ограду, но, поскольку был выше ростом, высунулся и, наклонив голову, посмотрел вниз. Прямо под ним, глубоко внизу, в тени башни лежали скальные ступени, ведущие к дамбе.

Алекс перевел взгляд на деревенские домики, а затем на дорогу, что бежала через поля. Вдали он увидел две идущие рядом человеческие фигурки и... да, это были собаки. Одновременно Джо увидел и автомобиль. Он был черным, блестящим, и солнечные блики заиграли на его поверхности, когда, минуя двух пешеходов, он свернул к деревне. Сейчас было отчетливо видно, как этот автомобиль притормозил и остановился за другим, серым роллс-ройсом, перед самым большим двухэтажным домом посредине деревенской улочки. Должно быть, это и была гостиница для

прислуги, о которой упоминал буклет КВАРЕНДОН ПРЕСС. Алекс улыбнулся. Немного было в мире маленьких прибрежных деревушек, где перед постоянным двором стояло бы два роллс-ройса. Первый из них, вероятно, принадлежал миссис Александре Уорделл, а на втором приехал лорд Фредерик Редленд. Только он один еще отсутствовал.

Передняя дверь автомобиля открылась, вышел мужчина в белой рубашке и черных брюках, открыл заднюю дверцу и придерживал ее, пока не показался другой, высокий, худощавый мужчина в темно-синем пиджаке и серых брюках. Только это и мог разглядеть Алекс на таком расстоянии. Когда-то он познакомился с Редлендом, который пригласил его в свое имение в графстве Саррей вместе с еще двумя гостями. Дело было несколько лет назад, и Джо, как сквозь туман, вспомнил поразительную коллекцию, которую показывал ее владелец, приятный, немного робкий человек, — вероятно, маньяк, как и все великие коллекционеры.

Редленд появился из-за последнего деревенского дома и свернул к дамбе. Отставая на несколько шагов, шел его водитель и нес в руках чемодан и большую дорожную сумку.

— Любуетесь пейзажем, мистер Алекс, или ищите дерево, на котором де Вер приказал повесить несчастного любовника своей неверной жены?

Светлая шевелюра и широкие плечи Фрэнка Тайлера вынырнули из люка, ведущего на лестницу.

— И то, и другое, — сказал Джо. — А точнее — первое, потому что единственные деревья, которые я вижу, растут возле деревенских домов. Дорога бежит через голые поля и уходит в лес на целых пару миль дальше, там, у холмов, — указал он, вытянув руку.

Фрэнк покачал головой.

— Когда-то лес был намного ближе. На месте, где все это произошло, стоит каменный крест. Вырубая лес, его сохранили. Если бы у нас был бинокль, я бы его показал вам, — он рассмеялся.

— Пусть вас не удивляет, что я так хорошо информирован. Мы сидим здесь уже два месяца, то есть почти с того момента, как Кварендон купил этот замок. Он сделал это с мыслью о «юбилее» Аманды, поэтому и привез нас сюда. Ей все это так понравилось, что через три дня она вернулась из Лондона, и с тех пор мы торчим здесь: Аманда, Грейс и я. Место в своем роде прекрасное, можно сосредоточиться и работать с утра до вечера, если хочется. Аманда утверждает, что записала чуть ли не сотню полноценных идей, которых ей хватит до конца жизни. Действительно, она пишет постоянно, и я почти силой вытаскиваю ее на прогулку. Однако, я все же надеюсь, что после всех этих торжеств мы вернемся в город... Впрочем, я, быть может, не совсем искренен, ибо тоже полюбил это место. Я притащил сюда все, что необходимо для проектирования, и хотя камера, в которой я тут живу, ничем не напоминает мою лондонскую мастерскую, я великолепно справляюсь...

— Я вас прекрасно понимаю, — Алекс покивал головой. — У меня самого есть в мире пара мест, куда я иногда убегаю. Человек, который добровольно отрезал себя от общества, имеет больше времени для размышлений. Но даже самые прекрасные каникулы не могут продолжаться слишком долго. Хочется нам того или нет, но все мы принадлежим стаду и должны в него возвращаться.

— Это верно, — Фрэнк вздохнул. Затем резко повернулся к Алексу:

— Вы, случайно, не заканчиваете сейчас новую книгу? Я спрашиваю потому, что мне тут кое-что пришло в голову. Я задумался над хорошей обложкой, которая привлекла бы взгляд покупателя без помощи голой убитой девушки, без убийцы в черном плаще, заносащего нож над невинно спящей красоткой, без летучих мышей, тигров, кровавых пятен и прочих

ужасов, которых я сам достаточно наплодил для того, чтобы Кварендон продал как можно больше экземпляров ваших книг. Я хотел бы испробовать несколько чисто графических и цветовых решений, которые должны по результатам действовать не хуже, чем те же сети, в которые мы ловим внимание читателя, но без приманки в виде этой кошмарной, банальной дешевки.

— Прошу мне верить, — сказал Джо, разведя ладони, — что я готов двумя руками подписаться под тем, что вы только что сказали. Но, к сожалению, я лишь приступил к новой книге, и один Господь знает, когда я ее закончу. Но уж когда она будет готова, я заставлю Кварендона дать вам возможность изготoвить экспериментальную обложку. Буду самым счастливым человеком, если вам это удастся. Но я не понимаю, почему вы не начнете с Аманды? Она прекрасный детективный писатель, все ее читают, и, — он улыбнулся, — наконец, самое главное — это ваша жена!

Теперь Фрэнк развел руками:

— Вот в том-то и дело, что она моя жена!

Он умолк, а когда снова посмотрел на Алекса, улыбка сошла с его лица:

— Я не могу вам этого объяснить, но когда я должен что-то сделать именно для нее, у меня пропадает всякая изобретательность. Может, так происходит потому, что для меня это слишком важно, и я теряю чувство свободы. Каждую обложку для нее я хотел бы спроектировать великолепно, но ничего не выходит. Что бы я ни пытался сделать, мне это не нравится. А ей нравится все, что бы я ни показал... Бог мой, да ведь мы и познакомились в здании КВАРЕНДОН ПРЕСС, когда я показал проект обложки к ее первой книге, которая готовилась к печати!

Алекс оперся спиной о балюстраду и закрыл на минуту глаза, подставляя лицо солнцу. День действительно выдался жаркий.

— Говорят, что врачи не должны лечить членов своих семей, так как личное отношение к пациенту мешает им поставить объективный диагноз. Но в случае такого сотрудничества, как ваше, все, наверно, обстоит иначе?

— Я в этом не уверен. Думаю, что ни я не смотрю объективно на ее работу, ни она — на мою. Временами у меня складывается впечатление, что она маленькая девочка, чертовски талантливо умеющая рассказывать страшные сказки, а вовсе не взрослая женщина... Похоже, так оно и было на самом деле: она начала писать очень рано, и никому не пришло в голову, что эта тихая, скрытная девочка выдумывает криминальные романы. Ее отец — пастор, мать умерла. Аманда росла одиноким ребенком, и, как теперь ясно, у нее был необыкновенный дар воображения. Писательство было ее самым большим и, возможно, единственным развлечением. Наконец, закончив учебу, она послала две своих рукописи в КВАРЕНДОН ПРЕСС. К счастью, нашелся рецензент, который сразу разглядел ее талант, и оба произведения пошли в печать. Если бы какой-нибудь слабоумный отверг их, что случается довольно часто, она наверняка уже никогда никому не послала бы ни одной своей рукописи. Вероятно, она стала бы учительницей в какой-нибудь провинциальной школе для девочек, и никому бы никогда не пришло в голову, что эта хорошо воспитанная, тихая молодая особа держит полные ящики описаний наиболее изощренных, хитроумных преступлений. — Фрэнк развел руками: — Волей судьбы она стала очень популярной, зарабатывает массу денег, но остается нервной девчушкой из провинции, очень неуверенной в себе, хотя столь грандиозный успех мог бы придать ей уверенности. Ее пугает все: Лондон, незнакомые люди, журналисты и роскошные приемы. Охотней всего она спряталась бы в таком замке, как этот и взорвала бы дамбу, соединяющую его с остальным человечеством, а я... я два года служу щитом, который ее оберегает, и счастлив, потому что она принадлежит только мне одному, и я не должен делиться ею со всем миром.

Фрэнк замолчал, словно устыдившись порыву собственной искренности, а затем рассмеялся.

— Как видите, мне нелегко относиться к ней так, как к другим авторам. Поэтому я и поймал вас на вершине этой башни. Разумеется, я знал, что вы приедете, и хотел перекинуться с вами парой слов перед сегодняшним вечером. Позже было бы трудно. Когда вы закончите книгу, я хочу встретиться с вами и рассказать о своем замысле. Мне очень интересно, что вы об этом скажете, — он поднял руку и посмотрел на часы:

— Господи! Еще надо столько сделать, а я тут стою и мучаю вас своими проблемами! До встречи в Лондоне! Я позволю себе позвонить вам, когда вы сдадите рукопись Кварендону.

— Конечно! — ответил Алекс и хотел добавить еще несколько теплых слов, но Фрэнк Тайлер исчез в люке лестницы.

Джо глянул на часы. Половина первого. Он еще раз посмотрел на море и не спеша направился к отверстию посреди крыши башни. Солнце светило так ярко, что он начал спускаться почти на ощупь, погружаясь в прохладу и полумрак. Только сейчас он заметил железный поручень, бегущий спиралью по внешней стене. Ступени круто уходили вниз. Он спускался быстро, держась за поручень, и чуть не проглядел нишу и узкую дверь на полпути вниз. Алекс остановился перед ней и осторожно нажал на ручку. К его легкому удивлению дверь тихо открылась. Старинные черные завесы из кованого железа были явно хорошо смазаны. Он заглянул внутрь. Перед ним была большая комната замка, уже известная ему по фотографии в буклете. Помещение ярко освещали два высоких, узких, густо зарешеченных окна, сквозь которые вонзались острые копыта солнечного света.

— Добрый день, — сказал Джо, слегка наклонив голову, — я еще не имел чести быть вам представленным. Моя фамилия Алекс. Миссис Уорделл, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, мистер Алекс.

Голос у нее был тихий, но выразительный. Лицо, окруженное седыми волосами, казалось почти прозрачным, хотя проникающий в окно луч солнца не достигал его, падая на большую открытую книгу, лежащую перед ней на столе.

— Я вам не помешал?

— О, нет. Я пришла сюда, потому что наша очаровательная хозяйка, миссис Джадд, сказала мне, что, быть может, я смогу найти здесь какую-нибудь книгу, которая меня заинтересует. И оказалась права.

Джо тихо закрыл дверь и подошел к пересекающему почти всю комнату большому столу, за которым сидела на широкой скамье миссис Уорделл.

Краем глаза он заметил две фигуры у стены и невольно оглянулся. Рыцари в сверкающих доспехах с опущенными забралами стояли, опираясь на мечи, по обе стороны древнего сундука с выцветшими следами некогда красочной полихромии.

— Забавно, правда? — непринужденно произнесла миссис Уорделл, словно они были давно знакомы. Она смотрела на рыцарей. Джо приостановился и обернулся еще раз.

— Это выглядит так, словно двух наполеоновских гвардейцев поставили по обе стороны сейфа в современном банке, — голос старой леди растаял без эха в тишине залитой солнцем комнаты.

Алекс тихо рассмеялся и посмотрел на нее. Она сидела, придерживая пальцами большой пергаментный лист, который собиралась перевернуть, когда он вошел. Пальцы ее руки были так же прозрачны и нежны, как кожа лица.

— Да, — сказал он, — сундук готический, а рыцари из позднего Ренессанса... примерно двести лет разницы.

— А ведь должно было пройти еще лет сто, прежде, чем рыцарь де Вер лишил жизни свою бедную Еву. Однако в тот день эти предметы не могли стоять здесь так, как сейчас, никто не ставил тогда доспехи на проволочном каркасе. Их вешали на стене, связывая ремнями... Бедная девушка... Бродит здесь по ночам, и из года в год окружение кажется ей все более чуждым. Она наверняка с радостью прервала бы эти прогулки и уснула навеки. К сожалению, приходится ждать...

— Ждать? — Джо обогнул стол и остановился напротив полок, где покоились книги, оправленные пергаментом и выцветшей кожей. — Ах да, конечно. Пока здесь не погибнет другая женщина, столь же грешная, как и она, — Алекс улыбнулся. — По крайней мере так нас информирует КВАРЕНДОН ПРЕСС в присланном буклете.

— Это подлинная рукопись, — спокойно сказала миссис Уорделл. — Вы найдете ее здесь, — она осторожно перевернула лист, вместе с несколькими другими и описанием замка. Впрочем, я писала когда-то об этом в моей книге о призраках Южной Англии. Убийство Евы де Вер и то, что она в течение последующих столетий и вплоть до наших дней не раз являлась людям, достойным всяческого доверия, подтверждены многочисленными документами. Бедная, измученная девушка. В ее последних словах прозвучала нотка искреннего сочувствия. Джо невольно бросил на нее быстрый взгляд, но на лице миссис Уорделл улыбки не было.

— Значит, вы полагаете, что любой может ее встретить, скажем, прогуливаясь по коридору, или на крыше башни, или где-нибудь в замке?

— Разумеется. Призраки существуют так же, как вы и я, хотя и несколько иначе. Ее уже много раз встречали.

Миссис Уорделл встала и подошла к большому, обрамленному шлифованным камнем камину, над которым висел старинный портрет в тяжелой золоченой раме.

— Взгляните на нее.

Джо подошел. Картину вероятно никогда не реставрировали, потому что полотно не было, как следует, натянуто, а мелкая сеть трещинок преломляла свет на его поверхности. Но голова молодой женщины виднелась отчетливо, а взгляд был таким же, как и в тот день, триста лет назад, когда она позировала художнику.

— Она прелестна, не правда ли? — минуту помолчав, сказала старая женщина.

— Прелестна, — искренне подтвердил Джо. — Есть в ней нечто, что неизменно приковывает внимание каждого мужчины во все времена.

— Как минимум на двух из них эти глаза произвели впечатление. Так, по крайней мере, говорят предания. Эта книга, — она обернулась и указала рукой, столь легкой и тонкой, что она казалась взмывшей в воздухе, — является чем-то вроде хроники замка, которая ведется со времени того убийства. Ни один из последующих владельцев не уничтожил ее. Но для тех, кто не верит, никакие свидетельства не имеют значения. Вы, вероятно, тоже неизлечимый рационалист и не верите, что Ева де Вер могла бы в эту минуту отворить вон ту дверь, — она указала рукой на противоположную сторону комнаты, — и войти сюда?

— К своему стыду, признаюсь, что я был бы этим сильно удив... — Джо не договорил, потому что ручка плавно повернулась и дверь начала открываться.

Джо невольно вздрогнул. Но темная красивая девичья головка, которая появилась в дверях, ничем не напоминала молодую женщину с портрета.

— Простите, пожалуйста, я вам не помешала, мэм?

— Нет, Джейн. Входи.

Девушка шагнула, остановилась в полуоткрытой двери и сделала книксен при виде Алекса.

— Я только хотела сказать, что приготовила вам все на вечер. Возьмете ли вы свитер для морской прогулки на яхте?

— Да, но легкий, тот, белый.

— Хорошо, мэ. Я буду ждать вашего возвращения на пристани. Кухарка внизу сказала мне, что в восемь вечера все, за исключением гостей миссис Джадд, должны покинуть замок. Поэтому, если вам еще что-нибудь понадобится... — она замолчала и бросила беглый взгляд на Алекса.

— Нет, милая, это, пожалуй, все... Разве только, подойди к столу, возьми вон ту книгу на цепи и поставь ее обратно на полку, — она повернулась к Алексу. — Это очень тяжелая книга. Мне легче было ее снять, чем поднять сейчас и так высоко поставить. — Спасибо, Джейн!

Девушка еще раз сделала книксен и направилась к двери.

— Подожди, — остановила ее миссис Уорделл, — я пойду с тобой. Боюсь, что я могу здесь заблудиться. К счастью, хозяева прикрепили наши фамилии к дверям комнат. До встречи на яхте, мистер Алекс.

Джо поклонился, проводил обеих женщин к двери и закрыл ее за ними. Потом медленно вернулся к камину. Молодая женщина на портрете встретила его спокойным взглядом больших голубых глаз. Только сейчас он заметил почти неуловимую улыбку в уголках ее полных губ.

— Что бы я сделал, если бы она вдруг заговорила? — вполголоса сказал он, не спуская с нее глаз. В полной тишине он прождал целую минуту.

Дверь тихонько скрипнула. Он повернул голову. Джордан Кедж вошел в комнату и закрыл за собой дверь.

— А, это ты? — с явным облегчением сказал он и потянулся к карману своей рубашки цвета свежей крови. Оглядываясь по сторонам, он вынул сигареты и зажигалку.

— Закуришь?

— Я перешел на трубку, — сказал Джо, — и только после еды.

Кедж молча закурил и спрятал сигареты.

— Я только что встретил в коридоре эту даму, что пишет о призраках. Она шла с горничной. Прелестное создание. Я имею в виду горничную, а не хозяйку. Старуха должна была прилететь на метле, судя по тому, чем занимается, а приехала на роллс-ройсе. Возможно ли, чтобы книги о призраках принесли автору столько денег? — и, не ожидая ответа Алекса, закончил: — К тому же, ее фамилия вовсе не Уорделл, а как-то иначе. Уорделл — это, кажется, псевдоним, которым она подписывает свои произведения. А шофер был одет в ливрею, как персонаж из фильма.

Джо глянул на часы.

— Бог мой! Без пяти час. Чуть не забыл. Я же обещал, что разбужу Паркера точно в час. Я попаду этим путем в мою комнату? — он указал на дверь, через которую вошел Кедж.

— Во все комнаты. За исключением башни. Замок попросту квадратный. За дверью начинается коридор, который окружает нижний дворик. Все комнаты выходят в этот коридор. В одном месте есть лестница из прихожей, откуда нас привели, а кроме нее еще эта комната. Я только одного не понимаю: как подняться на башню?

— Сюда, — уточнил Джо, указывая на дверь в углу комнаты, а сам направился к двери, ведущей в коридор.

Коридор уходил в обе стороны. Алекс пошел направо, миновал дверь с надписью «Сэр Гарольд Эдингтон», затем другую, обозначенную «Мелвин Кварендон» и третью — «Грэйс Мэплтон». Коридор сворачивал под прямым углом. Следующие комнаты: «Джо Алекс», «Бенджамин Паркер».

Джо остановился и поднял руку, чтобы постучать. До часа оставалось еще полминуты. Он глянул вглубь коридора: еще одна дверь и край лестничной площадки, где ступеньки уходили вниз. Кто-то там появился и направился в его сторону.

— Я вижу, мы — соседи, — сказала Дороти Ормсби, взявшись за дверную ручку своей комнаты. Она нажала на ручку. Дверь не открылась.

— Не можете ли вы мне помочь? Что-то заело.

Джо быстро подошел и толкнул дверь.

— А вы не заперли ее на ключ?

— О, Боже! — она сунула руку в карман юбки и вытащила оттуда обыкновенный современный ключ. Затем вставила его в замок и повернула.

— Извините! — рассмеялась она. — Как правило, я не бываю такой рассеянной. Это больше не повторится. Спасибо!

Она толкнула дверь и вошла, закрыв ее за собой. Джо двинулся в сторону комнаты Паркера. Он снова поднял руку, чтобы постучать, но некоторое время держал ее в воздухе. Уже вторично его сегодня посетило то же чувство. «Как правило, я не бываю такой рассеянной...» «Это больше не повторится...» Обычные, банальные слова. Он громко постучал.

— Я уже не сплю, — отозвался Паркер, открывая дверь. — Ты опоздал на минуту!

Джо вошел и закрыл дверь.

— Тебе приходилось, — спокойно спросил он, — услышать пару обычных, будничных фраз, сказанных в обычных обстоятельствах... и...

— Да, — сказал Паркер. — Я больше верю в это, чем в отпечатки пальцев и всю современную технику расследования. Фальшивая нота... Одна единственная... При том, что весь оркестр играет безошибочно. И если бы не эта единственная нота... А почему ты меня спрашиваешь, Джо? Ты ведь, как и я знаешь, что за этим кроется страх... почти всегда страх.

XII

«Кто же из нас без греха?!»

Джо Алекс стоял, опираясь спиной о прикрепленный к поручням спасательный круг, и неторопливо набивал табаком трубку. Прямо перед ним на палубе у кормы расположились в соседних шезлонгах миссис Александра Уорделл и Дороти Ормсби, погруженные в беседу. Миссис Уорделл, сложив руки на коленях, говорила, не жестикулируя и даже не двигая головой, полуобращенной к собеседнице. Дороти слушала молча, время от времени энергично поддакивая. Они были единственными женщинами на судне. Невдалеке, на поблескивающей скамье, закрепленной у рубки, одиноко сидел Джордан Кедж, глядя на море и прихлебывая маленькими глотками виски из небольшого стакана. Чуть дальше находилась остекленная кабина яхты, куда как раз спустился лорд Редленд, а следом — сэр Гарольд Эддингтон. Сквозь оконное стекло Джо увидел, что они остановились напротив стойки бара, за которой стоял молодой бармен в белой униформе с золотыми пуговицами.

Еще дальше находилась рулевая рубка. Из нее вышел мистер Кварендон и направился к стоявшим у борта.

— Давление падает, как камень, — весело сообщил он, обращаясь к Паркеру, который стоял рядом с Алексом, сонно разглядывая туманную линию холмов на юге.

— Шторм беснуется над Атлантикой и движется в нашу сторону, а через пару часов, возможно, будет уже здесь, — добавил он еще безмятежней. — Думаю, нам следует что-нибудь выпить.

— И я так считаю, — с серьезным видом кивнул головой Паркер.

Джо без лишних слов двинулся за ними в сторону открытой двери кабины.

— Вы к нам присоединитесь? — спросил Кварендон, останавливаясь перед Кеджем.

— Через минуту, если позволите, — Кедж поднял стакан. — У меня тут есть еще пара капель, но я охотно пополню запас.

Кварендон кивнул головой и взглянул на женщин.

— Спускайтесь, господа. Я сейчас присоединюсь к вам. Только спрошу дам, не нужно ли им чего-нибудь.

Он двинулся в сторону шезлонгов, а Джо и Паркер спустились в кабину. Молодой бармен выпрямился, а затем наклонился к ним.

— Чем могу служить?

Паркер глянул на рюмку, которую держал в руке сэр Гарольд Эддингтон.

— Если можно, коньяк и крепкий кофе.

— Сию минуту, сэр.

Бармен нажал рычаг сверкающего эспрессо, подвинул чашку под краник и повернулся к полке.

— Может быть, арманьяк?

— Великолепно, — кивнул Паркер.

— Говорят, давление падает, — улыбнулся Алекс лорду Редленду. — С Атлантики надвигается шторм. Если это правда, наш вечер в замке получит соответствующее оформление. А если еще добавить грохот прибоа... — он взглянул на бармена: — Мне тоже арманьяк.

— Да, сэр. — Бармен долю секунды поколебался: — Если позволите вмешаться, думаю, сегодня будет большой прилив.

— Что это значит? — спросил сэр Гарольд Эддингтон с неожиданным интересом. Джо невольно посмотрел на него.

— Большие приливы всегда бывают два раза в месяц, в полнолуние и новолуние. А сегодня ночью как раз полнолуние. Если можно добавить, шторм над Атлантикой еще больше усилит этот прилив, а это значит, что замок действительно будет отрезан. Старики в деревне говорят, что когда большой прилив совпадает со штормом, волны, бьющие о скалы, достают очень высоко, и тогда пена со стороны открытого моря бьет даже в окна замка. Но я этого не видел.

— А могут ли такие бури длиться дня два? — снова спросил сэр Гарольд. Он внимательно смотрел на бармена.

— У нас есть такая поговорка, сэр, что хорошая погода проходит быстро, а плохая — никогда. Но, пожалуй, это неверно, потому что у нас, в Девоне, целые недели бывают солнечными.

— Завтра тоже будет солнце! — заявил мистер Кварендон, спускаясь к ним с палубы. — Наши дамы сидят в шезлонгах у кормы и просят грейпфрутовый сок, один со льдом и капелькой джина, а другой безо льда и без джина.

— Хорошо, сэр.

Бармен вынул из-под прилавка серебряный поднос и поставил на него два стакана. Джо легонько толкнул локтем Паркера, указав глазами на длинный столик под окном. Они подошли. Алекс соорудил в своей тарелке пирамиду из розовых креветок и добавил две большие ложки икры.

— А знаешь ли ты, Бен, — сказал он вполголоса, — что я родился с душой продажной танцовщицы? Я не смог бы устоять ни перед одним поклонником, который приглашал бы меня на ужины, где посреди стола стояла бы большая хрустальная чаша с икрой, заметная издалика.

— У мужчины, который любит икру, есть более простой способ ее добычи, — проворчал Паркер. — Достаточно зарабатывать соответству-

ющее количество денег, чтобы затем покупать себе сколько угодно икры, запираться в кабинете и съедать.

Джо покачал головой:

— Это было бы очень дурным тоном, — сказал он с печалью. — Этого, к сожалению, просто не делают. Даже не знаю, почему.

— О каких это преступлениях или грехах вы беседуете приглушенными голосами? — спросил их издали мистер Кварендон.

— О грехе обжорства, — ответил Паркер.

Кварендон вознес руки к небу.

— Кто же из нас без греха?! Это напомнило мне, что доктор Харкрофт по-прежнему сидит в рулевой рубке и допрашивает нашего мужественного капитана о тайнах управления яхтой в открытом море. А я мечтаю съесть добрую порцию икры, но будь он здесь, я бы не отважился, — Кварендон быстро подошел к столу. — В замке ужин тоже будет холодным, ведь мы отправляем прислугу пораньше. Поэтому стоит здесь немного подкрепиться.

И он положил себе на тарелку огромную порцию икры, а затем тщательно выдавил на нее половину лимона, стараясь не пропустить ни одной икринки.

ХIII

«Найдете ли вы меня?»

Алекс быстро надел бабочку, поправил воротник рубашки, пригладил перламутровый жилет, взял пиджак, висевший на подлокотнике кресла, облачился и направился к миниатюрной ванной комнате, где висело зеркало.

Он критически оглядел себя, стяхнул пальцем пылинку с плеча и, вернувшись в комнату, посмотрел на часы. Еще полчаса. В восемь все должны собраться в прихожей замка. Джо подошел к окну. За толстой решеткой он увидел море, спокойное, но уже не такое ровное, как во время послеобеденной прогулки на яхте.

Он повернулся и направился к двери. Коридор был пуст. Гости Аманды Джадд и КВАРЕНДОН ПРЕСС явно еще не переоделись в вечерние наряды или не желали разгуливать по замку. Было светло — уже зажглись, пожалуй, чересчур яркие и чересчур золотистые электрические светильники, размещенные на одинаковом расстоянии под сводами коридора. В их свете он заметил большую старинную гравюру в темной раме, висящую между его комнатой и дверью Дороти Ормсби. Он подошел и посмотрел. Старый, полный отчаяния человек с белыми, развевающимися волосами держал на коленях тело мертвой девушки. Он был в окружении вооруженных людей, которые стояли, опираясь на копыя, и, казалось, разделяли его горе. У ног этой группы лежала другая мертвая женщина, на которую никто не обращал внимания. В глубине слуги несли тело мужчины, за ними простирался пейзаж: мрачные холмы и клубящиеся тучи, гонимые ветром. Под гравюрой виднелась полустертая надпись:

ШЕКСПИР
«КОРОЛЬ ЛИР»
Акт V, Сцена III

ЛИР:

Войте, войте, войте бури! Войте, каменные люди!

Мне ваши бы глаза и языки,

Разрушил бы я ими твердь небес...

Она ушла навеки...

Ниже находилась написанная красивым каллиграфическим почерком табличка, утверждающая, что эту гравюру отпечатали братья Джон и Джошуа Бойделл в день 1 августа 1792 года, а написал ее и вырезал Фран Легат.

Джо постоял, посмотрел, затем двинулся дальше, прошел мимо двери Дороти и проема с ведущей вниз лестницей и площадкой, огражденной старинной дубовой балюстрадой. Он свернул влево. Карточка на первой двери гласила, что это комната миссис Александры Уорделл. На стене перед следующей дверью висела другая гравюра, явно исполненная той же рукой, что и первая. Над разрытой могилой стоял молодой человек с черепом в руках. Гамлет. Следующая дверь — «Джордан Кедж», а затем еще гравюра: человек в латах, с мечом в руке стоит среди сплетенных в клубок мертвых тел людей и коней... кто-то из королей... Снова дверь и карточка «Лорд Фредерик Редленд».

Еще один поворот коридора. Джо подошел к приоткрытому окну, выходящему на внутренний двор, и выглянул, насколько позволяла решетка. Напротив и по обе стороны от него за окнами горели светильники, а внизу сумерки медленно охватывали каменную поверхность двора. Там горел только один слабый фонарь. Джо заметил, как что-то шевельнулось в том месте, куда он смотрел. Он прильнул лицом к решетке.

Пес лениво пересек середину двора и уселся перед светлой сбитой из свежеструганных досок большой будкой. Другой пес высунул из нее голову и снова скрылся.

Алекс опять свернул направо. На двери карточка «Аманда Джадд»... Снова гравюра: рослый, темнокожий мужчина в украшенном драгоценностями тюрбане склонился над женщиной, спящей на широкой кровати... Отелло... Следующая дверь — «Френк Тайлер»... еще одна гравюра на стене коридора и новая дверь «Д-р Сесил Харкрофт».

И еще один поворот, но за ним находилась дверь без карточки, ведущая в большую комнату. Он остановился перед ней и глянул на часы. Еще двадцать пять минут.

Он вошел, притворил за собой дверь и подошел к большому камину, облицованному черными гранитными плитами. Положили их, пожалуй, много веков назад, во время строительства замка и, кажется, никто никогда не пытался здесь ничего менять. Внутри виднелось нагромождение коротких, сухих щепок, а над ними большой черный котел, висящий на железном горизонтальном пруте, опирающемся на две разветвленные подставки.

Джо слегка поморщился. Ему не нравились такие инсценировки. Ведь здесь уже много столетий не готовили никакой еды. Он глянул на висящий над камином портрет Евы де Вер, медленно повернулся и направился к полкам с книгами, но неожиданно повернул в сторону дверцы, ведущей к башне. Солнце как раз садилось, и, вероятно, приближался шторм. Он ощущал его в своих костях. Наверно, вид с башни сейчас очень красив, по крайней мере, должен таким быть.

Джо выбрался на винтовую лестницу и начал подниматься. Когда он оказался наверху, теплый порыв ветра овеял его и внезапно утих. Джо подошел к ограде. На севере небо было мрачным, хотя последние лучи солнца еще ложились на поверхность моря и окрашивали красным цветом склоны далеких холмов. Вскоре они исчезнут. И тотчас следом придут вместе шторм, прилив и ночь. Алекс сделал несколько шагов вдоль ограждения и высунулся. Дамба все еще была видна, но казалось, что море приблизилось к ней и маленькие волны уже взлетали по скалистым краям, хотя еще не достигали ее верха.

Джо отступил и направился к лестнице, еще раз посмотрев в сторону севера. В тот же миг огромная, очень далекая вспышка охватила весь горизонт и беззвучно угасла.

Алекс немного постоял, прислушиваясь, но раскаты грома не достигали башни. Гроза находилась еще далеко над Уэллсом. Налетел новый порыв ветра.

Джо двинулся к люку лестницы и остановился, глядя на стальную крышку. Сегодня все так заняты, что могут о ней забыть, когда начнется ливень... если, конечно, начнется.

Он поднял крышку и, спускаясь по лестнице, медленно опустил ее на лестничный люк. Крышка была хорошо подогнана и легла почти бесшумно. Он заметил на ней узкий засов и легонько толкнул его. Штырь плавно вошел в отверстие, выдолбленное в камне. Башня была заперта. Джо покачал головой.

— Что меня так беспокоит? Почему с самого приезда я без толку шатаюсь по этому замку?

Улыбнувшись в душе, он медленно двинулся вниз. Он знал, почему. Он уже слишком стар и слишком утомлен, чтобы считать забавной встречу со случайными людьми, в случайном месте и принимать участие в двухдневной инсценированной игре в преступление и тайну... организатором которой наверняка был его издатель, использующий в качестве предлога юбилейное издание книги Аманды Джадд.

Внезапно он потерял ко всему интерес. Захотелось очутиться где-то далеко... на каком-нибудь греческом острове... лежать на теплом, золотом песке и касаться плечом теплого плеча Каролины...

Он встряхнулся. Остался всего лишь один день. Но ведь приехать надо было. Иначе он огорчил бы Аманду. Она славная и способная. Нельзя было отказать.

Он снова очутился перед дверцей, ведущей в большую комнату. Без десяти восемь. Он мог спуститься по крутой лестнице прямо в прихожую, но в том настроении, в каком сейчас находился, не хотелось стоять там десять минут и обмениваться банальными, теплыми словами с подходящими по очереди милыми и порядочными людьми, которые его в эту минуту совершенно не интересовали. Он толкнул дверцу и вошел в большую комнату.

— Ох!

Возглас был тихим и полным тревоги. Джо приостановился в открытой двери.

— Это вы! — произнесла Грейс Мэплтон с явным облегчением и медленно опустила вытянутую руку. — Я хотела... я как раз хотела взяться за ручку, когда дверь открылась... Я думала, что тут никого не может быть. Все собираются вниз, а прислуга как раз готовится уходить. Кажется, я перепугалась, как ребенок, сама не знаю почему. Этот замок по-прежнему для меня жутковат, хоть я и живу здесь уже два месяца.

Грейс тряхнула головой и попыталась улыбнуться. Она была одета в длинное облегающее белое платье, с открытыми плечами, на которые опускались ее распущенные светлые волосы. Джо смотрел на нее с искренним удовольствием. Она была красива и невероятно изящна.

— Это моя вина, — сказал он. — Вместо того, чтобы шататься по этим винтовым лестницам, я должен был уже находиться там, где нас ждут через минуту наши гостеприимные хозяева. Давно мы с вами не виделись, Грейс. Что у вас нового?

— Ничего особенного. Просто поменяла работу, — на этот раз ее улыбка была естественной. — И, кстати, не жалею об этом. Аманда — скорее моя приятельница, нежели шеф. Не говоря уже о нервном напряжении, от которого я избавилась. Я не знаю, представляете ли Вы, что значит быть личным секретарем шефа такой громадной фирмы, как КВАРЕНДОН ПРЕСС? — Она снова улыбнулась, словно вспоминая. — Господи, какой это иногда был ад!

Джо покачал головой.

— Можно у вас спросить, Грейс? — и не ожидая ответа, продолжал: — Уже тогда, когда я приходил в офис мистера Кварендона, я задавал себе вопрос: что вы там делаете? Казалось бы, такая девушка должна мечтать о карьере кинозвезды, или о том, чтобы стать самой знаменитой моделью Великобритании... я хочу сказать, что девушка с такими данными, полученными от Бога, обычно мечтает о славе и карьере такого рода.

— Но не я... Быть актрисой или фотомodelью — это такой же ад, а может быть и хуже, — лицо Грейс внезапно стало серьезным, и так же быстро разгладилось. — Я рада, что вы все-таки меня тогда заметили. Мне казалось, что вы меня вообще не видите. Разумеется, вы были самым знаменитым автором КВАРЕНДОН ПРЕСС, а я была никем, но... — закончила она, опустив глаза, — другие наши авторы и гости, посетившие мистера Кварендона в офисе, предъявляли мне порой даже слишком много доказательств, что меня замечают, — она сказала это серьезно, но тут же рассмеялась. — Может, именно поэтому я тогда так много о вас думала, и вы навсегда остались у меня в памяти. Я рада, что снова вас встретила!

Она вдруг хлопнула в ладоши:

— Господи! Наверное, уже восемь, а мне еще надо бежать на башню и закрыть эту проклятую крышку. Надвигается гроза, и вода зальет всю лестницу, если я этого не сделаю, а Фрэнк сейчас занят и думает только об этом конкурсе. Вы подождете меня? Я вернусь через две минуты!

Она двинулась к двери.

— Вам незачем туда идти, — сказал Джо. — Мне пришло в голову то же, что и вам, и минуту назад, спускаясь с башни, я закрыл эту крышку.

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно! Мы можем спокойно сойти вниз, — он глянул на часы. — У нас есть еще три минуты. Будем как раз вовремя. Это развлечение начнется сразу?

— Нет. Сначала в прихожей мы проследим за тем, как уйдут все посторонние лица, потом опустим большую решетку над воротами, и с этой минуты никто не будет иметь сюда доступа. Все окна в замке зарешечены, а единственный выход — только через калитку в воротах... Затем перейдем в столовую, и там состоится небольшое торжество с шампанским в честь Аманды. И лишь потом гости этого замка будут пытаться отыскать Белую Даму. Мистер Кварендон учредил награду тому, кто найдет ее в самое короткое время...

— В таком случае мы будем соперниками.

Джо отодвинулся и указал рукой на открытую дверь. Но Грейс Мэптон не двинулась с места.

— Мы не будем соперниками, потому что я не буду ее искать. Искать будут меня. Разве вы не видите? Это я и есть Белая Дама, — она провела ладонями по своему плотно облегающему, белому платью.

— В таком случае, быть может, мы встретимся сегодня еще раз? Если, конечно, я найду вас, — весело сказал Джо.

— Да, — ответила Грейс тихим грудным голосом, — но найдете ли вы меня когда-нибудь?

И легко прошла мимо него, переступив через порог.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛКА-МИРСКОГО
и Владимира КУКУНИ по эксклюзивному разрешению автора.*

Окончание следует.

ДЖО АЛЕКС

***Тихая,
как последний вздох****

Роман

XIV

**«...Ибо сквозь стены и решетки проникая,
Она следов своих не оставляет...»**

Цепь с громким лязгом разматывалась с лебедок, вращаемых Фрэнком Тайлером и доктором Харкрофтом. Огромная, стальная решетка медленно опускалась из-под свода прихожей и, наконец, с глухим стуком осела в глубокой выемке неровного каменного пола.

Фрэнк выпустил из рук рукоятку лебедки и повернулся к группе наблюдавших за ним людей.

— Прекрасный механизм! — с тайным восхищением сказал он.

— Казалось бы, нужно сто человек, чтобы это поднять или опустить, а между тем машина действует так уже несколько веков.

Он наклонился и поднял лежавший у стены тяжелый фотоаппарат.

— Первый групповой снимок для мемориального альбома КВАРЕНДОН ПРЕСС! — триумфально объявил он. — Прошу вас, пройдите к решетке и соберитесь в прекраснейшую группу знатоков самых мрачных и ужасных тайн, какие только знала наша страна!

Он отступил к стене коридора и ждал, наблюдая, как они медленно, как бы несмело, начали становиться рядом друг с другом.

— ...восемь... девять... десять... одиннадцать... не считая моей скромной особы... Сегодня ночью в этом замке будут находиться двенадцать человек, полностью отрезанных от мира!

— Тринадцать, — произнес чей-то спокойный деловитый голос.

— Что? — Фрэнк поднял руку и снова пересчитал их, ритмично поднимая и опуская указательный палец. — Одиннадцать, а вместе со мной круглая дюжина. Неужели я о ком-то забыл?

— О Еве де Вер, которая все еще находится здесь, хотя пока не выражает желания участвовать в групповом снимке, быть может потому, что в ее времена не было фотоаппаратов. Но я не советовал бы легкомысленно забывать о ней, — Джордан Кедж повернулся к стоящей рядом с ним Александре Уорделл. — Не правда ли, мадам? — на его лице не было и тени улыбки.

— Вы совершенно правы, — сказала миссис Уорделл. — В ваших словах гораздо больше правды, чем вы подозреваете, — и повернулась в сторону Фрэнка Тайлера, который быстро поднял фотоаппарат.

* Окончание. Начало в № 6 2014 г.

— Кто может, пусть улыбнется! — воскликнул он. Сверкнула яркая вспышка и Тайлер опустил аппарат. — Спасибо! Аманда, в эту ночь ты хозяйка этого замка. Начинай!

Аманда отделилась от группы.

— Прошу всех собравшихся пожаловать в столовую, хотя это не я буду иметь честь принимать гостей, а мистер Мелвин Кварендон, которому я сейчас передам слово.

Они направились по коридору в сторону столовой, и по пути их опередил Фрэнк Тайлер.

— Ты знаешь, что сейчас будет? — тихо спросил Паркер, когда они переступили порог столовой, где большой стол был передвинут под стену, освободив место в центре зала.

— Более-менее.

Джо слегка пожал плечами и покачал головой, словно пытаясь прогнать назойливую мысль. Перед его глазами все еще стояли покрытые ровным загаром плечи и стройная шея Грейс Мэплтон. «Найдете ли вы меня когда-нибудь?» Теплый, низкий, грудной голос. Он невольно искал ее глазами. Склонившись, она раскладывала на маленьком боковом столике длинные белые конверты. Аманда в темно-красном платье с рукавами, отороченными белыми кружевами, стояла рядом, скрестив руки на груди.

— Дамы и господа! — громко начал Фрэнк Тайлер, выступая вперед. — Я хотел бы...

Он не закончил предложение, ибо в этот момент глубокий, отдаленный раскат грома потряс замок. Шторы на окнах озарились блеском молнии, свет в зале мигнул и на мгновение померк, но тотчас вспыхнул снова.

— Такого оформления не мог бы придумать никто из живущих! — воскликнул Фрэнк. — Стихия на стороне нашего скромного состязания! Но прежде, чем передать слово нашему дорогому издателю, человеку, который, словно волшебник, создал для нас этот вечер, я хотел бы заверить присутствующих, что замок обладает собственным источником питания, и темнота нам не угрожает, даже если стихия прервет подачу энергии из деревни. А сейчас слово имеет мистер Мелвин Кварендон!

Он сделал широкий жест рукой и отступил к стене. Наступила полная тишина, и тогда все услышали нарастающий шум за окнами. Стекла тихо задребезжали. Первый мощный порыв ветра нанес удар по замку и притих. Но шум по-прежнему нарастал. Море, подгоняемое ветром, ринулось на извечный штурм скалы, из которой торчал Волчий Зуб.

Мистер Мелвин Кварендон вышел на середину зала, держа в руках небольшую золотистую шкатулку, на которой мерцали вкрапленные в крышку драгоценные камни.

— Милые мои: вы, писатели, дарящие свою дружбу КВАРЕНДОН ПРЕСС, и вы, дорогие гости, любезно согласившиеся прибыть сюда на наше маленькое торжество, я желаю вам всем сказать, что это вовсе не я подарил вам этот вечер, а обязаны мы им нашей дорогой, молодой, чуть было не сказал «восходящей», но она уже высоко взошла, — необыкновенно талантливой писательнице Аманде Джадд. Аманда, будьте любезны, подойдите и примите этот скромный сувенир по случаю выхода в свет пятимиллионного экземпляра ваших книг, который несколько дней назад сошел с нашего печатного станка. — Он умолк. Джо взглянул на Аманду Джадд. Она опустила голову, затем с усилием подняла ее, вышла на середину зала и остановилась напротив мистера Кварендона, а он открыл шкатулку и вынул из нее книгу, переплетенную в темно-пурпурную кожу, на которой было вытеснено золотыми цифрами: 5 000 000.

Мистер Кварендон поднял книгу и показал присутствующим, а затем положил обратно в шкатулку и на раскрытых ладонях, как на подносе, протянул ее молодой писательнице.

— Большое спасибо, — тихо сказала Аманда, принимая шкатулку и сделав движение, словно хотела отступить и поскорее смешаться с остальными гостями. Но она не сделала этого. Она открыла шкатулку и посмотрела на книгу. — Какая красивая! — писательница взглянула на мистера Кварендона и робко улыбнулась: — Это действительно мило с вашей стороны. Вы доставили мне большое удовольствие!

— Надеюсь, что пройдет совсем немного времени, и мы будем отмечать выход десятиmillionного экземпляра! — мистер Кварендон взял ее под руку. — Думаю, что наступил самый подходящий момент, чтобы мы все вместе выпили бокал шампанского за ваш успех!

Где-то вдали сверкнула молния, и первые капли ливня резко застучали по окнам. В тот же момент в комнате раздался хлопок. Стоявшая рядом с Фрэнком Тайлером Дороти Ормсби инстинктивно отшатнулась, но тут же прыснула со смеху. Пробка от шампанского взметнулась в воздух и покати-лась по полу. За ней вторая и третья. Фрэнк быстро наполнил бокалы, при-готовленные на двух серебряных подносах, и взял один из этих подносов, а Грейс Мэплтон — второй. Она подошла к Алексу, который стоял вместе с Паркером с краю у окна.

— Спасибо.

На долю секунды их взгляды встретились над подносом. Грейс отвер-нулась и направилась к другим гостям.

— Если кто-нибудь пожелает слегка перекусить, прошу помнить, что закуска ждет проголодавшихся в противоположном конце зала. Не будем забывать, что нам предстоит провести здесь несколько часов!

— Подойдем к ней, — тихо сказал Джо, указывая глазами на Аманду, к которой как раз приблизился лорд Фредерик Редленд, высокий, слегка сутулый, и, держа перед собой полный бокал, легко прикоснулся к ее бока-лу. Джо и Паркер подошли.

— Аманда, — сказал Джо, — я должен умирать от зависти, отмечая праздник, героем которого является другой автор детективных романов, но ты такая милая и такая способная, что я радуюсь вопреки моим самым низменным инстинктам. Желая тебе дождаться стомиллионного экзе-мпляра и переводов в ста странах, где живут люди, которые любят хорошо описанные, морозящие кровь в жилах, загадки!

Он наклонился и легонько поцеловал ее в щеку.

— Спасибо! — шепнула Аманда. — Это доставило мне настоящее удо-вольствие. Не знаю почему, но я верю, что ты искренен.

Паркер произнес несколько слов, поклонился, и они оба отошли к окну, за которым уже слышался непрерывный грохот волн, бьющихся о скалы.

— Как вы думаете, что все это значит? — Дороти Ормсби прильнула к Алексу. Она говорила почти шепотом.

Джо, проводив взглядом Грейс Мэплтон, которая обменялась парой слов с Фрэнком Тайлером и незаметно покинула зал, перевел взгляд на Дороти:

— Даже не знаю, что и ответить. Этот праздник не только хорошо орга-низован, но и совершенно однозначен.

— Я думаю не о том, что Кварендон сделал, а о том, чего он не сде-лал, — Дороти не повышала голоса. — Почему он не пригласил телевиде-ние, радио, критиков, рецензентов, а лишь меня одну из всей этой банды? Никто другой так бы не поступил. Ведь они все — рабы рекламы. В чем тут фокус?

— Понятия не имею, — Джо положил руку на сердце в знак того, что ничего от нее не скрывает. — Но я знаком с Кварендоном много лет и знаю: все, что он делает, всегда тщательно продумано. Вы правы, это несколько необычно и...

Он не закончил.

— Дамы и господа! — Фрэнк Тайлер снова появился перед гостями. — Прошу минуту внимания! Мы начинаем соревнование на титул победителя — того, кто в кратчайшее время обнаружит место, где находится Белая Дама, обитающая в этом замке...

Он на минуту умолк, и все снова услышали глубокий, приглушенный рокот волн. Дождь, барабанивший в окно, на минуту притих, но ветер усилился и со свистом носился вдоль стен.

— Сам поиск этого места не будет представлять больших трудностей, — продолжал Фрэнк, — однако потребует некоторой наблюдательности и сопоставления вещей, на первый взгляд, друг с другом не связанных. Возможно, не все из вас найдут Белую Даму, тем более, что это нужно сделать всего за четверть часа. Кто в течение пятнадцати минут с момента выхода из зала, не отыщет ее, должен немедленно вернуться сюда, чтобы на поиск мог отправиться следующий. Ибо, разумеется, мы все остаемся здесь вместе, до самого конца, и будем посылать очередных участников нашего состязания по одному. В полном одиночестве они будут вести поиск среди ночи... а благодаря велению судьбы, еще и под свист ветра, грохот волн и блеск молний. Каждый, выходя отсюда, получит конверт, куда вложено первое указание. Оно приведет вас к следующему указанию, а то — к другим, и все они направят вас туда, где ожидает Белая Дама. Она с точностью до секунды отметит время, когда вы появитесь перед ней. А поскольку мы здесь засечем время вашего выхода, то, потом, отнимая время старта от времени финиша, мы легко установим, кто преодолел путь быстрее всех, стал победителем и обладателем ожидающей его великолепной награды. Вот она!

Он подошел к столику у стены, на котором стоял высокий ларец из темного дуба, украшенный красивой серебряной оковкой. Тайлер взял ларец ладонями с двух сторон, и поднял его. Передняя стенка и крышка отделились от основания, и все увидели большие часы в стиле барокко с фигуркой, стоящей рядом. Смерть-скелет указывала косою в костлявых руках время на шаре, охваченном кольцом с часами и минутами.

Лорд Редленд подошел и склонился над часами.

— Изумительно, — сказал он и одобритительно кивнул. — Париж. Людовик XIV, если не ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь, милорд, — ответил мистер Кварендон, покрасневший и счастливый.

— Итак, можем начинать! — Фрэнк Тайлер взял со своего столика чистый лист бумаги, ручку и секундомер. — Здесь мы будем по очереди записывать всех, кто покидает эту комнату. А сейчас проведем жеребьевку, чтобы соблюсти справедливость!

Он поднял вверх небольшую черную вазу и потряс ею. Затем запустил в нее руку, вытащил свернутую бумажку, развернул и прочел:

— Мистер Мелвин Кварендон!

— Я? Как я?

— Мы ведь не посвящали вас в наши тайны и у вас такие же шансы, как у других. Но если вы считаете неудобным для себя бороться за награду, которую сами учредили, то, в случае вашей победы, вы можете передать ее тому, кто займет второе место, и удовлетвориться моральным триумфом.

— Но я...

— Полагаю, что мистер Тайлер прав, — сказал Алекс. — В конце концов, человек, чьи типографии подарили миру столько поразительных загадок, должен сам попытаться разгадать одну из них.

Кварендон глянул на него глазами загнанного оленя, но вдруг его круглое лицо прояснилось, и он широко улыбнулся.

— Это верно! — храбро сказал он. — Но если я себя полностью скомпрометирую, прошу надо мной не смеяться. В конце концов, я всего лишь скромный издатель, а не автор... — он поколебался и взглянул на доктора Харкрофта, который в одиночестве стоял у стены: — А как насчет моего сердца? — с внезапной надеждой спросил он. — Не считаете ли вы, что это слишком тяжелое испытание для него?

— Нет, не считаю, — Харкрофт отрицательно покачал головой. — Думаю, я не нарушу врачебную тайну, если скажу, что оно может вынести и гораздо большие нагрузки. Кроме того, я же здесь, с вами.

Кварендон развел руками.

— Сдаюсь. Кажется, у вас есть для меня какой-то конверт?

— Да, — Тайлер отступил назад и взял со стола первый из одинаковых продолговатых конвертов. Он поднял его и замер. Далеко за плотно запертыми дверями зала раздался жуткий, леденящий кровь крик, вопль убиваемого существа, разрывающий уши, проникающий в мозг, и внезапно резко оборванный. В наступившей затем тишине, послышался глухой стук упавшего тела, и тяжелые шаги, которые, удаляясь, растворились в тиши.

— Что... что это было? — сэр Гарольд Эддингтон шагнул к двери, но тут же остановился, как вкопанный.

Тихий, выразительный, низкий женский голос, звучащий, как будто со всех сторон, мелодично произнес:

— Кто среди нас, живущих, сказать посмеет:
«Я видел смерть, когда она входила.
И знаю, куда ушла она,
Оставив позади молчанье»?
Известны смерти тысячи ходов разнообразных,
Которыми в наш дом она проникнет без препятствий,
Не станут ей преградами замок замысловатый,
Засовы крепкие и верная охрана.
Ибо сквозь стены и решетки проникая,
Она следов своих не оставляет,
Холодная, таинственная, неизбежная,
Мрачная и тихая, как последний вздох.

Голос утих, а где-то далеко, в глубине замка, зазвенели тяжелые цепи, раздался звук удара железом о железо, глухой вопль и, наконец, наступила тишина.

— Господи! — сказал Кварендон, глядя на дверь. — Я уже могу идти?

— Еще минутку. Прошу вас открыть конверт и прочесть указание. Оно очень краткое.

Мистер Кварендон сделал то, о чем его просили. Он взломал восковую печать, вынул из конверта сложенный листок бумаги, прочел про себя текст, шевеля губами, и сунул конверт в карман на груди, оставив лист бумаги в руке.

— Еще пять секунд! — Тайлер смотрел на секундомер. Три... две... можно!

Толстяк-издатель двинулся к двери, на какую-то долю секунды заколебался и открыл ее.

Где-то сверху прозвучало отчаянное рыдание женщины, перешедшее в тихий стон. Мелвин Кварендон вышел, закрыв за собой дверь. Фрэнк Тайлер склонился над листом и записал время.

— Это было очень красиво, — прозвучал тихий женский голос.

— Что? — спросил Кедж.

— Эти стихи о смерти, — сказала миссис Александра Уорделл и с улыбкой посмотрела вверх, словно в поисках места, откуда доносился голос. — Очень красиво.

XV

«Ты сам теперь пересекаешь запятанный
убийством дом...»

Джо посмотрел на часы. Прошло четырнадцать минут с тех пор как Мелвин Кварендон закрыл за собой дверь зала. Далеко, в темных глубинах замка, где он исчез, временами раздавался протяжный человеческий вопль, звон цепей и внезапный грохот, а когда эти звуки стихали, реальная гроза, бушующая за окнами, доносила непрерывный шум волн, яростно бьющихся о скалу. Один раз где-то поблизости даже ударила молния, но гроза и ливень, казалось, стали удаляться.

— Интересно, удастся ли ему? — громко сказал Фрэнк Тайлер, поглядывая на дверь.

Словно в ответ на его слова она медленно открылась. Толстощекий владелец КВАРЕНДОН ПРЕСС вошел и закрыл дверь за собой. Он молча подошел к часам и улыбнулся.

— Тот, кто найдет Белую Даму, не будет испытывать сомнений, гадая, не нашел ли я ее раньше!

Он развел руками.

— Значит, вы не нашли ее? — с невинным девичьим интересом спросила Дороти Ормсби. Она сидела в одиночестве у одного из маленьких столиков, держа перед собой открытый блокнот.

— «Не нашел», — рассмеялся мистер Кварендон, — означало бы, что я шел в каком-то направлении, но мне не удалось дойти до цели. Нет, я просто прогуливался по коридору с этим листком и раз за разом перечитывал его. За дело, Фрэнк! Мне интересно, выйдет ли еще кто-нибудь из игры с таким же позором, как я? Так или иначе, но что я точно знаю, так это то, что мне положен двойной виски без содовой. Этот замок действительно жутковат, а уж голоса...

Аманда, стоявшая рядом со столом, где находились напитки, подошла к нему, держа стакан в руке.

— Безо льда?

— Спасибо, детка! — Мистер Кварендон взял из ее руки стакан и поднес к губам.

Джо заметил, что рука издателя не дрожит. Доктор Харкрофт, несомненно, хорошо знал своего пациента.

Дороти перевернула страницу блокнота и что-то быстро записала.

Фрэнк Тайлер поднял черную вазу и запустил в нее руку. Затем грациозно поставил вазу на столик и развернул вынутую оттуда бумажку.

— Мистер Джо Алекс! — объявил он. — Трепещите, дорогие гости! Ваша репутация брошена на весы! Чья перевесит?

Он подал Алексу конверт.

— Прошу вас открыть и прочесть, а когда я подам команду «старт», начнется отсчет вашего времени, поэтому советую встать рядом с дверью.

Джо взял конверт, сломал черную восковую печать и вынул серый листок бумаги, толстый, как пергамент. Вверху листок был украшен объемно напечатанным черепом. Ниже висала черная лента, которую держали две костлявые руки, как бы высунувшиеся из-за краев листа. На ленте белыми, стилизованными буквами было начертано двестишесть:

Ты сам теперь пересекаешь запятанный убийством дом!

Ах, где бы ты хотел уснуть, если бы вдруг лордом стал?

— Старт! — воскликнул Тайлер, положил часы на столик и записал время.

Джо распахнул дверь, закрыл ее за собой и очутился в коридоре. Он сделал несколько шагов и остановился у ступеней лестницы, ведущей на верхний этаж, где находились комнаты для гостей.

В первую минуту он пережил то же ощущение, которое, вероятно, испытал до него мистер Кварендон. В голове царила абсолютная пустота. Он еще раз медленно прочел листок. Первая часть двустихия не содержала вопроса и, казалось, нужна была лишь для создания атмосферы. Ну и размера, конечно.

«Но где бы ты хотел уснуть, если бы вдруг лордом стал?»

Лордом? Что бы это могло значить? Лорды спят там, где спят. Иногда дремлют в Палате лордов. Но это бессмыслица...

Он посмотрел на часы. Прошла минута. Но ведь это должно что-то означать? И это не могло быть чем-то необычайно сложным. Фрэнк сказал, что загадка не трудна, однако надо сопоставить вещи, на первый взгляд друг с другом не связанные. «...Уснуть, если бы...»

Внезапно Джо улыбнулся и двинулся вверх по лестнице. Мысль была почти абсурдной, но ее следовало проверить. Он оказался в коридоре и быстро свернул налево.

— Ты умрешь! — шепот, казалось, доносился со всех сторон одновременно. — О, несчастный!

И горестный вздох.

«Где они упрятали эти колонки?» — подумал Алекс и тут же отбросил эту мысль. Сейчас ничто не должно его отвлекать. Ведь как раз для того и звучат эти голоса.

Он миновал первую дверь «Александра Уорделл», вторую «Джордан Кедж», подошел к третьей, взглянул на карточку с фамилией и с облегчением вздохнул. «Лорд Фредерик Редленд». А с обеих сторон, чуть пониже букв на этой карточке виднелись два маленьких, как бы детских рисунка: лошадка и корона.

Ну разумеется, если бы я стал лордом, то уснул бы там, где спит лорд, то есть в спальне Фредерика Редленда! Господи, как это просто!

Конь и корона? Он прищурился. С первой же секунды какой-то подсознательный голос шептал, что это тоже просто, очень просто... и знакомо! Что он уже встречался с чем-то таким сегодня... Но где же, где?

Он вздохнул и медленно двинулся по коридору. Потом вдруг остановился и вернулся обратно. Он миновал дверь Редленда и застыл. Гравюра. На поле битвы, среди сплетенных тел людей и коней, воин с поднятым вверх мечом. Король Ричард III:

— Коня! Коня! Корону за коня!

Он приподнял нижнюю часть рамы и легонько встряхнул картину, словно ожидая, что сзади что-нибудь выпадет. Затем заглянул под картину. Нет, на стене не оказалось ничего... кроме паутины.

Может, не тот конь и не тот король? На гравюре нет короны, а лишь развеваются длинные слипшиеся в бою волосы.

А это что?

На стекле, прикрывающем гравюру, тут же у соединения с нижней планкой рамы узкая, длинная полоска бумаги:

Король отдал приказ, чтоб поняли и вы:

«Взгляните в рот ему, хоть он без головы!»

Взгляд на часы. Три с половиной минуты. Прошло всего три с половиной минуты, а казалось, больше. Несколько секунд на размышление. Джо покивал головой. Да, это несложно, во всяком случае, не должно быть сложным, если он прав.

Алекс двинулся по коридору, снова миновал дверь лорда Редленда и свернул налево. Четыре с половиной минуты.

Он открыл дверь большой комнаты и вошел, не закрывая ее за собой. Снова жуткий крик где-то высоко, затем хруст и оглушительный треск.

А потом тихий шепот:

— Хоть здесь нашел ты наслаждение и радость,
В итоге встретишь смерть!

И дикий хохот, внезапно прерванный воем. Снова тишина.

Джо содрогнулся. Он покачал головой, подошел к готическому сундуку и, остановившись перед ним, взглянул на доспехи, стоящие слева, потом на те, что стояли справа. Затем внимательно присмотрелся к ним еще раз. У одной фигуры забрало было опущено, у другой — поднято. В глубине зиял темный провал.

Алекс подошел и сунул руку в пустое отверстие. Ничего. Он отступил и посмотрел на другую фигуру. Потом осторожно приподнял забрало, придерживая нижнюю часть. Темное отверстие, а в нем...

Карточка на короткой тесемочке вытянулась из глубины, прикрепленная к верхней части забрала:

Когда трое смотрят вместе,
То, что ищешь, ждет на месте!

(Если ты нашел эти слова, опусти забрало и спрячь меня).

Джо еще раз быстро пробежал глазами карточку, вернул ее в отверстие доспехов и медленно опустил забрало. Карточка исчезла.

Время? Шесть минут. Осталось еще девять. Он огляделся. «Когда трое смотрят вместе...» Трое? Фигур было только две... Они смотрели в одном направлении, на противоположную стену. А где третья?

Джо огляделся. Вой ветра за окнами комнаты усилился, а грохот волн казался громче. Трое?

Он вполголоса рассмеялся, но тут же нахмурил брови.

— Я — третий! — громко сказал он.

Джо стоял перед готическим сундуком, повернувшись в ту же сторону, что и фигуры в доспехах. Перед ним находилась противоположная стена комнаты. Справа на стене — старинный парчовый ковер до самого пола, дальше, в центре, — полки с книгами, слева — большой камин.

Нет, чем бы ни было то, что «ждет на месте», оно не может быть спрятано в одной из книг. Их больше ста. Тогда все решалось бы только случайностью, удачей.

Джо подошел к камину и обернулся. Доспехи, казалось, смотрели в его сторону. Он наклонился и заглянул — свет ламп падал внутрь камина. Он склонился еще ниже и внимательно присмотрелся к мастерски уложенным поленьям, а затем перенес взгляд на подвешенный над ними черный чугунный котел.

Джо осторожно протянул руку и сунул ее в котел. Он не доставал до дна, и потому придвинулся ближе. Вот тогда его пальцы и прикоснулись к чему-то. Кусок железа. Ключ. Ключ и плотная карточка. Связаны проволокой.

Он вынул руку, ухватив карточку двумя пальцами за уголок.

Снова глянут трое разом —
Тут и выиграл ты сразу!

(Возвращаясь, вложи меня вместе с ключом туда, откуда взял).

Держа в руках ключ и карточку, Джо вернулся и опять остановился перед сундуком, повернувшись к противоположной стене. Портрет? Полки с книгами? Тайный проход? Но книги не достигали пола...

Джо направился к парчовому ковру и, внимательно оглядев его, обнаружил, что к верхней кромке пришиты на равных расстояниях маленькие деревянные колечки, висящие на гвоздиках, вбитых в стену.

Держа в правой руке ключ с прикрепленной к нему карточкой, Джо левой рукой прикоснулся к поверхности ткани.

Она легко подалась назад. За ней оказалась пустота. Ковер не был прибит, а лишь отягощен внизу чем-то тяжелым, вшитым в ткань — свинцовыми или железными шариками. Поэтому он был натянут и мог скрыть то, что за ним пряталось.

Джо глянул на часы. Восемь минут.

Он осторожно оттянул ковер. За ним находилась узкая дверь из почерневшего от времени дуба.

Алекс вложил в замок ключ, который неожиданно легко и почти бесшумно повернулся. Он нажал ручку и вошел.

XVI

«Я буду ждать...»

Хоть он и не закрыл дверь, тяжелый ковер за его спиной опустился, и он оказался в полумраке. Узкая полоска света впереди пересекала темноту, падая с высоты невидимого потолка. Он прищурил глаза и вошел. Свет падал из-за штор огромного ложа, увенчанного сверху балдахином. Из-под него опускались складки тяжелой материи, цвет которой нельзя было определить, потому что источник света находился внутри.

Джо подошел ближе. В том месте, где ложе почти соприкасалось со стеной, боковая штора была раздвинута. Там стоял маленький столик, а на нем — свеча, слабый и зыбкий свет которой освещал поверхность ложа, пурпурное покрывало с вышитыми золотыми цветами и...

Джо сделал глубокий вдох и одним движением раздвинул шторы. Теперь он стоял в ногах ложа, а перед ним, с закрытыми глазами, молитвенно сложив на груди руки, лежала Грейс Мэплтон. Алекс застыл без движения. Он смотрел не на лицо лежащей девушки, а на белое платье и алое, кровавое пятно прямо под сложенными на груди руками.

На коленях девушки лежал огромный обоюдоострый меч. Блеск свечи мягко сбежал по его сверкающему лезвию и тускнел на острие; потемневший кончик лезвия был покрыт чем-то липким и красным. Джо пришел в себя. Он протянул руку к лицу девушки.

— Я испугала вас? — Грейс Мэплтон открыла глаза, улыбнулась и села. Она шевельнула ногой, и меч тяжело сдвинулся на покрывало. Затем она повернулась к столику, где стояла свеча, взяла лист бумаги и часы.

— Вы здесь уже сорок секунд... с момента, как повернули ключ в замке.

Грейс достала маленький, укрытый за подсвечником карандаш, затем записала на листке фамилию и время. Потом отложила листок вместе с карандашом на столик и опустилась на ложе. Она смотрела на Алекса широко открытыми глазами, и улыбка медленно сошла с ее лица.

— Так все-таки вы испугались? — переспросила Грейс тихим, низким голосом. Она лежала навзничь, повернув к нему голову, а кровавое пятно на ее платье слегка подымалось и опускалось. Джо с трудом оторвал от него взгляд.

— В первую секунду мне показалось, что... — он умолк и кивнул головой. — Это было очень реалистично и мастерски сыграно. Я внимательно смотрел на вас. Вы не дышали, и даже ресницы у вас не дрогнули, а меч выглядел так, словно убийца после удара бросил его на тело жертвы, прежде чем выбежать отсюда. Это кровавое пятно на платье... Вы сами его изготовили?

— Это не то платье, в котором вы меня видели раньше. Фрэнк спроектировал для меня два одинаковых. Перед тем как войти сюда я быстро переоделась. Краска совершенно сухая и не пачкается... Дотроньтесь.

Она слегка приподнялась на локте и взяла его руку, а потом легонько притянула ее и положила между своими наполовину обнаженными грудями. Джо хотел осторожно высвободить руку, но она удержала ее.

— Присядьте на минутку. У вас еще есть немного времени. Она мягко потянула его к себе, и он сел на краешке ложа.

Он смотрел на свою ладонь и ее загорелую, изящную шею. Без всякого удивления он увидел свои собственные пальцы, легко поглаживающие ее открытые плечи, так, словно они делали это уже тысячу раз, уверенно, не колебаясь...

— Я знала, что вы меня найдете... — тихо сказала она. — Как это странно... Сегодня утром, когда вы приехали, все будто вернулось, и будто я снова нахожусь там, в КВАРЕНДОН ПРЕСС, сижу за столом и боюсь даже обратиться к вам, когда вы входите к моему шефу... А теперь я уже не боюсь.

Она подняла обнаженные руки, и он почувствовал на затылке ее сплетенные пальцы. Она медленно притянула его к себе. Глаза у нее были сомкнуты, а губы приоткрыты. Поцелуй был таким, словно он давно знал эти губы, но все казалось нереальным и далеким, как пение сирен, перед которым не может устоять ни один моряк. Она мягко отстранила его.

— Ты должен идти...

Она лежала навзничь с закрытыми глазами. Грудь ее поднималась и опускалась, а вместе с ней и это страшное, кровавое пятно.

— Господи, как мне хорошо...

Глаза ее были по-прежнему сомкнуты.

— Это ведь не будет продолжаться вечно, и все лягут спать... Замок уснет, а я буду ждать, и не усну, пока ты снова меня не найдешь... А потом мы забудем об этом... И если когда-нибудь я встречу тебя в Лондоне, ты снова скажешь: «Давно мы с вами не виделись, Грейс. Что у вас нового?» А я отвечу, что ничего особенного, и что у меня все в порядке... Но это будет когда-нибудь потом, в Лондоне...

Стоя в ногах ложа, Джо еще какое-то время смотрел на нее. Она открыла веки, глянула на него широко раскрытыми глазами, но уже не произнесла ни слова. Не улыбнулась и не шелохнулась.

Джо молча повернулся, медленно пошел к двери, открыл ее и вышел.

Яркий свет в большой комнате на мгновение ослепил его, но наваждение не проходило. Он вынул ключ из замка, отнес его к камину и опустил в черный котел, из которого вынул. Джо посмотрел на часы. Четырнадцать минут. Возможно ли это?

Некоторое время он стоял посередине комнаты совершенно неподвижно. С мучительным усилием он старался подумать о чем-то разумном. Откуда берутся эти поразительные создания, против которых никто не может устоять? А ведь он ни на секунду не забывал о Каролине. Лицо ее промелькнуло в его мыслях, когда он целовал эти мягкие, холодные губы, к которым так тянуло... «Я буду ждать и не усну...»

— А я? — спросил Джо вполголоса.

Он медленно спускался по каменным ступеням, а когда оказался перед дверью столовой, остановился. Где-то высоко раздался отчаянный женский

воплъ, снова зазвенели цепи, тихо и долго угасал плач заблудшей души. А за стенами замка по-прежнему грохотало бушующее море, и легкая дрожь пробежала по полу. Но хоть он и слышал все это, до него, казалось, не долетал ни единый звук. Наконец он усмехнулся, тряхнул головой и нажал на ручку.

Его встретил смешанный хор любопытных голосов.

— Мне повезло... — сказал Алекс, подходя к столу с напитками, — но удастся ли победить, не знаю.

Он налил себе полстаканчика и достал щипцами из ведерка два кубика льда. Опустив их в стакан, он молча ждал, пока виски охладится.

Тем временем Фрэнк Тайлер вытащил из вазы следующую бумажку.

— Сэр Гарольд Эддингтон! — триумфально объявил он. — Не кажется ли вам, что эти эсхатологические¹ часы могли бы стать достойным украшением вашего кабинета?

— Боюсь, — невозмутимо сказал сэр Гарольд, — что в моем министерстве не следует напоминать входящим о бренности дел этого мира. Мы стараемся, чтобы у них создалось диаметрально противоположное впечатление. Но поскольку я принял вызов на бой, то приложу все усилия, чтобы погибнуть с честью. Он взял запечатанный конверт и по знаку Фрэнка Тайлера направился к двери.

XVII

«Господь сжалился над тобой, Ева!»

Когда дверь за сэром Гарольдом Эддингтоном закрылась, Фрэнк Тайлер подошел к Алексу.

— Умоляю об одном, — сказал он, молитвенно сложив руки, — если вы нашли Белую Даму, не сообщайте никому из присутствующих ни одной, даже незначительной детали ваших поисков. Мы должны соблюсти правила до самого конца. Никакой помощи. Все рассчитывают сами на себя и свою наблюдательность.

Он обратился к присутствующим.

— Мы очень просим, чтобы никто из вас, вернувшись, не промолвил даже в шутку ничего, что могло бы послужить подсказкой.

— Это не в наших интересах, — Дороти Ормсби указала на часы своей маленькой ладошкой. — Любой из нас, кто хочет получить Смерть в свою собственность и быть уверенным, что она собственноручно отмерит ему последний час, не должен сочувствовать соперникам, не говоря уже об оказании им помощи!

Она придвинула свой блокнот и что-то записала. Фрэнк Тайлер взял Алекса под руку и отвел в сторону.

— Было нетрудно, правда? — тихо спросил он.

— Нет, — Джо покачал головой, — но сама постановка великолепна, у меня иногда даже мурашки по коже пробегали.

— Как вы считаете, еще кто-нибудь ее найдет? Будет ужасно, если окажется, что мы переоценили наших гостей, и вы — единственный, кто разгадал нашу загадку.

— Это польстило бы моему тщеславию, — Алекс улыбнулся и дружески похлопал его по плечу. Потом направился к Паркеру, которого увидел в углу зала. Паркер склонился к сидящей в кресле миссис Уорделл и вполголоса беседовал с ней. Пожилая леди подняла голову, явно заинтересованная его словами.

¹ Эсхатология — свод взглядов на тему конечных (посмертных) судеб человеческой личности, души и мира.

Лорд Редленд, Мелвин Кварендон и Аманда Джадд, которая опиралась на руку Фрэнка Тайлера, только что подошедшего к ним, беседовали, должно быть, о чем-то забавном, потому что Кварендон громко рассмеялся, а Редленд развел руками.

— Если найдется хоть какой-то фрагмент бижутерии, — говорил Кварендон, — или скажем, пряжка пояса от ее платья, заколка для волос, не говоря уже о такой удаче, как находка орудия убийства, я буду счастлив поместить их в своей скромной коллекции, разумеется, с подобающей надписью, описывающей действующих лиц этой драмы, место и час происшествия, а также причину, потому что уж она-то нам хорошо известна. Но есть ли у нас хоть малейшие шансы на это спустя три столетия? Ведь столько людей вели здесь поиски, с первого дня по сегодняшний. Предыдущий владелец этого замка, который купил его и переделал в нечто наподобие отеля, не раз пробивал эти стены. Он установил современную кухню, проложил трубы центрального отопления, провел электричество и оборудовал ваннные комнаты. Но он не обнаружил даже следа скрытого помещения, в котором Эдвард де Вер мог бы спрятать свою жену. Граф не мог также выбросить тело через окно на скалы или в море, потому что уже тогда все окна и бойницы замка были забраны крепкими решетками, как и сейчас. Во время переделки в отель, решетки на окнах оставили, чтобы сохранить жутковатую атмосферу средневековья. Я, кстати, и сейчас не вижу причин, что-либо менять. Но она... Ведь какой-то след ее наверняка должен где-то остаться. Если бы вы завтра нашли хотя бы то место, где он ее спрятал — это уже было бы победой, поскольку это не удалось никому в течение трех веков.

— А что вы собираетесь делать с этим замком после окончания праздника по случаю издания пятимиллионного экземпляра книги нашей молодой симпатичной коллеги?

Джордан Кедж, которого Джо перед тем заметил еще издалека, сидящего под окном с доктором Харкрофтом, подошел теперь к ним и, задав вопрос, остановился за могучей спиной пухлого издателя.

Мистер Кварендон повернулся к нему в пол-оборота.

— Вот-вот! — добродушно ответил он. — То есть, вы хотите сказать, что легче купить замок с привидениями, нежели избавиться от него. К счастью, я вовсе не хочу от него избавляться!

Он слегка приподнялся на носочки и обвел собравшихся радостным взглядом, словно мальчуган, который не может дожидаться случая открыть свою тайну.

— Наверняка это непосредственно касается некоторых лиц из числа собравшихся здесь... — Кварендон секунду помолчал, подыскивая нужные слова. — Наша фирма хочет создать на всех континентах клубы любителей КВАРЕНДОН ПРЕСС, а этот замок станет главным штабом и местом съездов их руководителей и членов, которых мы пожелаем особо отметить... Есть еще несколько других вопросов, связанных с этим, но я не хочу о них говорить, пока они не облекутся в плоть. Во всяком случае, это будут читатели ваших книг, и, я надеюсь, вы тоже время от времени захотите появляться среди нас.

Дороти Ормсби поднялась со стула с записной книжкой в одной руке, карандашом в другой, и медленно подошла, остановившись за их спинами.

— А знамя КВАРЕНДОН ПРЕСС будет развеваться на башне? — серьезно спросила она с выражением лица взволнованного подростка. Джо, который был знаком с ней много лет, усмехнулся про себя.

— Вы ведь понимаете, Дороти: я мечтаю о том, чтобы штандарты КВАРЕНДОН ПРЕСС развевались на многих башнях! Но я был бы безмерно счастлив, если б завтра кто-нибудь из вас разгадал загадку подлинной

Евы де Вер. Это облагородило бы нашу резиденцию и доказало бы, что ни одна тайна не устоит перед таким великолепным букетом умов, как тот, который сегодня здесь собран.

— В таком случае было бы поистине чудесно, если бы кто-нибудь из нас вздумал совершить здесь настоящее преступление. Вы думали об этом, мистер Кварендон? — личико Дороти выражало восторг.

— О, это было бы слишком красиво, чтобы произойти в действительности... — ответил Кварендон и сморщил лоб, пытаясь вспомнить, где и кто недавно задал ему этот же вопрос.

В ту же минуту дверь открылась. Сэр Гарольд Эддингтон вошел и спокойно приблизился к стоявшим.

— Прошло ровно пятнадцать минут после вашего ухода, — сэр Гарольд, — объявил Фрэнк Тайлер, глянув на часы. — У меня есть лишь один, разрешенный регламентом вопрос: вы нашли ее?

Сэр Гарольд молча отрицательно покачал головой, развел руками и содрогнулся:

— Эти все голоса и звуки отвратительны...

«Он не нашел ее»... — подумал Джо и закрыл на мгновение глаза. Тусклый свет свечи, великолепное стройное тело на золотисто-пурпурном покрывале... обнаженные плечи... «Я не усну»...

— Мистер Джордан Кедж! — возвестил Фрэнк Тайлер. Он уже стоял возле столика, на котором покоилась черная ваза:

— Прошу, вот ваш конверт!

Кедж взял конверт, сломал печать, вынул листок и быстро пробежал взглядом.

— Еще пять секунд, — сказал Тайлер, — еще две, одна, старт!

И Джордан Кедж тихо прикрыл за собой дверь. За окном прокатился далекий гром.

— Буря возвращается, — сказал Паркер. Он расстался с миссис Уорделл, и подошел к Алексу.

— О чем ты с ней так долго беседовал? — тихо спросил его Джо и покосился в сторону неподвижно сидевшей пожилой дамы. К ней подошла Аманда Джадд, и спросила о чем-то, чего Джо не расслышал.

Миссис Уорделл подняла голову и улыбнулась с тем очарованием, которое иногда присуще лишь старым женщинам и так сильно отличается от очарования юных девушек.

— Это очень интересная личность, — Паркер покивал головой, словно желая подтвердить, что его слова — не просто дань вежливости. — Говорили мы, разумеется, о призраках. Все ее близкие уже умерли, даже дочь и взрослый внук. Какие-то трагические несчастные случаи. Она не распространялась об этом, и не производила впечатления человека, который пережил трагедию. О каждом из покойных она говорила так, будто он жив. Если бы я не слушал ее внимательно, то мог бы подумать, что все трое остались дома и она уже начинает скучать по ним. Она также говорила о привидениях в общем. Она знала, кто я такой, и стала говорить о призраках людей, которые стали жертвами преступлений... а потом перешла на несчастную хозяйку этого замка, убитую триста лет назад. И о ней она тоже говорила как о живом человеке, оказавшемся в исключительно трудном положении. Она ей сочувствовала и выражала надежду, что, в конце концов, все завершится счастливо, в том смысле, что какая-то другая низкая женщина погибнет в этом замке и освободит Еву. Я спросил, а надо ли будет этой, следующей, тоже ждать сотни лет, пока найдется третья, и должно ли так продолжаться бесконечно. Она ответила, что нет. Круг замкнется и наступит тишина.

— Ты говоришь до того проникновенно, будто сам абсолютно уверен, что именно так и выглядит извечная справедливость, — Алекс улыбнулся. —

Это комплимент для старой дамы. Совершенно очевидно, что она умеет убедительно рассказывать об этих делах.

— Я всего лишь простой офицер полиции, Джо. Я видел сотни умерших, в основном убитых, но ни единого призрака. Было также пару убийц, которых в мои молодые годы, когда еще не отменили смертную казнь, я довел до виселицы. И я никогда не задумывался над тем, что с ними может происходить потом, после всего. И о жертвах их преступлений я тоже не думал подобным образом. Когда смотришь на убитого человека, знаешь — случилось нечто необратимое, окончательное. Но миссис Уорделл иного мнения... То есть, она глубоко верит, что все обстоит иначе. И верит, что существуют тысячи доказательств тому. Она обещала, что когда все закончится, даст мне свою книгу, которую привезла сюда.

— А не помнишь названия?

— Кажется, что-то вроде «Появляются ли призраки и почему?» Она говорит, что эту книгу любит больше всех, написанных ею до сих пор, ибо она содержит как бы всю теорию и очень много примеров, подтвержденных многочисленными, серьезными и заслуживающими доверия свидетельствами.

— Дашь мне почитать, когда вернемся в Лондон, — Джо взял его под руку, и они направились в другой конец зала, где находились накрытые столы. — Я вдруг жутко проголодался, — он глянул на часы. — Если не ошибаюсь, уже прошло пятнадцать минут с тех пор, как Кедж покинул нас.

— Господи! — тихо охнул Паркер, когда они остановились перед подносом, заполненным бутербродами с икрой, и Джо взял ближайший из них. — Через минуту мистер Тайлер может меня вызвать. Если мне не удастся найти ее, а Дороти Ормсби где-нибудь это опишет, я стану посмешищем всего Скотланд-Ярда!

— Выше голову! — Джо взял второй бутерброд. — Мы уже сейчас знаем, что ты будешь не одинок. Кварендон и Эддингтон тоже ее не нашли.

— Да, но я — сыщик! То есть был им, — Паркер вздохнул, — пока не поднялся по служебной лестнице слишком высоко, и теперь мозг мой начинает ржаветь. Но несмотря на это... — он не закончил, потому что дверь открылась, и вошел Джордан Кедж.

— Вы отсутствовали восемнадцать минут! — воскликнул Тайлер. — Значит ли это, что вы ее нашли?

— Нашел!

Кедж покраснел. Глаза его блеснули, и Джо внезапно понял, насколько важным было для этого стареющего писателя найти Белую Даму. Они с Паркером подошли к нему.

— Старый конь борозды не портит! — сказал Кедж. — Пока нас только двое! Это не было так уж трудно, за исключением одного вопроса.

Алекс приложил палец к губам.

— Нам нельзя ничего комментировать. Поговорим обо всем, когда последний участник отправится в путь, и мы будем знать, что уже никто не извлечет из нашего разговора никакой пользы.

— Да, конечно! Я и забыл, что...

Он не закончил, потому что Фрэнк Тайлер опустил руку в вазу и объявил:

— Лорд Фредерик Редленд!

Редленд взял конверт, сломал печать и, вынув листок, медленно стал читать его.

— Три секунды, две... старт!

Редленд оставался на месте, поэтому Фрэнк Тайлер легко взял его под руку и провел к двери.

— Милорд, вы теряете драгоценные секунды.

Редленд медленно вышел, по-прежнему вглядываясь в карточку. Фрэнк закрыл за ним дверь.

— Пока что мы разделились поровну, — заявил он. — Двое достигли цели, а двое — нет.

Фрэнк огляделся и увидел Аманду, беседующую с миссис Уорделл, которая, к его удивлению, как раз подносила к губам широкий бокал, до половины наполненный золотистым коньяком. Он подошел к ним.

Тем временем Алекс раскурил трубку и опустился в кресло рядом со столиком Дороти Ормсби, которая быстрыми, мелкими движениями карандаша заполняла очередную страницу своей записной книжки. Наконец она закончила писать, отложила карандаш и подняла голову.

— Я как раз думал о том, — сказал Алекс, — что вы записываете, Дороти. Относятся ли ваши заметки к тому, что здесь происходит?

— Разумеется. Я полагаю, вы не думаете, что я начала писать детективный роман? — Дороти улыбнулась. — Я предпочитаю оценивать других. Кроме того, я совершенно лишена воображения. Я могу лишь описывать то, что вижу, и, разумеется, то, что прочла. Но чужие книги — это тоже определенная действительность.

— А здесь, в этот вечер, вы нашли что-нибудь достойное внимания?

— О, много всего! — тонким указательным пальцем Дороти постучала по корешку записной книжки.

— У вас гораздо больше воображения, чем у меня. Я ничего особенного не заметил. Конечно, мы по очереди выходим и возвращаемся, но вы, разумеется, не это имели в виду?

Она отрицательно покачала головой.

— Я, конечно, записываю и очередность выходящих, но лишь для того, чтобы позже, дома, восстановить для себя все это забавное событие и его маленькие, побочные линии, — она понизила голос. — Возьмите, например, доктора Харкрофта. Он тут не ощущает себя уверенно, потому что не принадлежит к этому кругу, а приехал лишь как врач мистера Кварендона. Минуту назад я подошла к нему и спросила о чем-то, — просто так, чтобы обменяться с ним парой слов. Мне показалось, что он чувствует себя как-то одиноко. Он тут же разговорился, но при этом явно нервничал. Оказалось, что Джордан Кедж подсел к нему и долго выпытывал о действиях ядов, причем особо интересовался смертельными и действующими мгновенно. Кедж хотел знать, как их можно приобрести или изготовить в домашних условиях. Харкрофт вначале давал уклончивые ответы, но когда Кедж объяснил, что сведения о ядах необходимы ему для новой повести, отослал его к учебнику токсикологии. Он сказал мне, что Кедж тут же записал название и фамилию автора, словно ему никогда раньше не приходило в голову, что сведения о ядах можно получить, не приставая с этим вопросом к врачам...

— Да, — произнес Алекс не совсем уверенно, — я понимаю, но...

— Не уверена, понимаете ли вы, что я имею в виду. Но совершенно уверена, что вы не догадаетесь, что я по этому поводу записала.

Алекс молча поднял брови.

— Вот-вот! — Дороти взяла записную книжку, будто хотела прочесть соответствующий фрагмент, но тут же положила ее обратно на столик. — Думаю, что Кедж вообще не собирался использовать знания доктора Харкрофта. Просто он хотел показать себя перед доктором известной личностью, автором детективных романов, который очень серьезно относится к своей творческой миссии и ищет совета специалиста, чтобы не допустить даже малейшей неточности. А учебник токсикологии, о котором упомянул Харкрофт, наверняка давно лежит у него дома, ну, если не этот, то пять

других. Но ему, стареющему, теряющему популярность писателю, такая беседа вероятно доставила огромное удовольствие... И, кстати говоря, после его возвращения, когда оказалось, что он, как и вы, все же отыскал эту Белую Даму, разве не подошел он к вам и не сказал чего-то, вроде: «Вот, дескать, мы с вами — подлинные профессионалы, а не то, что эти бедняги-любители, которым сперва кажется, что любую подобную загадку они в состоянии без труда разгадать, а потом оказывается, что на деле они беспомощны, как дети?»

— Дороти, — Алекс, улыбаясь, положил руку на ее маленькую ладошку, придерживающую записную книжку, — вы исключительно жестокий и, наверно, очень умный человек. Но, думаю, вы будете удивлены, когда услышите, что сегодня, глядя на вас...

Он умолк, потому что дверь открылась, и вошел лорд Фредерик Редленд.

Прежде, чем Фрэнк Тайлер успел задать ему вопрос, он остановился в центре зала и объявил:

— Могу вас заверить, мистер Кварендон, что ваши прелестные часы не станут моей собственностью... о чем я весьма сожалею.

Дождь ударил по стеклам окон, и одновременно с ним нарастающий вой вихря налетел со стороны моря, а затем утих, умчавшись к невидимому берегу.

— Дамы и господа! — воскликнул Фрэнк Тайлер. — Жребий решил, что теперь свое многократно проверенное умение связывать воедино разрозненные факты проявит мистер Бенджамин Паркер, ас Скотланд-Ярда!

— О, Господи! — вздохнул Паркер и поднялся со стула, на котором сидел последние несколько минут, разглядывая собравшихся. — Умоляю, не издевайтесь надо мной! Через четверть часа я вернусь, и все присутствующие сразу найдут причину усомниться в качестве заботы, которой британская полиция должна окружать граждан.

Он протянул руку, взял конверт, сломал печать и, вынув листок, начал его читать.

— Пять секунд... две... старт! — прокричал Тайлер.

Паркер двинулся к двери, в последний момент отыскал взглядом Джо Алекса и слегка развел руками. Затем исчез за дверью.

— Вы снова скажете, что у меня гнусный характер, — Дороти Ормсби взглянула на Алекса своими невинными глазами. — Но разве вы не заметили, что бедный комиссар Паркер боится? Это, несомненно, очень смелый и закаленный человек, который не раз сталкивался лицом к лицу со множеством опасностей... А знаете, кого он боится?

— Знаю, — ответил Джо.

Они оба рассмеялись, но Дороти внезапно стала серьезной.

— Я бы никогда этого не сделала.

— Правда? — Алекс посмотрел на нее. — А почему? Ведь в репортаже о событиях сегодняшней ночи в замке «Волчий Клык» это был бы очень эффектный фрагмент.

— Потому, что если даже Бенджамин Паркер не отыщет Белую Даму и вернется побежденным, он не заслуживает осмеяния. Напротив. Мне кажется, что это прекрасный человек.

— Я в этом глубоко убежден, — Алекс серьезно кивнул головой.

— А я не такой уж жестокий человек, — тихо сказала Дороти. — Просто я не выношу бесталанных людей, которые хотят добиться славы и денег, занимаясь профессией, для которой непригодны.

— Это не совсем справедливо. Ведь бесталанный человек не знает об этом. Он убежден в своем таланте, и его трудно переубедить.

— Именно в этом и заключается моя профессия. Если моя критика не может повлиять на него, она наверняка влияет на издателей и читателей.

Когда я была моложе, я очень страдала, написав о ком-то плохо в своей рецензии, но сейчас я точно знаю, что...

Она не договорила. Фрэнк Тайлер подошел и склонился над ней.

— Через минуту вернется мистер Паркер и вас останется только трое: вы, миссис Уорделл и доктор Харкрофт. Как вы себя чувствуете перед большим испытанием? Никакого волнения?

— Театральный критик не обязан писать пьесы, — Дороти лучезарно улыбнулась ему. — Критик детективной литературы не обязан быть сыщиком, — она повернулась к Алексу. — Но мне очень хотелось бы ее отыскать. Кажется, я все же несколько тщеславна.

— Сейчас вернется мистер Паркер, — Фрэнк потер руки. Глаза его блестели, и он был явно возбужден.

Джо подумал, что забота о столиках с алкогольными напитками, стоящими у стены, наверняка тоже оказала на это влияние. Тайлер улыбнулся, подошел к миссис Уорделл, взял со столика пустой бокал и, по-видимому, задал какой-то вопрос — старая леди отрицательно покачала головой и что-то ответила. Тайлер с пустым бокалом направился к столу с напитками, возле которого Кедж, лорд Редленд, Эддингтон и мистер Кварендон обступили Аманду Джадд. Неподалеку от них доктор Харкрофт серьезно и сосредоточенно наливал из бутылки темный ирландский виски в бокал, на дне которого лежали кусочки льда.

— Вот он! — воскликнул Тайлер.

Все повернулись в его сторону, а затем перенесли взгляды на стоявшего в дверях человека, который направился в сторону Дороти и Алекса, но остановился и взметнул вверх сжатый кулак с победно выставленным большим пальцем.

— Разумеется! — сказал мистер Кварендон. — Вам это не могло составить ни малейшего труда!

Паркер, как бы извиняясь, развел руками, словно желая сказать, что это не его вина. Затем подошел к Алексу и Дороти.

— Позвольте присесть возле вас?

— Меня с самого утра восхищает ваше присутствие, — шепнула Бену Дороти. — Вы в тысячу раз интересней, чем вся эта армия бумажных сыщиков, с которыми я обычно имею дело и...

Она не закончила, потому что Фрэнк Тайлер в очередной раз выполнил свою обязанность и, вынув из вазы бумажку, развернул ее.

— Мисс Дороти Ормсби, которая умеет обнаружить малейшую ошибку в работе других, имеет сейчас возможность продемонстрировать нам собственную безошибочность!

— Я знала, что он скажет нечто подобное, — пробормотала Дороти, поднимаясь с места.

Затем она подошла к Тайлеру, взяла конверт, сломала печать и пробежала взглядом по листку.

— Старт! — воскликнул Фрэнк, повернулся и записал время на своем листке.

Миниатюрная, стройная и прямая Дороти Ормсби скрылась за дверью.

— Господи, — сказал Паркер, — я успел в последний момент! — он понизил голос. — Какое это счастье, когда у полицейского есть жена, которая любит ходить в театр. Я видел, что там висят гравюры с героями Шекспира, поэтому лошадка и корона напомнили мне о Ричарде III. Если бы не это, Джо, я стоял бы там до сих пор! Все остальное было уже просто, но у меня волосы поднялись дыбом, когда я туда вошел. В первую секунду я подумал, что с ней действительно что-то случилось. И этот огромный, окровавленный меч...

— А как тебе понравилась сама мисс Мэплтон? — безучастно спросил Джо.

— Очень странная девушка. Она красива, но мне все время было как-то не по себе. Она сказала, что время для нее стало тянуться медленно и спросила, сколько еще человек будут ее искать. Я ответил, что всего лишь три и вышел, потому что уже истекала пятнадцатая минута. Но у этой девушки какой-то необычный голос. Рядом с ней чувствуешь себя как-то странно... я не могу этого точно выразить.

— Думаю, ты прав, — Алекс встал. — Надо чего-нибудь выпить и перекусить. Для нас конкурс уже закончился.

Они направились в сторону беседующих мужчин, от которых отделилась Аманда с чашечкой кофе для миссис Уорделл, сидящей в своем кресле с неизменной, безмятежной улыбкой.

— Пока у нас есть три возможных победителя: два писателя и вы, комиссар! — мистер Кварендон был явно доволен, что не оказался единственным, кому не повезло.

Где-то вверху раздался приглушенный грохот выстрела, душераздирающий вопль и глухая, жалобная барабанная дробь, которая постепенно стихла.

— Налить вам что-нибудь? — спросил Фрэнк, обращаясь к Алексу и Паркеру.

— Я буду пить то же, что пьет восхитительная миссис Уорделл, — тихо сказал Алекс, — разве только чуть побольше. Кажется, это был арманьяк?

— Вы угадали! Она сказала, что каждый вечер выпивает одну рюмку коньяка и затем великолепно спит без всяких снов. Сны, утверждает она, это психический мусор этого мира, а вовсе не образы иного.

Тайлер глянул в сторону сидящей у противоположной стены старушки, которая в этот момент слегка наклонилась к Аманде, объясняя ей что-то. На лице у нее по-прежнему оставалась безмятежная, почти ангельская улыбка.

— А вы? — обратился Тайлер к Паркеру.

— Пожалуй, виски... но не беспокойтесь...

Паркер подошел к столу, взял стакан, открыл крышку емкости со льдом и положил четыре кусочка. Затем налил себе тот же ирландский виски, который пил Харкрофт. Потом покинул мужской круг и направился в сторону стола с едой. Джо поднес к губам свой коньяк и отпил маленький глоток. Он хотел было двинуться вслед за приятелем, но его остановили слова лорда Редленда, произнесенные спокойным деловым тоном.

— Следует признать, что дух леди Евы де Вер весьма толерантно относится к нам сегодня вечером. Ведь ее трагическая смерть послужила нам поводом для игры. А она, как бы ничего против этого и не имеет. Не реагирует, не мстит нам... что, к сожалению, служит убедительным доказательством того, что духов не существует, а рационалисты правы. Должно быть, так оно и есть, но мне чуточку жаль сверхъестественного мира, в котором могло бы происходить столько чудесных вещей.

Мистер Кварендон быстро обернулся, но миссис Уорделл была полностью поглощена разговором с Амандой Джадд. Толстяк-издатель приложил палец к губам, указывая взглядом на старушку.

— Давайте сменим тему, — шепнул он. — Если б она услышала, ваши слова очень огорчили бы ее, милорд.

— Тысяча извинений, — Редленд покраснел. — Я совершенно забыл, кто она.

— А, собственно, кто она? — спросил Кедж вполголоса.

— Она — один из крупнейших знатоков того, что происходит по ту сторону... — не повышая голоса, сказал Кварендон и вдруг выпрямился. — Я должен издать ее следующую книгу! — неожиданно воскликнул он. — Говорят, она очень популярна. Люди ее читают.

Доктор Харкрофт прислушивался к разговору, потягивая свой виски. Мистер Гарольд Эддингтон оторвался от группы мужчин, подошел к окну, отодвинул штору и выглянул во тьму. Затем вернулся.

— Дождь прекратился, — сказал он, обращаясь к мистеру Кварендону, который промолчал в ответ.

Алекс с бокалом в руке подошел к Паркеру, который уселся за одним из маленьких столиков, держа перед собой тарелку с холодным мясом, нарезанным ломтиками и украшенным кровавыми каплями густого соуса.

— Превосходная мысль! — одобрил Джо и осмотрелся, разглядывая блюда с закусками.

— А вот и я!

Он обернулся.

Дороти Ормсби стояла посреди зала, грациозная и юная, а вся ее стройная фигурка излучала гордость. Она высоко подняла голову и подошла к Фрэнку Тайлеру.

— Вы — гений режиссуры! — сказала она. — Жаль, что не могу сейчас ничего больше добавить. Я думаю, мне полагается бокал очень хорошего, ароматного коньяка!

Возникло небольшое замешательство. Алексу, стоявшему поодаль, показалось, что все одновременно бросились исполнять ее желание. Лишь лорд Фредерик Редленд отступил на шаг, а затем направился к Аманде и миссис Уорделл, но остановился, ибо Фрэнк еще раз вынул из вазы свернутую бумажку и прочел:

— Миссис Александра Уорделл, единственная, кто действительно знает, что происходит в этом замке!

Старая леди встала. Аманда взяла ее под руку, а Фрэнк подбежал с конвертом.

— Вы хотите идти одна? — спросила молодая женщина. — Я не принимаю участия в этом конкурсе и охотно пойду с вами.

Миссис Уорделл с улыбкой взглянула на нее.

— Я не боюсь ни призраков, ни живых людей, дитя мое. Я знаю, вы беспокоитесь, смогу ли я там передвигаться одна. Я очень вам благодарна, но, к счастью, мои ноги еще кое-как меня носят и, думаю, они справятся с лестницами этого замка. Раз уж мне надо принять участие в этой игре, то я сделаю это на тех же условиях, что и остальные, — она погладила Аманду по щеке. — Еще раз спасибо, милая, но, пожалуй, пора открыть этот конверт...

Ее маленькие ручки с трудом сломали печать. Она с минуту читала, а затем кивнула головой, словно соглашаясь с невысказанными мыслями.

— Старт! — подал команду Фрэнк Тайлер значительно тише, чем тогда, когда выпускал ее предшественников.

Аманда подошла к двери, отворила ее и закрыла, когда старая дама вышла.

— Интересно... — сказал мистер Кварендон. — У меня промелькнуло ощущение, что она все разгадает без малейших усилий... Словно и в самом деле она не от мира сего, и у нее постоянный контакт с тем миром. Почти невозможно где-нибудь увидеть такое невероятно спокойное и безмятежное лицо.

— Кто еще остался? — спросил Кедж и окинул взглядом присутствующих.

— Действительно! Всего один человек! Вы, господин доктор!

Харкрофт кивнул головой.

— Да, я знаю. Может, надо немного сосредоточиться? — он попытался, улыбнуться, но тотчас стал серьезным.

Дороти Ормсби подмигнула Алексу. Он ответил ей, чуть приподняв руку над тарелкой. Дороти без сомнения умела вылавливать маленькие,

незаметные внутренние конфликты, вроде этого: врач, как бы затерявшийся среди людей, по-разному связанных с преступлением, который, быть может, в глубине души мечтает оказаться не хуже этих людей и стремится достичь того, чего достигли лишь некоторые из них.

Проходили минуты. Джо быстро перекусил и вместе с Паркером направился к кофейному автомату. Он немного устал. Сегодня пришлось встать гораздо раньше обычного.

Он сел с чашкой кофе под окном, стараясь избавиться от образа, который настойчиво возникал в его мыслях: пурпурно-золотое покрывало, а на нем...

Время шло.

Дверь отворилась как бы нерешительно, поскольку миссис Уорделл по-прежнему держала ручку. Она сделала шаг вперед, огляделась невидящим взглядом, а затем произнесла тихо и отчетливо:

— Господь сжалился над тобой, Ева.

И опустилась на ковер, покрывающий каменный пол.

XVIII

Глаза ее были широко открыты...

К ней бросились все, но доктор Харкрофт успел первым и опустился на колено подле миссис Уорделл, сделав знак рукой, чтобы остальные не приближались. Он приподнял безжизненную руку старой дамы и попытался нащупать пульс, а затем приложил ухо на уровне сердца к ее серому платью. Все затаили дыхание.

— Господи, — шепнула Аманда, — лишь бы с ней ничего не случилось!

— Обморок, — Харкрофт быстро осмотрелся. — Я прошу вас перенести ее на диван, там, в углу, и положить что-нибудь под голову и плечи, чтобы она полусидела. К счастью, мой саквояж здесь. Сделаем ей укол эфедрина и, думаю, все будет в порядке.

Несмотря на спокойный тон, которым он произнес эти слова, Джо отметил в его голосе какую-то нерешительность. Харкрофт быстро направился к двери и закрыл ее за собой. Неподвижно стоявшие люди ожили. Алекс и Паркер подняли легкое, бесчувственное тело и осторожно уложили на диван. Паркер огляделся, потом снял вечерний сюртук, свернул и подложил под плечи и голову миссис Уорделл. Веки ее были опущены, а рот слегка приоткрыт. Джо отметил, что серое, украшенное тонким белым кружевом платье, легко вздымается и опадает. Старая дама дышала ровно.

— Я похвалила вашу великолепную постановку, — тихо сказала Дороти Ормсби, обращаясь к стоявшему рядом Тайлеру, — но, кажется, она оказалась слишком реалистичной! Бедняжка, должно быть перепугалась и...

Она не закончила, потому что вошел Харкрофт, на ходу открыл свой черный саквояж и присел возле миссис Уорделл. Он вынул разовый шприц, наполнил его прозрачной жидкостью и обратился к стоявшей ближе всех Аманде Джадд.

— Будьте любезны, приподнимите, пожалуйста, повыше левый рукав ее платья.

Аманда послушно выполнила поручение. Остальные слегка отступили, словно не желая проявлять излишнего любопытства. Харкрофт легким движением вонзил иглу. Миссис Уорделл даже не дрогнула. Он медленно ввел лекарство, а затем резким движением вынул иглу.

— Не опускайте рукав, пожалуйста, — сказал он Аманде, потянулся к саквояжу, вынул из небольшой никелированной коробочки кусочек ваты,

открыл маленькую бутылочку, поднес к ней вату, а затем приложил к месту, где виднелся точечный след от укола.

— Опустите, пожалуйста, рукав, — доктор закрыл саквояж и выпрямился. — Надеюсь, через минуту она придет в себя, — он снова наклонился, поднял с ковра оставленный там шприц и осмотрелся. — Если можно, заверните это, пожалуйста, во что-нибудь и выбросьте в корзину для мусора.

Он подал шприц Аманде, которая кивнула головой и быстро покинула круг стоявших, как бы обрадовавшись, что может сделать что-нибудь полезное. Взгляд доктора вернулся к миссис Уорделл.

— Боже мой, — дрогнувшим голосом сказал Кварендон, — это наша общая вина. Не надо было отпускать ее одну. Этот замок и эти жуткие голоса всем действуют на нервы.

— Но вы сами настаивали на этом, когда мы планировали вечер, — тихо возразил Фрэнк Тайлер. — Вы сказали, что немного ужасов не помешало бы.

— Немного! — проворчал Кварендон и умолк, потому что доктор поднял руку, будто призывая к тишине.

Миссис Уорделл шевельнулась и открыла глаза. Несколько секунд она неподвижно смотрела в потолок, потом медленно опустила взгляд и увидела окружающих ее людей.

— Она мертва, — прошептала старая дама. — Время описало круг и остановилось...

Она снова закрыла глаза, и доктор Харкрофт шагнул было к ней, но она тут же открыла их. И, словно вторя собственным мыслям, кивнула головой, слегка приподняв ее.

— Миссис Уорделл, это была всего лишь игра! — сказала Дороти с напускной веселостью. — Я тоже перепугалась, когда ее нашла. Если хотите, кто-нибудь может пойти и привести ее сюда.

— Нет, дитя мое... — шепнула миссис Уорделл. — Поздно.

— Я сейчас приведу ее, и тогда вы сможете спокойно отдыхать в своей комнате, не так ли, доктор? — Джо сам не знал, почему так легко вырвалось у него это предложение. Не оглядываясь, он направился к двери и вышел.

Лестница.

Где-то высоко над ним начал звучать «Траурный марш» Шопена и внезапно оборвался. Пауза и взрыв демонического хохота. Снова несколько проникновенных тактов Шопена.

Тишина.

Он был уже наверху, быстро прошел по коридору и толкнул дверь библиотеки. Все лампы горели. Рыцарские доспехи стояли по обе стороны сундука, книги дремали на полках, а черный котелок матово поблескивал в глубине камина. Джо подошел к парчовому ковру в углу комнаты и отодвинул его.

Внезапное беспокойство охватило его, и сердце стало биться чаще. Он глубоко вздохнул. Дверь была приоткрыта, и в ней торчал ключ с привязанной к нему карточкой.

Джо потянулся было к дверной ручке, но опустил руку и легонько толкнул дверь носком туфли.

Полоса слабого света. За сдвинутыми занавесками ложа горела свеча. Он сказал:

— Грейс, я пришел за вами. Игра окончена. Вас ждут в столовой.

Тишина.

Джо медленно подошел. Спазм внезапно сжал его горло. Он раздвинул занавески и поднял взгляд.

На пурпурно-золотистом покрывале лежала Грейс Мэплтон. В ее широко открытых глазах не было ужаса. Они смотрели спокойно, даже без удивления. А из белого платья, точно под левой грудью, торчало широкое

лезвие огромного обоюдоострого рыцарского меча, вонзенного так глубоко и с такой ужасающей силой, что оно, должно быть, прочно застряло в досках ложа и потому казалось, что это прекрасное тело покоилось, как огромная белая бабочка, пробитая гигантской шпилькой. Платье и ложе пропитались кровью.

Джо отвел взгляд от мертвой девушки и провел рукой по лицу.

— Спокойно, — прошептал он, — ради бога, только спокойно! Он тряхнул головой и осмотрелся. «Я не усну... Я буду ждать...»

Джо сделал глубокий вдох. Потом осторожно отступил и обошел ложе. Свеча была почти новая.

Потушенный огарок лежал на столике рядом с листком и карандашом. Джо склонился и прочел последнюю запись:

«Мисс Ормсби — 10.59».

А перед этим:

«Мистер Алекс — 9.05.»

«Мистер Кедж — 9.51...»

«Мистер Паркер — 10.35...»

Он взглянул на часы: 11.50. Через десять минут наступит полночь. Джо осторожно отступил, еще раз посмотрел на ложе и заглянул в неподвижные открытые глаза. Это было невероятно — этот страшный огромный меч, словно крест с короткой поперечной перекладной, стоящий на могиле... Он закрыл глаза. Мысли неслись, как бешеные. Нет, это просто невозможно... Невозможно? Но ведь случилось. Конечно, оставалось одно очень простое объяснение. Если...

Джо отступил и шагнул к выходу. Он приподнял занавес, стараясь не прикасаться к двери и вышел в ярко освещенную библиотеку. Но тут же остановился и быстро вернулся.

Джо снова обошел ложе, наклонился и задул свечу. Затем осторожно, ошупью вернулся к двери.

Когда он появился на пороге столовой, все сразу повернулись к нему. Миссис Уорделл сидела на диване. Укол явно вернул ей силы.

Не переступая порога, Джо отыскал глазами Паркера.

— Дамы и господа... произошел несчастный случай, — сказал он, стараясь говорить как можно спокойнее. — Можно тебя на секунду, Бен?

Паркер вскочил с кресла.

— Мы через пару минут вернемся, а до этого времени я очень прошу всех оставаться здесь. Пусть никто не покидает эту комнату ни под каким предлогом, — Алекс жестом извинения развел руками.

Паркер вышел первым, миновав его на пороге, а Джо тихо прикрыл за собой дверь и направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Что случилось?

— Грейс Мэплтон мертва.

— Как это произошло?

Сейчас они находились на лестничной площадке. Не отвечая, Джо спросил:

— Ты взял с собой оружие?

— Да, — Паркер кивнул головой, — сам не знаю зачем бросил пистолет в чемодан. Скажи, бога ради, что случилось?

— Она убита, и при этом таким способом, что никто из людей, которые находятся сейчас внизу, не мог ее убить. Убийца должен находиться в замке, но это не один из них. Поэтому я велел им оставаться в столовой. Вместе они в большей безопасности.

Паркер открыл дверь своей комнаты, приподнял крышку стоявшего у стены чемодана и пошарил ладонью под ровно уложенными сорочками. Он отыскал пистолет, проверил обойму и они вышли.

«Буду ждать...» Да, в этом одном можно не сомневаться. Она будет ждать, пока ее не вынесут, для того, чтобы доставить это прекрасное, холодное тело на вскрытие. Таковы правила, которых следует придерживаться, когда один человек гибнет от руки другого человека.

XIX

И все же ее кто-то убил...

Они остановились перед опущенным ковром, и Джо осторожно отодвинул его. Дверь по-прежнему была приоткрытой, а за ней простирался густой полумрак. Оставив Паркера за спиной, Алекс остановился на пороге и провел рукой по стене.

— Здесь должно быть электричество, — сказал он вполголоса, — раньше горела свеча, но я погасил ее. Потом скажу тебе, почему.

Он нащупал пальцами выключатель, и под потолком зажглась лампа молочного цвета, свисающая на трех позолоченных цепочках с крючка, ввинченного в стропило.

Комната была почти пустой. Перед ложем на толстых дубовых досках лежал слегка потертый старый персидский ковер. И это было все.

— Она там, — сказал Алекс, не повышая голоса.

Они подошли. Джо поднял руку и раздвинул тяжелую ткань занавески.

Паркер не шелохнулся. Джо поднял вторую руку и раздвинул занавеску настолько, насколько это было возможно. Взгляд Паркера скользнул по неподвижному, лежавшему навзничь телу, а затем поднялся вверх, вдоль лезвия меча и остановился на длинной рукояти, плотно оплетенной почерневшей серебряной проволокой.

— Даже во времена рыцаря де Вер им уже не пользовались, — сказал Алекс. — Его применяли только в пешем бою... Он требовал очень большой физической силы.

— Я знаю, — Паркер посмотрел на девушку. Затем взгляд его снова обратился к мечу. — Я думаю об этом...

— И я, — Алекс обошел ложе, приподнял покрывало и заглянул под него. Потом взял со столика спички и зажег свечу.

— Таким было здесь освещение, когда я сюда вошел. Меч лежал поперек в ногах, а она притворялась мертвой и лежала с закрытыми глазами... Бен, она точно так же лежала, когда ты ее увидел, войдя сюда?

— Да. Любой, кто бы ни вошел в комнату, мог без помех подойти к ложу, взять этот гигантский меч в обе руки, занести его над головой и ударить. Даже если бы Грейс открыла глаза и увидела его, то не успела бы шевельнуться. Так это должно было произойти...

— Вот именно, — сказал Джо. — Это должно было так произойти, но не могло... если только в замке не прячется человек, который убил ее. Потому что это не может быть никто из тех людей, которые находятся сейчас в столовой, и кто был с нами с того момента, когда из замка отправили прислугу и заперли ворота.

— И тем не менее, — Паркер покачал головой, — она мертва, не так ли?

— Да, — Джо протянул руку и коснулся пятна крови, которое широко расплзлось по платью в том месте, где торчал меч. — Кровь еще не свернулась.

Он глубоко вздохнул, секунду поколебавшись, взял мертвую руку, медленно согнул ее в локте и осторожно выпрямил, аккуратно возвращая в прежнее положение.

— Смерть еще не поселилась в этом теле. Впрочем, мы и так знаем, что еще час назад она была жива, — он повернулся и задул свечу. — Эту свечу тоже недавно зажгли. Он взял со столика листок с записями. — Сейчас пять минут по полуночи. Может, вернемся немного назад: в восемь вечера Фрэнк Тайлер сделал снимки у ворот, и все перешли в столовую. С этого момента, Бен, возникла удивительнейшая ситуация, а именно: каждый по очереди, но всегда только один и в полном одиночестве блуждал по замку, а все остальные находились в столовой и, насколько мне известно, никто оттуда не выходил. Впрочем, это и предполагал написанный заранее регламент конкурса. Аманда Джадд, Фрэнк Тайлер и доктор Харкрофт вообще не покидали столовую: первые двое не могли этого сделать, поскольку были организаторами и не принимали участия в конкурсе, а Харкрофт не успел, потому что с момента возвращения миссис Уорделл конкурс был прерван.

— Да, знаю, — Паркер кивнул головой. — Я размышляю об этом уже несколько минут.

— На этом листке отмечены четыре человека, которые сюда вошли: первым был я в 9.05, вторым — Кедж в 9.51, третьим был ты в 10.35, а четвертой — Дороти Ормсби в 10.59, остальные сюда не добрались. Я имею в виду Эддингтона, Кварендона и Редленда. Но их нельзя принимать в расчет как возможных убийц, поскольку другие участники конкурса, отправившиеся в путь после них, обнаружили девушку здесь еще живой, и сами после возвращения не покидали столовой ни на минуту. К счастью ты был в общей очередности шестым, Дороти — седьмой, а миссис Уорделл — восьмой. Харкрофт, как мы знаем, не успел отправиться на поиски, потому что был последним: как я уже упоминал, конкурс прервался, потому что миссис Уорделл обнаружила здесь убитую Грейс. Стало быть...

— Стало быть, — подхватил Паркер, глядя на меч, — поскольку я, будучи шестым, видел Грейс Мэплтон еще живой, а после меня в живых ее застала только Дороти Ормсби, остается лишь две возможности: либо ее убила Ормсби, а миссис Уорделл обнаружила ее мертвой, либо... ее убила миссис Уорделл!

— Но и то и другое невозможно, поскольку Дороти Ормсби наверняка просто не подняла бы этот чудовищный меч, но даже если бы это удалось, ей ни за что не нанести такой удар, ибо меч, пожалуй, длиннее ее роста, и она никаким образом не смогла бы ударить точно сверху вниз, учитывая к тому же, что Грейс лежала на ложе, а она стояла на полу. Кроме того, физически совершенно невозможно, чтобы такая маленькая женщина могла нанести такой сокрушительный удар. Ведь этот меч... — Джо снова глубоко вздохнул, — он воткнут в ложе прямо перпендикулярно, а учитывая его вес, можно с уверенностью утверждать, что его острие — и мы в этом убедимся, когда унесут тело — глубоко вонзилось в доски ложа. Иначе он бы наклонился. Ни человеческое тело, ни постель не могут создать такое сопротивление, которое удержало бы его в том положении, в каком он сейчас находится.

— А поскольку все, кроме Дороти Ормсби, имеют совершенное и несомненное алиби, выходит, что Грейс Мэплтон...

— Должен был убить некто, кого не было с нами в столовой! — закончил Алекс. — Мы сейчас знаем только, что Грейс Мэплтон была еще жива в 10.59, потому что имеем тому свидетельство, запечатленное ее собственной рукой. Мы знаем также, что она была уже мертва в 11.20—11.25, потому что примерно в это время миссис Уорделл вернулась в столовую. При этом, путь вниз по лестнице и переход через библиотеку должен был тоже отнять некоторое время, а она вряд ли шла быстро, поскольку едва держалась на ногах. Стало быть, надо отнять еще несколько минут. Это

означает, что Грейс была убита между 11.05 и 11.20, потому что Дороти тоже потребовалось некоторое время на возвращение и, возможно, она еще обменялась с Грейс несколькими словами после того, как та зафиксировала ее время...

— Псы! — воскликнул Паркер.

— Что?

— Псы Кварендона! Они ведь в будке во внутреннем двореке. Могут пригодиться. Надо обыскать весь замок. Ведь этот человек где-то здесь, если не сбежал. Потому что здесь уже все кажется возможным, даже во время такой грозы и прилива.

Как будто в ответ на эти слова, послышался далекий гром за узкой оконной щелью.

— Буря то возвращается, то уходит. — Джо подошел к окну и попытался выглянуть. Свет лампы падал на мощную черную решетку и отражался в стекле, о которое разбивались капли дождя. — Этим путем он точно не сбежал.

— Я должен вернуться сюда вместе с доктором, — Паркер нахмурил брови, — потому что не имею права признать ее мертвой в том случае, если на месте находится врач. И позвоню в полицию графства Девон, а потом в Скотланд-Ярд. Это недолго. Но сначала обыщем замок. Этот убийца может оказаться безумцем. Так или иначе, нас ждет тяжелая ночь, Джо. Превосходный уикенд! А ведь я был уверен, что отдохну здесь, как никогда! Ну разве это не поразительная ночь для проведения расследования, в ходе которого я буду благодарить Бога за то, что мисс Дороти Ормсби, желая того или нет, вынуждена будет подтвердить мое алиби, а кроме того, я лично должен буду подтвердить алиби как ее, так и всех остальных, не оставляя себе ни одного из присутствующих, на кого могла бы упасть хоть слабая тень подозрения.

— Будь оптимистом, — сказал Алекс, пытаясь улыбнуться, что, однако, не получилось, потому что спазм в горле не проходил. — Там, где есть убитый, должен быть и убийца. Только призраки расплываются и исчезают — люди остаются.

— Вот именно! Мы совсем забыли о ней.

— О ком?

— О леди Еве де Вер. Кто-то сегодня сказал, что она вполне может отомстить за то, что ее трагическая смерть послужила нам поводом для глупой забавы. — Паркер тоже попытался улыбнуться, но и у него не вышло.

Внезапно из-за двери, выходящей в коридор, донесся отчаянный женский крик и печальное тихое рыдание.

— Надо сказать ему, чтобы выключил это идиотское устройство, — проворчал Алекс. Они вышли.

XX

«Это великолепно!»

Когда они вошли в столовую, все взгляды обратились к ним, и только миссис Уорделл, лежащая на диване с вечерним сюртуком Бенджамина Паркера под головой, не шелохнулась. Она лежала неподвижно, глядя в какую-то неуловимую точку на стене, а на устах ее застыла кроткая улыбка.

Паркер покашлял.

— Прошу извинить наше долгое отсутствие, но дело в том, что произошел ужасный несчастный случай. Мисс Мэплтон... к сожалению, скончалась.

Сидящий за столиком у стены мистер Кварендон вскочил на ноги и схватился рукой за сердце. Гарольд Эддингтон, который делил с ним столик, тоже поднялся и положил руку на плечо издателя.

— Спокойно, Мелвин, — сказал он вполголоса.

Аманда Джадд вскинула руки и резко их опустила, а Фрэнк Тейлор обнял ее. Она спрятала лицо на его груди.

Дороти Ормсби замерла с карандашом над открытой записной книжкой.

Джордан Кедж сморщил брови. Джо, стоящий на пороге, почти за спиной Паркера, заметил, что лицо его побелело, как у покойника. Кедж шагнул вперед и остановился.

Доктор Харкрофт отодвинул недопитый бокал виски и подошел к Паркеру.

— Вы в этом уверены? — спросил он — Потому что, если...

— Разумеется, — Паркер кивнул головой. — Я как раз хотел попросить вас, чтобы... — Он повернул голову и указал глазами на дверь.

Харкрофт кивнул и взял свой черный саквояж, стоящий рядом с диваном, на котором лежала миссис Уорделл. Он склонился над старой дамой.

— С вами все в порядке? — мягко спросил он.

Она взглянула на него. Улыбка по-прежнему блуждала на ее устах.

— Я устала, — сказала она тихо. — Могу ли я прилечь в своей комнате?

Харкрофт выпрямился и вопросительно посмотрел на Паркера, который снова покашлял. Бен смутился:

— К сожалению... Есть определенные обстоятельства... Если это возможно, я предпочел бы, чтобы вы остались здесь еще некоторое время. А позже, разумеется, не вижу никаких препятствий...

Лорд Фредерик Редленд, который до сих пор неподвижно стоял у окна, подошел к стоящим в дверях мужчинам и остановился напротив комиссара.

— Она убита? — спросил он спокойно, но в его глазах вспыхнул странный, горячий блеск. Джо Алекс, сам не понимая отчего это пришло ему в голову, подумал, что именно так мог бы смотреть маленький мальчик на давно желанную игрушку, лежащую за толстым стеклом магазинной витрины.

Паркер кашлянул в третий раз:

— Вскоре все прояснится. Если позволите я на минутку отлучусь с доктором.

Аманда Джадд отпрянула от своего мужа и спросила:

— Если можно, я хотела бы пойти за подушкой и одеялом для миссис Уорделл. Не может же она так здесь лежать.

— Конечно! — Паркер движением руки указал на дверь. — Я пойду с вами.

Они вышли. Мистер Кварендон подошел к Алексу.

— Это правда? — спросил он дрожащим от волнения голосом. — Правда ли, что она?..

Джо едва заметно кивнул. Кварендон открыл рот, но не произнес больше ни слова.

— Господи, — вполголоса сказал Фрэнк Тайлер. — Кто?..

— Она. Ева, — голос миссис Уорделл был тихим, но четким. — Иначе и быть не могло.

В этих словах было столько спокойной, исключаяющей любое возражение уверенности, что у Алекса по спине пробежали мурашки. Он тряхнул головой, словно пытаясь пробудиться ото сна.

Кедж медленно сел, потом снова встал и сунул дрожащие руки в карманы.

Дверь отворилась, вошла Аманда, а за ней Паркер, несущий подушку и одеяло. Они подошли к дивану. Фрэнк Тайлер приподнял голову старушки и вынул из-под нее черный сюртук Паркера, а Паркер положил на это место подушку. Аманда укрыла миссис Уорделл одеялом.

— Спасибо, дитя мое. Теперь мне действительно очень удобно. Благодарю вас, господин комиссар, — старая дама повернула голову к Паркеру, который быстро надел сюртук и разгладил помятые места несколькими движениями ладоней. Отходя, он поклонился ей. Алекс посмотрел на нее и снова ощутил легкую дрожь. Эта постоянная улыбка, кроткая спокойная улыбка. А ведь именно она обнаружила тело Грейс Мэплтон. Она стояла там, у изголовья ложа, при слабом мерцании огонька свечи смотрела на этот меч и...

— Пойдемте, доктор, — сказал Паркер вполголоса и направился к двери, а Харкрофт двинулся за ним. Они вышли.

Джо медленно подошел к столику, за которым сидела Дороти.

— Позвольте?

— О, разумеется. — Она закрыла записную книжку и повернула ее корешком обложки вверх. — Бедняга, — тихонько сказала она, вы выглядите так, словно увидели привидение. Принести вам немного виски?

— Ну что вы! — сказал Джо и хотел было встать, однако, Дороти уже была на середине зала и тут же вернулась.

Все молчали.

— Может... Может кто-нибудь желает кофе? — спросила Аманда, стараясь говорить спокойно. Час уже поздний, и он был бы кстати.

Несколько человек приняли предложение Аманды.

Дороти наклонилась и прошептала:

— Ее действительно убили?

Алекс секунду поколебался, потом едва заметно кивнул.

— Невероятно! — она схватила свою записную книжку, но тут же положила ее обратно. — Невозможно поверить.

— Вот именно, — Джо заговорил еще тише. — И кстати говоря, вы последняя, кто видел ее живой.

— Это великолепно! — Дороти приглушила свой возглас, прикрыв рот маленькой ладошкой. — Я столько раз читала это предложение в ваших книгах, а теперь услышала его, и вдобавок оно относится ко мне!

Ее глаза заблестели.

— К сожалению, — Джо развел руками, — вы вне подозрений. — Он наклонился к ней. — Могу сообщить лишь одно: если бы вас можно было заподозрить, мой друг комиссар Паркер провел бы сегодня ночь значительно спокойнее.

Дороти приблизила губы к его уху, почти ложась на столик:

— А кто подозреваемый?

— Вот то, что надо! — Джо встал навстречу Аманде, подошедшей с подносом, на котором дымилась чашка с кофе. — Спасибо, Аманда. Рад, что ты держишься мужественно.

Аманда улыбнулась бледной, почти плаксивой улыбкой. Смерть помощницы, вероятно, потрясла ее больше, чем она хотела это показать.

Джо вернулся к столику.

— Вы спрашивали, кто подозреваемый, Дороти. Честно говоря, — никто. И все было бы «великолепно», употребляя ваше определение, если бы не тот факт, что менее часа назад кто-то отправил ее в вечное странствие одним ударом меча.

XXI

«Никто в одиночку не сможет опустить эту решетку...»

Паркер задержался на пороге, а доктор Харкрофт медленно двинулся к столу с напитками, не глядя ни на кого из присутствующих.

Джо поднялся и подошел к комиссару, который стоял, машинально потирая руки и, по-видимому, искал подходящие слова, чтобы обратиться к собравшимся.

— Дамы и господа, поверьте, мне крайне неприятно, но я должен попросить всех вас еще некоторое время оставаться здесь... Мы постараемся как можно скорее завершить все... необходимые действия, а потом я даже буду настаивать, чтобы все отправились в свои комнаты... Однако, сейчас... — Паркер секунду колебался и продолжил: — Я хочу чтобы дверь этого зала была заперта на ключ изнутри, и чтоб вы открыли ее лишь на наш стук после возвращения... Я также хотел бы попросить, чтобы мистер Тайлер и мистер Кварендон отправились с нами... Речь идет о ваших собаках, — быстро добавил он, увидев, что Мелвин Кварендон побледнел. — Чем скорее мы уладим все необходимые дела, тем быстрее вернемся. Прошу вас, не забудьте о ключе — я вижу, он торчит в замке.

Он вышел в коридор вместе с Алексом. Несколько секунд они ждали, пока к ним присоединятся Кварендон и Тайлер. Послышался щелчок повернутого в замке ключа.

Паркер молча кивнул и начал удаляться от двери столового зала. Когда они находились у лестницы, он негромко сказал:

— Я буду краток. Грейс Мэплтон убита и это произошло при таких обстоятельствах, которые исключают участие в этом преступлении кого-либо из присутствующих здесь. Это, разумеется, наводит на мысль о преступнике извне. Уверены ли вы, мистер Тайлер, что все окна замка забраны решетками?

— Абсолютно! Но...

Паркер остановил его, подняв руку.

— Сейчас, вероятно, никто не ответит ни на один ваш вопрос, касающийся этого преступления. Мы лишь знаем, что если убийца скрывается где-то в замке, что является единственным логичным объяснением, мы должны его найти. Нам неизвестно кто это и почему он убил. Быть может, это просто безумец. Поэтому я распорядился запереть столовый зал на ключ изнутри, — он глянул на Кварендона. — Мы вспомнили о ваших собаках. Как вы думаете — они могут помочь в наших поисках? Дрессированы ли они соответствующим образом?

— Если где-нибудь в этом замке скрывается какой-то человек, — сказал Кварендон голосом, который, по его мнению, должен был звучать уверенно и решительно, но на деле слегка дрожал, — мои псы непременно отыщут его, и он от них не уйдет!

— Превосходно! Можете ли вы их привести, а вы, мистер Тайлер, обеспечьте нас, пожалуйста, фонариками? Наверняка они у вас тут есть.

— Да, и даже много. Почти все пользуются ими, возвращаясь по дамбе в замок, когда темно.

— А есть ли запасной комплект ключей ко всем комнатам замка? — спросил Алекс. — Мы должны осмотреть все помещения, и я не думаю, что имеет смысл стучать в столовую и выводить по очереди всех, кто, уходя запер дверь своей комнаты на ключ.

— Да, — кивнул Тайлер. — Они должны быть на кухне или в одном из помещений прислуги. Замки во всех дверях вполне современные, как вы, вероятно, заметили. Их установили, когда здесь планировался отель. — Он

тоже старался говорить спокойно, но время от времени его взгляд обращался вверх, на лестницу.

— Возьмем собак прямо сейчас? — спросил Кварендон.

Паркер кивнул.

Тайлер повернул в сторону столовой и открыл небольшую дверь в стене. Вглубь тянулся узкий, неосвещенный коридорчик. Фрэнк нащупал выключатель и зажегся свет. Впереди виднелся пол большой кухни, мощеный красной плиткой. Они двинулись дальше. Тайлер указал Кварендону на следующую, остекленную дверь, покрытую с той стороны густо стекающими струями дождя.

— Это выход во внутренний двор... Впрочем, вы сами знаете, — ведь этим путем вы и провели их туда.

Издатель приоткрыл дверь и тихонько свистнул. Внутренний двор освещался светом, падающим из окон, вода струилась по мощным серым плитам и шумела в узком, выдолбленном в камне желобе. Две тени пересекли двор и остановились у дверей.

— Хорошие собачки... — мистер Кварендон отодвинулся и погладил мокрые головы собак, втиснувшихся в коридор. Псы подняли головы, настороженно разглядывая незнакомых мужчин. — Умные собачки! — добавил чуть жестче мистер Кварендон. — Псы тут же присели. — Пошли! — толстый издатель склонился к собакам, — Ищи, Тристан! Ищи, Изольда!

Собаки проскользнули мимо Паркера на кухню. Помещение было большое, похожее на все гостиничные кухни мира. Псы обошли его, принюхиваясь. Потом присели у двери, не сводя глаз с мистера Кварендона.

Тайлер выдвинул один из ящиков белого шкафа, стоящего в углу. Он вынул фонарик, проверил, работает ли он, положил его на стол, затем отыскал еще три.

— Вы, кажется, просили запасные ключи? — Тайлер осмотрелся и выдвинул еще один ящик. — Кажется, они здесь.

Он заглянул в ящик и вынул оттуда связку ключей на небольшом медном кольце.

— Да, вот они...

Тайлер протянул ключи Алексу и обратился к Паркеру:

— За этой белой дверью в углу находятся две маленькие комнатки для девушек, работающих на кухне.

Фрэнк открыл дверь. Они вошли вместе с собаками. Комнатки были пустыми — в последнее время здесь явно никто не жил. Девушки, обслуживающие гостей, по-видимому, возвращались на ночь в деревню.

Они вышли.

Коридор, лестница, комнаты для гостей на втором этаже. Алекс открыл очередную дверь — во всех замках торчали ключи — никто не запер свою комнату. Платья... мужские костюмы в шкафах... туалетные приборы в ванных комнатах...

Паркер осматривал комнаты. Фрэнк Тайлер ждал его в коридоре, а мистер Кварендон внимательно следил за собаками, которые спокойно кружили по помещениям, время от времени поворачивая головы в сторону хозяина.

— Это комната Аманды, — сказал Фрэнк, остановившись перед очередной дверью. — Представляю себе, что там творится. До вашего приезда нас в замке было только трое, и мы имели в своем распоряжении библиотеку для работы и неограниченное количество свободных комнат. Перед вашим приездом мы все постаскивали к себе, — он открыл дверь.

В комнате было чисто, но стол и пол под стенами были завалены грудами книг и рукописей.

Джо подошел к окну, тщательно осветил фонариком решетку, как делал это во всех помещениях, и заглянул через приоткрытую дверь в ванную комнату, хотя до него это уже сделал один из псов.

Они вышли в коридор. Тайлер открыл следующую дверь. Стол, рулоны бумаги, подрамник...

— Это моя комната, — Фрэнк осмотрелся.

Псы обнюхали бумагу, обошли кровать, а когда мистер Кварендон с извиняющейся улыбкой приоткрыл дверь ванной, вошли туда и тотчас вышли.

Алекс проверил решетки в окнах и обернулся. Паркер, который только что заглянул под кровать, выпрямился и проследил за взглядом Алекса.

Над кроватью Фрэнка Тайлера на стене была растянута большая зеленая выцветшая тряпка, расшитая серебряной, местами разорванной нитью — узор напоминал растение. А поверх этой тряпки наискосок, занимая всю диагональ, висел прикрепленный к двум крюкам огромный меч.

Джо подошел ближе. Прямо над тряпкой, в углу другой диагонали, он обнаружил пустой крюк, с которого свисал кусок крепкого провода. Алекс обернулся.

— Был ли здесь второй, похожий меч, мистер Тайлер?

— Что? — Фрэнк глянул и кивнул. — Да, их два, и они почти идентичны. Они были здесь еще до нашего приезда. Но тот, второй... — он умолк и расширившимися от ужаса глазами посмотрел на Алекса. — Этот второй... Он послужил мне для... Господь Всемогущий... Неужели? Неужели?

Алекс кивнул головой, не отрывая взгляда от меча:

— Этот меч должен был имитировать оружие, которым рыцарь де Вер убил свою неверную жену, не так ли? А Грейс Мэплтон, расставшись с нами внизу, быстро вбежала в свою комнату, где ее ожидало другое, подготовленное вами платье, и переделалась. Она успела мне сказать это, когда я ее нашел. Пятна крови были поразительно похожи на настоящие. Однако, пойдете дальше. Если вы позволите, я найду сюда позже. Мне хотелось бы взять в руки этот меч, что остался у вас.

— Значит ли это, что она? — спросил Тайлер и умолк.

— Пойдемте, — Паркер двинулся к двери.

Они обошли все комнаты и остановились перед дверью библиотеки.

Паркер попросил мистера Кварендона и Тайлера, чтобы они вместе с собаками остались в коридоре. Затем вдвоем с Джо Алексом они еще раз осмотрели все углы библиотеки. А Джо даже вошел в камин и осветил фонариком вверх, после чего тщательно осмотрел рыцарские латы.

— Придется войти туда еще раз, — вздохнул Паркер.

А чуть позже он осторожно, через развернутый платок, запер на ключ комнату, где оставалась Грейс Мэплтон, отнес ключ в свою комнату, спрятал в ящик стола и запер комнату на ключ. Потом Паркер снова вернулся в коридор.

— Что еще осталось? — спросил он. — Этот замок на самом деле совсем маленький, хотя издали кажется огромным. Мы все уже осмотрели?

— Осталась башня, — сказал Джо. — Пойдемте.

Они снова вошли в библиотеку и остановились перед узкой дверцей. Джо отворил ее и шагнул на крутую лестницу, ведущую вверх.

— Здесь, — Тайлер указал на стену, и только сейчас впервые Джо обнаружил дверь, мимо которой он прошел вчера несколько раз, не заметив. Дверь была выкрашена под цвет стены и почти полностью сливалась с ней. В ней не было замка, а лишь висячее железное кольцо, которое Тайлер потянул на себя. Дверь открылась. За ней было совершенно темно. Джо включил фонарик и переступил порог.

— Тут, вероятно, хранились запасы продовольствия, — тихо сказал Фрэнк. — В замке нет подвалов. По-видимому, вода заливала бы их. Здесь можно было хранить все необходимое, чтобы выдержать длительную осаду.

Свет фонариков еле достигал строп потолка высоко вверх.

— Ясно, — прошептал Алекс, — это, собственно, и есть внутренность башни.

Псы вбежали в полумрак. Мистер Кварендон осветил фонариком, и его свет выхватывал узкие, длинные, рыскающие то там, то тут тени. Наконец, собаки вернулись.

— Пошли, — Алекс двинулся вверх. Когда они добрались до люка, где кончалась лестница, Джо остановился и осветил фонариком под ноги. Ступени совершенно сухие. Он осветил вверх. Засов плотно задвинут. Из-за люка доносился громкий, неустанный стук дождевых капель.

— Никто не открывал люк сегодня вечером, — сказал Джо. — Эти ступени не могли бы так абсолютно высохнуть. На них нет ни следа влаги.

Они повернулись, пошли вниз и, минуя дверь в библиотеку, оказались в прихожей. Собаки уже ждали их здесь.

— И это, пожалуй, все, — сказал Паркер и взглянул на ворота.

— Вот именно.

Джо стоял посреди прихожей, медленно скользя лучом фонарика по мощной решетке.

— Ну допустим, что кто-то... сам знаешь кто... имел здесь укрытого сообщника, а потом сбежал вместе с ним сюда, к воротам, затем они вместе приподняли решетку настолько, чтобы можно было открыть калитку, убийца вошел, а тот, кто остался, опустил решетку обратно... Это все совершенно неправдоподобно, Бен. Но то, что у нас осталось, еще более неправдоподобно.

Он обратился к Фрэнку Тайлеру:

— Вы никогда не пробовали поднять или опустить решетку без чьей-либо помощи?

Фрэнк покачал головой.

— Это совершенно невозможно. Ее должны поднимать одновременно два человека, стоя у двух лебедек. Иначе она даже не дрогнет. Впрочем, когда замок пустует, здесь обычно живет только сторож с женой. Оба из деревни. Но им достаточно засова на калитке. Никто извне, вор или бродяга, не мог бы сюда проскользнуть.

— А вниз она не падает?

— Нет, и никто в одиночку не сможет опустить эту решетку, будь он даже Геркулесом. Это очень хитроумная конструкция.

Джо посмотрел на Паркера. Их взгляды встретились.

Правда была проста: никто не мог убить Грейс Мэплтон.

XXII

«В моей кровати спит скелет...»

Доктор Харкрофт и Аманда Джадд помогли миссис Уорделл дойти до ее комнаты. На пороге Аманда обернулась.

— Если вы не имеете ничего против, доктор, я посижу с ней, пока она не уснет.

— Конечно, — Харкрофт кивнул. — Если вы заметите какие-нибудь тревожные симптомы, постучитесь ко мне. Вряд ли я сегодня легко усну.

— Я тоже, — Аманда улыбнулась бледной улыбкой и тихо вошла в комнату миссис Уорделл, закрыв за собой дверь.

В ту же минуту доктор Харкрофт увидел Джо Алекса и Дороти Ормсби, показавшихся у лестницы.

— Как себя чувствует миссис Уорделл? — негромко спросил Джо.

— Думаю, лучше, — врач кивнул головой, — но она пережила серьезное потрясение. Судя по тому, что я видел там... — он умолк, заметив, что Дороти задержалась у двери своей комнаты.

— Мистер Паркер разговаривает сейчас по телефону и как только закончит, мы будем дежурить здесь до приезда полиции, — Алекс взглянул на часы. — Через три часа начнет светать и, пожалуй, полицейские смогут добраться до замка. Гроза и прилив не будут продолжаться вечно. Впрочем, еще до их приезда мы, очевидно, обменяемся парой слов со всеми присутствующими. Это простая формальность, но она избавит от необходимости вскакивать с постели, когда появится полиция. Таким образом, мы сможем отодвинуть полицейские опросы на более позднее время.

— Конечно, понимаю, — Харкрофт кивнул. — Хотя сомневаюсь, что кто-нибудь из нас скоро уснет. Мисс Джадд хочет посидеть с миссис Уорделл, а я тогда попытаюсь немного подремать, если мне это удастся...

Он слегка поклонился Дороти и дружески кивнул Алексу, после чего двинулся, бесшумно шагая по толстому ковру, и исчез за углом.

— Дозвонился, — показался на лестнице Паркер. — Они будут здесь на рассвете, а может и раньше, но суперинтендант, с которым я разговаривал, знает Волчий Зуб и сказал, что они подъедут к дамбе и, если не удастся сразу пройти к нам, будут ждать там отлива.

Алекс кивнул и посмотрел на Дороти, которая слушала комиссара, сжимая в руках свою записную книжку.

— Попытайтесь сейчас уснуть и прошу помнить, что я нахожусь за стенкой. Здесь очень массивная кладка, но если что, стучите — я услышу. Мы с Беном не будем спать до приезда полицейских, однако, думаю, сегодня здесь уже больше ничего не случится.

— Если нас тут не будет, — добавил Паркер, — значит мы в библиотеке. Все ли уже разошлись по своим комнатам?

— Кажется, да, — ответил Джо. — Во всяком случае, поднялись наверх. Аманда сейчас у миссис Уорделл и сказала, что пробудет там некоторое время. Остальных я просил, чтобы каждый был в своей комнате и, думаю, они меня послушались.

Паркер кивнул.

— Хорошо. Я пойду переоденусь и через пару минут загляну к тебе. Оставь дверь приоткрытой.

Он улыбнулся Дороти Ормсби и открыл дверь своей комнаты.

— Вы случайно не потеряли ключ? — шепотом спросил Джо. Дороти отрицательно покачала головой.

— Я так смутилась тогда, что оставила дверь открытой.

Джо улыбнулся и вошел к себе. Он открыл шкаф, вынул фланелевую сорочку и свитер. Тихонько скрипнула входная дверь.

— Ты уже переоделся, Бен? — негромко спросил Джо. — Входи.

Никто не ответил, и никто не вошел. Джо бросил сорочку и свитер на кресло и резко обернулся.

Дороти Ормсби была смертельно бледна. Она открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Пошатываясь, она двинулась вперед и, пытаясь взять себя в руки, прошептала дрожащими губами:

— Там...

— Что там?

Джо выплянул. Коридор был пуст. Он быстро закрыл дверь.

— Что случилось? — спросил он громче.

Дороти опустилась в кресло, ненароком столкнув сорочку и свитер на пол. Она даже не заметила этого. Она закрыла глаза и тут же снова их открыла.

— Я... там... там...

Она будто лишилась дара речи.

В ту же минуту раздался тихий стук. Дороти Ормсби закрыла рот обеими руками, подавляя отчаянный крик.

Паркер тихонько открыл дверь.

— Ты еще не...

Он умолк и уставился на Алекса.

— Что там случилось, Дороти? — спросил Джо. Он подошел к ней и мягко взял за плечи. — Возьмите себя в руки.

Дороти подняла глаза, в которых все еще таился страх. Потом глубоко вдохнула.

— У меня в комнате... — она замолкла, но вдруг собрав все силы, произнесла почти нормальным голосом: — В моей кровати спит скелет.

Джо обменялся быстрым взглядом с Паркером поверх головы Дороти.

— Хорошо, — сказал он мягко. — Я пойду и проверю, а комиссар Паркер останется тут с вами. Он шагнул к двери и вышел в коридор.

Дверь комнаты Дороти была открыта. Джо вошел, тихо закрыв ее за собой.

Кровать стояла у стены, разделявшей их комнаты.

Джо замер и смотрел, не в состоянии оторвать взгляд от пустых глазниц черепа, который, казалось, был частью тела, лежащего на кровати и прикрытого одеялом, а поверх этого одеяла покоились сложенные на груди костлявые руки.

Джо шагнул вперед и помедлил, будто ожидая, что скелет повернет к нему голову. Еще один шаг — и он остановился у кровати.

Все 32 зуба черепа находились на своих местах, причем все — ровные и белые. Алекс медленно протянул руку и поднял одеяло.

У скелета не было костей таза и ног. Джо склонился, перевел дыхание и прикоснулся к костяным пальцам. Они не рассыпались. Только теперь он заметил, что ребра и позвоночник были одинаково серого цвета и совершенно гладкие.

Джо наклонился еще ниже и сунул ладонь между ребрами. Он нащупал узкий стальной прут, соединяющий позвоночник с черепом, и облегченно вздохнул. Затем вынул из кармана безукоризненно чистый белый платок и отер со своего лба маленькие капельки пота.

Джо вышел из комнаты, закрыв дверь, но, не погасив свет.

Женщина по-прежнему сидела в кресле, стиснув руками подлокотники. Обеспокоенный Паркер стоял рядом.

Дороти подняла голову, и страх снова появился в ее глазах.

— Я сошла с ума? — спросила она тихо.

Джо отрицательно покачал головой.

— Нет, — улыбнулся он. — Но у меня тоже в первую секунду волосы встали дыбом.

— Как? — прошептала Дороти побелевшими губами. — Значит, он там все-таки лежит?

— Да, но это не настоящий скелет.

— Не настоящий?..

— Это анатомический муляж из пластмассы. Притом лишь половина — под одеялом ничего нет.

— Значит... это была... это была шутка? — Дороти выпрямилась в кресле. Внезапный румянец выступил на ее побледневших щеках. — Шутка... — она сжала губы.

— А вы не догадываетесь, кто этот шутник? — серьезно спросил Паркер. — Независимо от того, как мы оцениваем такого рода шутки, сегодняшний вечер не совсем обычный, как вы знаете.

— Догадываюсь ли я? — Дороти Ормсби посмотрела на обоих мужчин по очереди. — Думаю, что да. Но... но я была уверена, что этот человек не способен на такие шутки... Если бы, например, у меня было большое сердце, я могла бы и... Впрочем, это неважно, — она снова сжала губы. Потом взглянула на Алекса. — Вы не могли бы кое-что сделать для меня, Джо? Я знаю, что сейчас не время заниматься глупостями, потому что здесь совершено преступление, но...

— Слушаю, — сказал Джо спокойно, не отрывая от нее взгляда.

— Не могли бы вы взять... — она бегло осмотрелась, — вон то покрывало, завернуть эту гадость и вынести из моей комнаты? Я должна это сделать сама, но мне не хочется еще раз увидеть... — она опустила глаза. — Я испугалась... Возможно, это из-за преступления и легенды о том призраке... Я не верю в привидения, но сегодня все как-то по-другому...

— Это верно, — сказал Паркер. — Остайся с Дороти, Джо, а я всем займусь. Хотелось бы взглянуть на этот скелет.

Он снял с кровати покрывало и вышел.

Алекс склонился, опершись руками о спинку кресла.

— Кто это сделал, Дороти?

Она молча покачала головой.

— Это странное преступление, — сказал Джо. — Я не понимаю его. Здесь каждая деталь может быть важной.

Дороти Ормсби подняла голову и посмотрела ему в глаза.

— Я не хотела говорить об этом в присутствии вашего друга, хоть он, вероятно, прекрасный человек... Я могу вам довериться, Джо?

— Можете. И при случае давайте выясним одну вещь. Утром я подумал, что вы чего-то боитесь. Поэтому вы заперли дверь на ключ. Вы были испуганы. Речь идет о том же самом человеке?

Дороти кивнула.

— В тот день, когда мы расставались, он сказал, что, быть может, когда-нибудь он задержит меня навсегда... в качестве экспоната своего музея.

— Музея преступлений?

Дороти слегка пожалала плечами.

— Вы уже догадались, правда? Он хотел, чтобы я стала его женой. А я не хочу быть женой ни его, ни чьей бы то ни было... Меня к нему потянуло, потому что он такой... такой необычный... Однажды он пригласил меня в числе нескольких других гостей на прием. Ну, вы знаете, он иногда устраивает такие приемы для разных людей, у которых сходные интересы.

Джо молча кивнул.

— А потом это продолжалось некоторое время... и закончилось... Я почему-то его боюсь. Не знаю, шутил ли он, говоря о том, что хотел бы оставить меня в своей коллекции, но я не ожидала от него такой скверной шутки... Если это его месть... Я думала, что он — джентльмен!

Алекс с удивлением заметил, что в глазах Дороти показались слезы.

Вошел Паркер.

— Все в порядке, — сказал он. — Если вы боитесь там спать, можем обменяться комнатами. У нас у всех так мало вещей, что это займет три минуты.

— Спасибо, — улыбнулась она Паркеру и отвернула лицо, чтобы скрыть слезы. — Я позволила застигнуть себя врасплох, что со мной редко случается, но это уже прошло.

Она встала с кресла.

— Еще минутку, — сказал Джо. — Раз уж вы здесь, я хотел бы задать вам два маленьких вопроса.

— Да?

— Помните ли вы ту минуту, когда вошли к Грейс Мэплтон?

— Что? Ах да, конечно... Я вынула тот ключ из камина и открыла дверь. Горела лишь маленькая свеча, прикрытая занавеской ложа, на котором лежала Грейс. Руки у нее были сложены, на платье кровь, а в ногах поперек лежал огромный меч... Я пережила неприятную минуту из-за этого меча и кровавых пятен на платье, но она открыла глаза и спросила, не испугалась ли я... Потом она посмотрела на часы, записала время, а я спросила, не скучает ли она тут... Она ответила, что немного, и спросила, сколько человек еще осталось. Я сказала, что два, а она шепнула «слава богу» и зевнула. Я улыбнулась ей и вышла.

— А теперь я попрошу вас быть очень внимательной, Дороти. — Алек поднял указательный палец и направил ей в грудь. — Вы абсолютно уверены, что в спешке не забыли положить ключ обратно в котелок камина?

— Абсолютно, — решительно ответила Дороти Ормсби. — А уверена я потому, что, желая как можно быстрее сбежать вниз, я бросила ключ в котелок сверху... но промахнулась и должна была присесть, чтобы его найти. А потом я уже сунула руку в котелок, опустив туда ключ вместе с карточкой, которая была к нему привязана.

— Спасибо, — Джо улыбнулся ей. — Не будем вас больше мучить. Я пойду с вами, еще раз загляну в шкаф, в ванную и под вашу кровать, а потом попрошу, чтобы вы заперлись на ключ и ни под каким предлогом не открывали никому, за исключением мистера Паркера и меня, разумеется.

— Я бы заперла эту дверь, даже если бы вы меня об этом не просили, — сказала Дороти. Она все еще была бледна, но уже полностью владела собой.

Они направились к двери.

XXIII

Аккуратная и педантичная

Джо сунул ноги в легкие кроссовки и завязал шнурки. Потом встал. В свитере, фланелевой сорочке и джинсах он чувствовал себя намного лучше.

— Где ты спрятал этот скелет?

— Бросил его в шкаф.

Паркер сидел на краешке кровати Алекса и мрачно смотрел на друга. Потом, понизив голос почти до шепота, спросил, указывая глазами на стенку:

— Ты думаешь, эта идиотская шутка может иметь какое-то значение?

— Для нее явно имеет, — шепнул Джо. — Но сомневаюсь, что это как-то связано со смертью Грейс Мэплтон. Хотя, кто его знает? Там, где не знаешь решения, все возможно.

— Напротив, — пробормотал Паркер. — Ничего невозможно. Пока что мы располагаем двумя неоспоримыми фактами. Первый: *никто посторонний не проник в замок*. Второй является дополнением первого: *никто из присутствующих в замке не мог убить Грейс Мэплтон*. Ты со мной согласен?

— Если это преступление не совершил дух Евы де Вер, как было предсказано, — я с тобой не согласен. Потому что Грейс мертва, и к двум твоим неоспоримым фактам мы должны добавить еще и третий: *она не совершила самоубийство*.

Паркер вздохнул.

— Да, полагаю, ей было бы трудно лечь на спину и вонзить себе в сердце меч такой длины.

— Но эти три неоспоримых факта... — Джо потянулся за табаком и трубкой, лежащими на столе, — противоречат друг другу. Не говоря уже о том, что я не верю в привидения.

— Я тоже, — Паркер снова пожал плечами. — Но примерно через три часа замок станет доступным, забрезжит рассвет, и я окажусь лицом к лицу со своими дорогими коллегами из полиции графства Девон. Я сам их вызвал. И что я скажу? Что я был здесь все время и горю желанием обеспечить стопроцентное алиби всем, кого они могли бы заподозрить? Это значит, я должен сказать, что они, конечно, могут отвезти в морг тело убитой, но я исключаю существование убийцы, это я-то — заместитель шефа криминальных расследований столичной полиции!

Алекс невольно улыбнулся.

— Действительно, твои коллеги из графства Девон будут несколько озадачены. Но сидя тут и размышляя над их реакцией на твои слова, мы немного чего достигнем. Надо поговорить со всеми, кто здесь находится. Быть может, кто-то что-нибудь заметил, но не отдает себе отчета в том, что это имеет значение? Может, кто-то знает то, чего мы не знаем? Может...

Паркер поднял руку и медленно опустил ее, будто желая остановить поток слов, которые сейчас прозвучат.

— Джо, если мы допустим (а я уверен — тут мы правы), что ни Дороти Ормсби, ни миссис Уорделл не могли убить Грейс Мэплтон, а я сам, буквально перед этим, видел ее живой, и никто кроме этих двух женщин не вышел из столовой после меня, то кто же мог ее убить? Никто!

— Пошли! — негромко сказал Джо, указывая на дверь.

— Куда?

— В ее комнату.

Из лежащей на столе связки ключей Джо выбрал один и отделил от остальных.

— Четверка... Должно быть этот, если номер твоей комнаты — третий.

Они вышли. Джо запер дверь своей комнаты и спрятал ключ в карман. Стараясь ступать как можно тише, они миновали комнату Паркера, свернули направо и остановились у первой же двери. Алекс осторожно вложил ключ номер четыре в скважину. Ключ повернулся в замке совершенно бесшумно. Джо нажал дверную ручку, и они вошли.

— А кто живет за стеной? Кварендон?

Паркер подтвердил кивком головы.

Комната была продолговатой. Напротив находилось окно, а под ним тянулся длинный стол, на котором стояли компьютер, монитор и принтер, немного дальше — электрическая пишущая машинка, а за ней — аккуратно уложенные, стоящие вертикально, поддерживаемые стальными ухватами, папки с рукописями, поднос с письмами, а в самом углу — большая ваза, полная свежих красных роз. К столу придвинуто легкое вращающееся кресло.

У другой стены стоял низкий топчан, покрытый цветастой накидкой, а между ним и ванной комнатой находился большой тройной шкаф, встроенный в нишу стены.

— Не вижу его, — прошептал Алекс. Он подошел к шкафу и открыл первую дверцу. — Платье. А, вот оно, — сказал он шепотом, протянул руку и вынул висящее на плечиках белое платье. — Когда мы входили сюда в первый раз, во время поисков нашего предполагаемого убийцы, я забыл о нем. Тогда важен был человек, который мог где-то прятаться... Грейс, выйдя из столовой, вбежала сюда и поменяла это платье на другое — с пятнами крови, которое разрисовал для нее Тайлер... Ты можешь про-

смотреть содержимое шкафа, Бен? А я попытаюсь бегло взглянуть на эти бумаги, — он положил руку на плечо друга. — Я знаю, что, скорее всего, мы ничего не найдем. Но ее убили, а это означает, что, если этого не сделал какой-то безумец, то это, должен быть тот, кто ее очень ненавидел, или рискнул возможностью провести остаток своих дней за решеткой, лишь бы от нее избавиться. У меня нет больших надежд, но, быть может, мы найдем хотя бы тень следа...

Он повернулся к столу и начал быстро просматривать папки с рукописями. В основном это были компьютерные распечатки. Он заглянул в первую по порядку рукопись... похоже на какой-то набросок детективного романа, сделанный кое-как, хаотично, с пробелами и повторяющимися в скобках словами «дополнить позже»...

Джо просмотрел несколько папок и глянул на поднос с письмами. Очевидно, Грейс вела корреспонденцию Аманды. К полученным письмам скрепками были прикреплены заметки с коротким содержанием ответов.

— Тс-с-с! — тихо произнес Паркер за его спиной.

Алекс обернулся.

— Я нашел конверт под бельем...

Они склонились над заклеенным конвертом.

Паркер вынул из кармана маленький перочинный ножик и разрезал конверт.

Внутри было несколько сложенных вчетверо листов бумаги для машинписи.

Джо начал читать:

«...не могу так больше жить, надо с этим покончить!»

На другом листе текст был длиннее:

«Человек может годами жить, смирившись с тайным стыдом, с позором, о котором никто никогда не узнает... Но наступает день, когда нужно заплатить за все. И вот я плачу!»

На третьем листе оказалось лишь несколько слов, но они были написаны так широко и размашисто, что занимали почти всю его поверхность:

«Не трус, но сильный избирает смерть в минуту унижения!»

— Пошли, — сказал Алекс. — Та груда бумаг может подождать, а это мы возьмем с собой. Но мне кажется, здесь не ее почерк. Хотя я могу и ошибаться.

Они заглянули в ванную комнату с флаконами и баночками, ровно расставленными на стеклянной полочке над умывальником.

— Очень аккуратная и педантичная была эта очаровательная мисс Мэплтон... — пробормотал Паркер. — А еще говорят, что красивые девушки неряшливы.

— Пойдем, — сказал Алекс. — Ты взял конверт? — Паркер кивнул. — Дай мне его на пару минут. — Джо сунул конверт в карман.

— Что теперь? — спросил Паркер. — Не припомню, чтобы когда-нибудь я был так растерян... Честно говоря, я совершенно не представляю, что мы сейчас должны делать или с кем поговорить, а тем более — о чем...

— Я думаю, у нас не остается ничего другого, как обратиться к человеку, с которым Грейс общалась в последнее время почти непрерывно — с ее работодателем. Аманда — тонкая и наблюдательная молодая женщина. Это

за мило видно по ее книгам. Там всегда есть маленькие, очаровательные детали, эдакие подсмотренные будничные мелочи, которые... впрочем, это неважно. Я думаю, мы тихонько постучимся к ней.

— А разве она не у миссис Уорделл?

— Если она еще там, поговорим с кем-нибудь другим.

XXIV

Кто ее пригласил?

Алекс тихо двинулся вдоль внутренней галереи, после некоторого колебания миновал дверь комнаты миссис Уорделл и пошел дальше. Комната Аманды была последней перед поворотом. Джо поднял согнутый указательный палец и тихо постучал. Дверь открылась почти немедленно.

— Мы будем в зале, где стоят латы, — шепнул он. — Если можешь, загляни туда на минутку.

Аманда, не говоря ни слова, кивнула, переложила ключ с внутренней стороны замка на наружную, вышла из комнаты и двинулась вслед за ними. Паркер пропустил ее вперед. Они вошли в зал. Джо указал Аманде место на скамье и сел по другую сторону стола. Глаза Аманды невольно скользнули в сторону шторы.

— Она там?

— Да, — Паркер беспомощно развел руками. — Но вскоре приедет полиция, а также судмедэксперт, технические службы, фотографы, специалисты по отпечаткам пальцев и другие. Закончив свою работу, они уедут и увезут с собой тело.

— Это ужасно, — Аманда закрыла глаза, но тут же открыла их и посмотрела на Алекса. — Вы... вы уже что-нибудь знаете?

— Нет, — покачал головой Джо. — Мы не знаем, кто ее убил. Поэтому мы хотели поговорить с тобой пару минут, если ты чувствуешь себя в силах.

Она кивнула. Паркер кашлянул и начал вполголоса:

— Хотя мы и не знаем, кто и каким образом мог совершить это преступление, мы знаем, однако, что обычно убивает тот, кто считает, что у него нет другого выхода. Убийство несет в себе огромный риск и трагедию, также и для убийцы, если он будет уличен. Поэтому мы всегда ищем мотив. Мы ищем того, кто имел чрезвычайно важную причину, чтобы лишиться своей жертвы жизни. Иногда это бывает месть, иногда жажда наживы, а порой убийце необходимо убрать другого человека со своего пути. Поэтому мы спрашиваем, кто и почему хотел его убрать. Как правило, хотя и не всегда, ответ на этот вопрос приближает нас к истине. Конечно, иногда кто-то бывает убит просто по ошибке, либо падает жертвой безумца. А бывает и так, что убил не тот, кто имел мотив, а некто совершенно другой, имеющий такой же, или даже еще более сильный мотив. Но так или иначе, в девяноста девяти случаях из ста, раскрытие загадки убийства заключено в биографии убитого. Поскольку вы встречались с Грейс ежедневно, я хотел бы спросить, не заметили ли вы чего-нибудь, что могло бы иметь связь с моей затянувшейся лекцией?

Аманда задумалась.

— Это странно, — сказала она наконец, — но, будучи искренней, я должна признать, что очень мало о ней знаю. Она приехала в Лондон из провинции, из какого-то маленького городка в Центральной Англии, окончила курсы стенографии, обслуживания компьютеров и машинописи. Все это она делала превосходно, а кроме того обладала великолепной памятью

и, я бы сказала, врожденным чувством гармонии. В любом месте, где она находилась, царил идеальный порядок... — Аманда замолчала и положила на стол ключ, который перед этим держала в руке и медленно вращала вокруг оси. — Это было невероятно! Я не могла этого понять, и хотя проводила с ней ежедневно много часов, никогда так и не решилась спросить...

— О чем? — Паркер поднял брови. — Ведь молодые женщины, любящие порядок, встречаются довольно часто, не так ли?

Аманда посмотрела на него удивленными, широко открытыми глазами.

— Вы это серьезно, комиссар?

— Я вас не понимаю.

— Быть может, я немного видела, — тихо сказала Аманда, — но это была самая красивая девушка, которую я когда-либо встречала в жизни! Люди останавливались на улице, когда я с ней шла, и, наверняка, не потому, что это моя внешность превращала их в соляной столп. Природа создает красивых, а порой даже очень красивых женщин, но всегда добавляет им какой-то изъян: короткие ноги, маленькую грудь, близко посаженные глаза или что-нибудь в этом роде. Грейс была безупречна! И после этого вы удивляетесь, что я не в состоянии понять, почему эта девушка изумительной красоты, которой ничего не стоило обвести вокруг пальца любого взглянувшего на нее мужчину, не могла либо удачно выйти замуж, либо, наконец, сделать карьеру всеми доступными способами, а вместо этого просидела несколько лет за столиком в приемной мистера Кварендона, а потом превратилась почти в рабыню, ухватывая на лету, записывая и приводя в порядок все мои безумные замыслы?.. При этом ее вообще не интересовала детективная литература. Ведь переписывая мои рукописи, она становилась их первым читателем. Однако, она совершенно не реагировала на них эмоционально. Ее упорядоченный ум попросту не воспринимал все неизбежные в таких произведениях хитросплетения, хотя ей очень хотелось быть полезной и сделать какие-нибудь замечания. А в целом — она была незаменима... Быть может то, что я сейчас скажу, прозвучит нехорошо... Я знаю, что она умерла, и мне ее очень жаль, тем более, что обстоятельства ее смерти так ужасны... Но перед тем, как вы постучали ко мне, я стояла посреди комнаты, и как подлая, мелкая эгоистка думала о том, что же я без нее буду делать. Я знаю, — то, что я говорю, отвратительно, но я с ней очень сжилась... — Аманда умолкла.

— Еще один банальный вопрос, который мы должны задать, — вздохнул Паркер, — вы не заметили ничего особенного? Чего-то, что показалось бы странным в течение сегодняшнего вечера?

— Нет, если не принимать в расчет миссис Уорделл. Она все время была странной. Я с ней довольно долго беседовала, когда мы сидели у окна. Она говорила очень странные вещи, так, будто для нее не существовала граница между жизнью и смертью. Когда я недавно была с ней в комнате, она продолжала в том же духе. И это было ужасно, потому что она связывала смерть Грейс с умершей сотни лет назад неверной женой рыцаря де Вер. Послушай, Джо, а ведь это именно она обнаружила Грейс мертвой! Возможно ли, что...

Алекс покачал головой.

— Я не хочу вдаваться в подробности, Аманда, потому что ты и так пережила этой ночью достаточно, но убийство совершено таким способом, что этого никак не могла сделать слабая, старая, хрупкая женщина. У меня еще один вопрос: как составлялся список приглашенных гостей? Это ты выбирала людей, которых хотела здесь видеть, или этим занимался мистер Кварендон?

— Мистер Кварендон приехал сюда несколько недель назад и начал обсуждать с нами свою идею, предлагая разные решения. Грейс не присут-

ствовала при этом разговоре... я уже не помню, почему, но, по-видимому, была чем-то занята. Мы рассматривали разные, более или менее забавные проекты, а потом стали обсуждать список гостей. Кварендон не хотел, чтобы это происходило под наблюдением телевизионных камер и репортеров. Он сказал, что они испортят настроение такой ночи. Я сразу с ним согласилась. Мы сообща записали фамилии нескольких лиц, а остальные кандидатуры договорились обсудить при следующей встрече.

— Была ли миссис Уорделл в том, первом списке?

— Нет. Я уверена, что нет. Неделю спустя Фрэнк поехал на несколько дней в Лондон и вернулся с дополнительным списком, предложенным мистером Кварендоном. В этом списке были миссис Уорделл, Джордан Кедж и Дороти Ормсби. Я была счастлива, потому что, честно говоря, мне хотелось, чтобы людей было как можно меньше. Ты ведь знаешь, что для Кварендона исключительно важен был лишь какой-то новый рекламный проект издаваемых им книг. А мы все и этот замок должны были служить только фоном.

— Да... — Алекс вынул из заднего кармана джинсов конверт. — Не можешь ли ты сказать мне, кто это писал?

Он вынул из конверта три сложенных листка и протянул Аманде. Она посмотрела на текст первого, потом отложила его и взглянула на два остальных, держа их в обеих руках.

— Это мой почерк, — сказала она, — на всех трех листках.

— Эти записи производят впечатление поспешно набросанных самоубийственных мыслей.

— Да, конечно, ты совершенно прав, — она еще раз пробежала глазами текст и положила листки на стол. — Первая запись сделана около месяца назад, вторая — немного позже, а третью я набросала буквально на днях... Это и есть фрагменты самоубийственного письма из моей новой книги. Короче говоря, письмо должно выглядеть, на первый взгляд, естественно, но некоторые предложения должны возбудить у моего детектива подозрение, может, лишь одно предложение, но такое, какого именно этот самоубийца не мог бы написать — фальшиво звучащее. Это письмо должно быть составлено очень ловко. Определенным образом именно на нем и построено развитие сюжета, потому что вначале все должно создавать иллюзию смерти в результате самоубийства, и тогда начнется, на первый взгляд, совершенно абсурдное расследование, которое, разумеется, окажется эффективным и приведет к разоблачению убийцы.

— И ты отдавала Грейс эти и подобные записи?

— Да. Она вводила их в компьютер, а потом, когда наступало время писать соответствующие главы, у меня под рукой было достаточно сырого материала, которым я могла воспользоваться. Как ты сам знаешь, иногда разные мелочи приходят в голову, скажем, на прогулке, и надо подождать, пока для них найдется место в книге.

— Да, конечно. А после введения в память компьютера Грейс продолжала их хранить?

— Нет, зачем? Ведь потом они совершенно не нужны. Таких листочков с фрагментами текста я давала ей иногда больше десятка в день. Компьютер превосходен для этого, а коллекционирование моих каракулей было бы совершенно бессмысленным.

— Эти три листка, написанные в течение месяца, как ты сказала, мы обнаружили, сложенными вместе, в ее комнате.

— Это странно, но, быть может, зная, что я об этом размышляю, она хотела собрать их все, чтобы потом заложить в один файл? Я не разбираюсь в компьютерах...

— Но этот конверт мы нашли в ее шкафу. Он был спрятан под бельем...

— Под бельем? — тихо сказала Аманда.

— Мне вдруг пришла в голову совершенно абсурдная мысль, — сказал Алекс почти кротко, — о том, что каждый из этих листков, написанных твоей собственной рукой, можно было бы положить рядом с твоим телом... ну точно так, как ты планируешь это в своем романе.

Аманда Джадд подняла голову и посмотрела Алексу прямо в глаза.

— Не знаю, что ты имел в виду, говоря это, — произнесла она почти шепотом, — но я хотела бы обратить твое внимание на то, что я жива, а бедная Грейс мертва.

Паркер, который молча сидел, наблюдая за Амандой, заметил, что ее пальцы почти судорожно сжали ключ.

— Это правда, — Алекс кивнул. — Воображение понесло меня, и я болтаю глупости. Прости, пожалуйста.

— Мы все обладаем воображением и все мы — его жертвы. Не извиняйся — действительно, не за что.

Джо встал, и Паркер поднялся вместе с ним.

— Благодарим вас, — поклонился Бен. — Эта ночь уже скоро закончится, и дай бог, чтобы так же скоро мы могли закрыть это дело!

— А существует ли... есть ли у вас надежда, что так и случится?

— Пока только надежда. И ничего больше.

— А у тебя, Джо? — ее темные, умные глаза пробежали по лицу Алекса.

— Это все очень запутано... — неуверенно ответил он, — и противоречит здравому смыслу. Я пришел к определенному выводу, который представляется мне совершенно абсурдным, но иного я не вижу.

Аманда молча кивнула и направилась к двери.

— Проводить тебя до комнаты? — спросил Джо, быстро обходя стол.

Она остановила его движением руки и вышла.

Паркер положил руку на плечо Алекса.

— К какому выводу, Джо? Надеюсь, я не ослышался?

— Не ослышался.

— Значит ли это, что в этом кошмарном абсурде ты увидел...

Алекс приложил палец к губам. Паркер умолк. И тогда Джо сказал:

— В этом кошмарном абсурде я увидел лицо миссис Уорделл и понял, что должен задать ей один короткий вопрос.

— Пошли, — согласился Паркер.

XXV

Мотив

Они остановились. Паркер наклонился и заглянул в замочную скважину.

— Свет еще горит, — прошептал он, — надеюсь, она еще не уснула.

— Не будем стучать, — шепнул Джо. — Я лишь чуть приоткрою дверь и загляну. Если она не спит, я задам ей всего один вопрос. Если спит — придется разбудить. Я знаю, что она стара и устала, но я должен спросить, Бен! Причем спросить сейчас! Ее ответ — ключ ко всей загадке.

Он легонько нажал дверную ручку. Дверь приоткрылась. Алекс осторожно просунул голову сквозь щель и заглянул в комнату.

Миссис Уорделл сидела за небольшим столом, стоящим посреди комнаты. Висящая под потолком лампа бросала свет на ее лицо, но видна была лишь одна половина этого лица, потому что голова старой дамы была запрокинута назад, будто она залилась беззвучным смехом. Паркер потянул носом и, отодвинув Алекса в сторону, быстро подошел к ней. Джо тоже приблизился, и несколько мгновений они стояли молча. Комнату переполнял аромат горького миндаля.

— Цианистый калий, — произнес вполголоса Алекс. Он вернулся к двери и тихо запер ее.

Бен Паркер взял одну из худеньких рук старушки и тут же опустил ее обратно на подлокотник кресла.

— Совсем холодная. Немного в ней было жизни, и яд подействовал мгновенно, — Бен осмотрелся, и его взгляд остановился на столе. — Посмотри. Это, наверно, он и есть... — инспектор указал пальцем на маленький флакончик, закрытый стеклянной пробкой. — Нет ровно половины! Но... — он отступил и обошел кресло. Под правой рукой, свисающей с подлокотника кресла, на ковре лежал стакан. Паркер присел. — Да, яд был здесь. Она набрала в стакан немного воды, потом добавила туда половину содержимого флакончика, закрыла флакончик пробкой и только потом выпила.

Алекс утвердительно кивнул.

— На столе лежит лист бумаги и возле него ручка, — сказал он, — а рядом книга с конвертом, вложенным между страницами...

— Постараемся ни к чему не прикасаться, — шепнул Паркер.

Они склонились над столом.

Лист бумаги, лежащий рядом с флакончиком яда, был покрыт ровными строчками, написанными несколько старомодным почерком, которому упорно учили в школах барышень из хороших домов еще во времена короля Якова Пятого:

«Дорогой мистер Паркер,

мне крайне неприятно, что своим поступком я должна доставить Вам некоторые хлопоты. Но я просто не могу дождаться воссоединения с ними: с моим любимым мужем, дорогой моей дочерью и моим единственным внуком. Впрочем, я тем самым несколько облегчу Вашу задачу, ибо знаю, что, в конце концов, либо Вы, либо мистер Алекс, откроете всю правду, хотя, честно говоря, не полностью всю, потому что без меня Вы никогда не узнали бы, почему Грейс Мэплтон умерла.

Не знаю, помните ли Вы, что я обещала Вам подарить свою книгу. Я оставляю ее на столе прямо перед собой. Это книга о духах, и когда Вы ее получите, автор книги тоже будет духом... самым счастливым из духов!

В этой книге Вы найдете письмо, которое все объяснит. Не надо добавлять, что я буду Вам очень признательна, если его содержание не станет достоянием широкой публики, ибо это причинило бы много боли лицу, которое и так пережило огромные страдания из-за Грейс Мэплтон, не зная ее имени и даже не ведая о ее существовании.

Прошу принять заверения в глубоком уважении, а также еще раз прошу прощения.

Александра Бремли (Уорделл)»

Паркер выпрямился и посмотрел на Алекса. В его глазах стояло безбрежное изумление.

— Значит, все же — это она...

— Прочтем это письмо, — сказал Джо, глядя на книгу. — Судя по тому, что она тут написала, мы, по крайней мере узнаем, почему Грейс Мэплтон умерла.

— Но...

— Ради бога, Бен! Возьми платок, открой книгу и вынь этот конверт! Ты надеешься, обнаружить на нем чьи-то отпечатки пальцев? Но если мы обойдемся с ним осторожно, вся его поверхность будет в полном распоряжении дактилоскопистов. А ведь там важная информация, Бен! Важнейшая!

После короткого размышления Паркер кивнул головой. Он вынул носовой платок и приподнял край обложки, на которой летучая мышь с блестящими глазами вглядывалась в силуэт дома, стоящего в сиянии лунного света на безграничном пустыре.

АЛЕКСАНДРА УОРДЕЛЛ.
ПОЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ПРИЗРАКИ И ПОЧЕМУ?

— спрашивали белые блестящие буквы.

А сразу под обложкой, там, где тем же красивым каллиграфическим почерком был начертан автограф «Дорогому мистеру Паркеру», находился длинный, незапечатанный конверт. Паркер ловко вытащил из него два сложенных и исписанных с двух сторон листка бумаги.

Никакого заголовка не было.

«Меня зовут Александра Бремли и я вдова сэра Джона Бремли, промышленника, который оставил мне в наследство то, что обычные люди называют «огромным состоянием». Когда через несколько лет после кончины моего дорогого супруга, наша единственная дочь погибла вместе со своим мужем в автомобильной катастрофе, я начала заниматься исследованиями Того Света, в котором они исчезли. Эти исследования привели меня к определенным выводам, которые я старалась изложить в своих очередных книгах. Целью этих книг была не только попытка познания того, что кажется непознаваемым, но и желание принести облегчение всем тем, кто утратил кого-то любимого и ошибочно считает, что утратил навсегда.

Книги эти я издавала под своей девичьей фамилией Уорделл... Но довольно об этом. Дочь моя оставила мне своего сыночка, малыша Джорджа, моего единственного, горячо любимого внука, который с младенческих лет был умным и ласковым ребенком, доставляющим мне только радость. Когда он вырос, и пришла пора выбирать профессию, он сообщил, что чувствует призвание к духовному сану. После возвращения из Кембриджского университета он был посвящен и стал пастором, а вскоре отправился на год в Африку, где занимался миссионерской деятельностью. Вернувшись оттуда в Англию, он познакомился с одной красивой и милой девушкой, которую я буду называть здесь просто Алиса. В ближайшем будущем они намеревались вступить в брак.

Но прежде, чем это случилось, пришло ко мне трагическое известие: Джордж, который любил прогулки на своей маленькой яхте, выплыл в море, и хотя пустая яхта, терзаемая волнами, была найдена, Джорджа на борту не было. Спустя два дня отыскали его тело. Море в тот день, когда он отправился на прогулку, было бурным, и все посчитали, что волна смыла его с палубы, а ветер погнал дальше яхту, оставляя моего несчастного внука на произвол стихии. Хоть я и верю, что смерть — это всего лишь временная разлука, боль моя была велика, но, быть может, еще большей была боль бедной Алисы, лишенной подобного утешения.

На следующий день, после получения мной известия о гибели Джорджа, я получила письмо... написанное его рукой. Это не был несчастный случай! Это письмо мой внук написал и опустил в почтовый ящик перед своим отплытием в море. Оказалось, что во время пребывания в Африке и после возвращения он вел миссионерский дневник о своей жизни в джунглях, среди негритянских племен, по-прежнему находящихся на окраине цивилизации. Он хотел издать его, рассчитывая на то, что, быть может, склонит хотя бы нескольких молодых людей посвятить себя миссионерской деятельности. По воле судьбы он отправился со своей книгой в издательство КВАРЕНДОН ПРЕСС. Там он сразу наткнулся на девуш-

ку — секретаря директора издательства. Он сказал ей, что готов издать эту книгу за свои средства, поскольку достаточно богат и может заплатить за то, чтоб ее издали гораздо большим тиражом, чем обычно выходят такие книги... Так началось их знакомство.

Чтобы не затягивать этой исповеди, скажу лишь, что Бог или Дьявол наделил Грейс Мэплтон необыкновенной красотой и притягательной силой, против которых... как написал мне мой внук... невозможно было устоять. Она была подобна тем жутким сиренам, которые своим пением увлекали моряков на дно. Джордж любил Алису и считал свое мимолетное безумие глубоким падением, но не это было самым страшным. Мисс Мэплтон появилась перед ним с пакетом фотоснимков... отвратительных снимков, на которых оба они были видны, даже слишком отчетливо... Она была красива, холодна и спокойна. Она заявила, что не так богата, как он, и потому не видит никакого препятствия к тому, чтобы это стечение обстоятельств послужило бы им обоим поводом для выравнивания их имущественной разницы. Сумма, которую она потребовала, не была огромной: она хотела получать ежемесячно тысячу фунтов. Видит Бог, это было бы для меня сущим пустяком. Джордж был настолько поражен и потрясен, что тут же вручил ей эту сумму. Однако, потом перед ним с полной ясностью предстала вся правда: он, духовный пастырь, который вскоре должен будет перед алтарем присягнуть на верность молодой порядочной девушке, а своей пастве обязан будет еженедельно провозглашать высокие моральные принципы и порицать грех, сам стал банальным мелким грешником и в добавок еще жалким трусом, который оплачивает молчание никчемной женщины, чтобы не быть разоблаченным. Всю свою жизнь: и службу Господу, которого он возлюбил, и любовь к женщине, в которой он хотел видеть подругу всех дней своих, — он уничтожил одним-единственным поступком, оставаясь по-прежнему в когтях этой хищницы, из которых ему уже никогда не вырваться. И осознав все это, он выплыл в море, чтобы никогда больше не вернуться.

Что же я могла сделать? Я могла подать на Грейс Мэплтон в суд. И, наверно, она была бы наказана, как шантажистка. Но дело, конечно, попало бы в прессу и вызвало бы много шума. И тогда я нанесла бы бедной Алисе еще один страшный удар. Она по сей день не знает правды и не должна узнать ее, о чем я от всей души прошу получателя этого письма, кем бы он ни оказался. Эта несчастная девушка не вышла замуж, она часто бывает у меня, и мы вместе вспоминаем Джорджа. Я надеюсь, что со временем жизнь все же напомнит о своих правах, и она встретит порядочного человека достойного ее. Но пока это время явно не наступило. Джордж остается рыцарем ее печальных снов. И если бы ей пришлось пробудиться от них, прочтя в газете о том, что в действительности произошло в тот день, это могло бы отнять у нее веру в людей на всю жизнь...

Итак, я ждала. Я отдавала себе отчет в том, что мой внук наверняка не единственная жертва этого ужасного существа и, быть может, кто-нибудь другой сделает так, чтобы исполнились Бессмертные Слова о тех, которые мечом воюют и от меча гибнут, что означает: зло, совершенное человеком, непременно должно обратиться против него. И когда, наконец, свершилось то, что свершилось, меня это не удивило. Я выезжаю в Девон с непоколебимой верой в торжество справедливости, а если еще этому поможет — в чем я абсолютно убеждена — измученная душа несчастной Евы де Вер, ожидающая сотни лет исполнения предначертанной ей судьбы, дабы могла она, наконец, уснуть в покое, — буду счастлива.

Прощай, мир жалкий и увечный — здравствуй, мир прекрасный и совершенный!

Александра Бремли».

— Вот, значит, как... — пробормотал Паркер. — Письмо безумца!

— Возможно... — пожал плечами Джо. — Но, не считаешь ли ты, что она права? И этот несчастный молодой человек не был, пожалуй, единственной жертвой Грейс Мэплтон?

Джо на минуту прикрыл глаза. «Я буду ждать. Я не усну...»

— Как личный секретарь мистера Кварендона, она имела возможность знакомиться с сотнями людей... А при такой красоте... — Паркер тоже пожал плечами, и вдруг, отряхнувшись от своих размышлений, взглянул на Алекса.

— И ты считаешь, что это все же возможно?

— Что именно?

— Что она могла в приступе безумия каким-нибудь необъяснимым способом убить ее?

— Ты ведь прекрасно знаешь, что это невозможно, Бен.

— В таком случае, — глухо сказал Паркер, — независимо оттого, кем была Грейс Мэплтон, и какие еще грехи и преступления она ни совершила, мы снова оказались в исходной позиции. У нас есть убитая, у нас есть возможный мотив убийства, но у нас нет убийцы, ибо по-прежнему *никто* не мог убить Грейс Мэплтон!

— Дай мне на минуту это письмо и ту прощальную записку, — попросил Алекс.

— Но я ведь говорил тебе об отпечатках пальцев...

— На этих бумагах окажутся только ее отпечатки. Могу тебя в этом заверить. Все это чистейшая правда. Никто не подбрасывал сюда эти письма.

— И я так думаю, но...

— Заметил ли ты, что она написала это письмо до приезда сюда? «Я выезжаю в Девон...»

— Да, но...

— А это означает лишь одно, Бен: миссис Александра Бремли знала уже перед отъездом сюда, что Грейс Мэплтон погибнет, но миссис Александра Бремли не убила ее.

— Возьми эти бумаги, если хочешь, — Паркер потер лоб. — Скоро на нас свалится рой полицейских, вооруженных новейшими достижениями следственной техники, и я смогу сделать для них единственное заявление: хотя Грейс Мэплтон никто и не мог убить, призрак Евы де Вер больше не будет здесь появляться. Интересно, как они это воспримут?

XXVI

«Это был бы несчастный случай...»

— И что теперь? — Паркер снова осмотрел комнату. Его взгляд задержался на миссис Бремли, сидящей в кресле с жуткой улыбкой на устах. — Будь это хотя бы другое оружие! — почти простонал он. — А не этот проклятый гигантский меч!

Алекс положил руку на его плечо.

— Послушай, до рассвета остается всего час, а может и меньше. Давай закончим опросы. Сначала хотелось бы установить одну вещь — я имею в виду этот проклятый скелет. Мне кажется, его подбросил Кедж, и это обыкновенная дурацкая шутка, но кто ж может знать?

— А зачем бы этот серьезный, шестидесятилетний мужчина позволял себе такие дурацкие шутки?

— А затем, что Дороти Ормсби написала когда-то разгромную рецензию, которая ему сильно повредила, потому что все считаются с ее мнением. Я не хочу присутствовать при вашем разговоре, потому что это мой коллега, мы знакомы много лет, а дело, скажем так, щекотливое. Он мог бы тут же соврать в глаза и от всего отказаться. Стыд не позволил бы ему признаться. А вот если этот вопрос задашь ему ты, да еще добавишь пару слов об отпечатках пальцев и придумаешь что-нибудь отягощающее, он признается наверняка, потому что я не верю, что он сделал это в перчатках. Вспомни: дело происходило во время конкурса, а Кедж дольше всех не возвращался в столовую! А позже, услышав о смерти Грейс, он не смог скрыть своего испуга. Ну, короче, ты справишься. Второй вопрос — это Дороти Ормсби. Там я тоже не хотел бы присутствовать, и сейчас скажу, почему. Ты можешь к ней пойти, в случае, если Кедж признается, что это он подбросил скелет. Разумеется, не говори ей, что это Кедж. Важно, чтобы ты сказал, что это не лорд Редленд. Кажется мне, что их в прошлом что-то связывало, и Дороти отвергла предложение выйти за него замуж. Час назад она была уверена, что это его отвратительная шутка, и я заметил, что на ее глазах выступили слезы. А Дороти Ормсби отнюдь не выглядит барышней, которая плачет по первому же удобному поводу.

Паркер кивнул и направился к двери.

— Минутку, — остановил его Алекс. — И Кедж, и дело с лордом Редлендом — это линии побочные. Важно нечто совсем другое. Весь вечер Дороти делала заметки в своей записной книжке. Мне кажется, там находятся разные наблюдения, касающиеся поведения многих присутствующих в столовой. Ты должен это прочесть! Если она не захочет отдать тебе свои записи, решительно попроси позволения хотя бы прочесть их в ее присутствии. Мне она их наверняка не покажет, поскольку я — частное лицо, а вот тебе она не сможет отказать, потому что совершенно преступление, а ты — офицер полиции. Умоляю тебя, прочти это срочно, потому что может внезапно выплыть что-нибудь, о чем мы оба вообще не подумали. Ведь кто-то все же убил эту несчастную Грейс Мэплтон!

— Хорошо, — сказал Паркер. — А ты?

— Я пойду к доктору Харкрофту и помучаю его насчет этого меча. Он ведь опытный врач. Может, существует какой-нибудь другой вариант? Не знаю... Но ведь кто-то же ее убил, как я уже говорил... Потом я хочу заглянуть к Кварендону и спросить его о том, кто кого приглашал сюда на юбилей Аманды. Это тоже может быть существенным. А еще надо поговорить с Тайлером и... тут в замок ворвется толпа полицейских, взойдет солнце, если тучи позволят ему показаться, и расследование двинется дальше.

— Куда двинется? — вздохнул Паркер. — Ну ладно, постучи Кеджу и скажи, что я жду его в библиотеке. Соседство убитой произведет на него впечатление.

Джо молча кивнул, и они оба вышли, тихо заперев дверь. Алекс указал на соседнюю комнату и движением руки поторопил друга. Паркер быстро удалился на цыпочках. Толстый ковер приглушил его шаги.

Джо еще немного помедлил и тихонько постучал.

— Кто там? — тихо спросил Кедж из-за двери.

— Алекс.

Дверь открылась. Кедж по-прежнему был в вечернем костюме. Очевидно, он ни минуты не спал.

— Что случилось? — спросил он испуганным голосом.

— Бенджамин Паркер хочет с тобой поговорить. Он тут опрашивает всех перед приездом полиции из графства. Это для того, чтобы все, кто не имеет ничего общего с... ну, ты знаешь с чем, могли уехать, как можно скорее.

— Я сейчас там буду... — Кедж поколебался, но после секунды размышления отступил и закрыл дверь.

Джо двинулся по галерее, дошел до конца, повернул направо, остановился перед дверью доктора Харкрофта, постучал и вошел. Когда он вышел оттуда десять минут спустя, в коридоре по-прежнему царил тишина. Он двинулся направо и по дороге заглянул в библиотеку. Она была пуста. По-видимому, Паркер, уже закончил с несчастным Кеджем и был теперь у Дороти. Джо как раз направлялся к двери комнаты мистера Кварендона, когда она внезапно открылась, и тучный издатель собственной персоной показался на пороге. Увидев Алекса, он взволнованно всплеснул руками и тут же отступил назад, жестом руки призывая его следовать за ним.

Изумленный Джо вошел. Мистер Кварендон стоял с поднятой рукой, повернувшись к своим псам, которые немедленно вскочили, как только Алекс появился в комнате.

— Лежать! — негромко, но твердо приказал Кварендон. Собаки легли и застыли неподвижно, не сводя с Алекса глаз. — Садитесь, умоляю вас, — мистер Кварендон указал Алексу на кресло. — Представьте себе, — я вышел как раз для того, чтобы постучаться к вам. Какое стечение обстоятельств!

— Тем большее, что я тоже шел именно к вам, — спокойно сказал Джо.

— Правда? — мистер Кварендон поднял брови и вдруг умолк. Потом снова оживился. — Удалось ли вам уже установить, кто?..

— Нет, — отрицательно покачал головой Джо, — не удалось. Но у нас есть на этот счет разные, более или менее правдоподобные теории, одна из которых, наверно, окажется правильной. Однако, расследование может проводиться весьма кропотливо и затянуться надолго. Я знаю, что это будет неприятно для лиц невиновных, тем более, что пресса, очевидно, набросится на это событие, как стая голодных волков. Одних наших фамилий достаточно, чтобы придать всему этому мрачный оттенок. Мне жаль вашего друга сэра Гарольда Эддингтона. Вы хотели украсить наше скромное собрание присутствием заместителя министра, тем временем несчастный долго еще будет обречен видеть свое лицо на первых страницах всех бульварных газет Великобритании. Не говоря уже о том, что они начнут копаться в его личной жизни, привычках, слабостях и так далее. Именно поэтому я и хотел сейчас навестить вас. Мне следовало бы постучаться к нему, но я почти не знаком с ним. А тем не менее, есть один вопрос, который я должен ему задать.

— Вопрос? Надеюсь, вы не предполагаете...

— Я не имею права ничего предполагать. Там, где речь идет об убийстве, надо знать. Но, разумеется, расследование должно стремиться к устранению всевозможных неясностей...

— Неясностей? Но что может быть неясного...

Джо поднял руку и остановил его.

— Быть может, это глупость, — произнес он с легким колебанием, — но вчера утром, сразу после приезда, у меня сложилось впечатление, что сэр Гарольд либо чем-то очень расстроен, либо какие-то мысли выводят его из равновесия. Когда мы разминулись в калитке замка, а вы в это время выводили на прогулку своих собак, сэр Гарольд производил впечатление человека, который находится в трансе... Конечно, я могу ошибаться. Быть может, сэр Гарольд иногда выглядит так без всякой причины, или он просто переутомился? А может, он слишком рано встал или попросту плохо переносит воздушные путешествия? Я знаю многих отважных людей, которые с трудом переносят любые полеты. В том числе и на вертолете. Во всяком случае, этот вопрос меня беспокоит. Вы ведь знаете его много лет — он

ваш друг. Как, по-вашему, его поведение вчера утром было совершенно нормальным?

— Я уверен, что... — начал мистер Кварендон и снова умолк. С минуты он сидел, вглядываясь в Алекса. Потом беспокойно шевельнулся. Псы посмотрели на него. Алекс тоже молчал. — Можете ли вы дать мне слово, что то, о чем я сейчас расскажу, навсегда останется между нами? — мистер Кварендон подался вперед.

Алекс беспомощно развел руками.

— Несколько часов назад здесь была убита молодая женщина, ваша бывшая секретарша, и мы ведем расследование этого дела. Как же вы можете просить, чтобы я обязался молчать, даже не зная, что вы намерены мне сообщить?

— Я, в свою очередь, могу дать вам слово, что все, о чем я скажу, не касается... — он поколебался, — не касается этого убийства.

— А касается ли это другого убийства?

Мистер Кварендон не ответил. Алекс ждал.

— Это очень трудно, — произнес, наконец, мистер Кварендон хриплым шепотом.

— Может, я помогу вам, — Джо не спускал с него глаз. — Грейс Мэплтон была очень красивой женщиной.

Тучный издатель резко вздрогнул.

— Что вы хотите этим сказать?

— Очень красивой и очень опасной, настолько опасной, что, быть может, далеко не один человек обрадуется, прочтя в завтрашних газетах, что особа с таким именем и фамилией была убита.

— Вы так считаете?

Джо кивнул.

— Вопрос звучит очень просто, мистер Кварендон: обрадовало ли это известие вас и вашего друга, сэра Гарольда? А может быть, только одного из вас?

— А почему оно должно было нас обрадовать?

— Потому, что Грейс Мэплтон была опасной и беспощадной шантажисткой.

— Откуда вы знаете? Неужели вы тоже?..

Кварендон умолк.

— О нет, — лениво сказал Джо Алекс, чувствуя неизвестно почему, что не говорит всей правды, — это не мой личный опыт. — Назовем это условно «фактом, выявленным в ходе расследования».

— Боже мой! — сказал Кварендон. — Что делать?

Джо взглянул на часы.

— Через десять-двадцать минут, а, быть может, и через минуту, сюда войдет большая полицейская группа, состоящая из исполнительных и настойчивых функционеров... а поскольку убийца все еще не схвачен, и нам даже не известно его имя, они начнут тщательно копаться в жизни всех здесь присутствующих. Ни комиссар Паркер, ни, тем более, я, не сможем этому воспротивиться, потому что следствие руководствуется собственными законами, не обращая внимания ни на имущественное, ни на общественное положение подозреваемых лиц... а вы не можете не признать, что даже в эту минуту разговариваете со мной как человек, у которого есть что-то на совести. Я не могу пообещать, что не повторю никому того, что вы мне скажете, поскольку вы не говорите мне правды. Я могу лишь обещать, что если вы расскажете мне всю правду, и она не будет связана с убийством Грейс Мэплтон, я сохраню ее для себя, если это будет возможно. Вот и все. У меня есть две минуты времени, и если вы не захотите поведать того, что укрываете от меня, я оставлю вас и вашего друга

наедине с вашими проблемами. А поскольку мы знакомы много лет и нас связывают добрые и дружеские отношения, мне будет очень жаль, потому что я хочу уберечь вас обоих от неприятностей.

Мистер Кварендон не ответил. Минуту спустя Джо посмотрел на часы.

— Хорошо, — тихо сказал издатель. — Я скажу вам. Но должен предупредить, что речь идет о счастье двух семей и о судьбе двух порядочных людей.

— Значит, и вы тоже... — прошептал Алекс и с пониманием покивал головой.

— Нет! — решительно возразил мистер Кварендон. — Уже много лет назад я поклялся себе, что никогда ни одна секретарша, ни одна горничная... Господи, да вы же понимаете, о чем я говорю. Ни один мужчина не свят, но нельзя себе ничего позволять ни на работе, ни в собственном доме... Это всегда очень опасно и часто плохо кончается. Поэтому здесь речь идет не обо мне. Я скажу вам... Я скажу вам все, и, быть может, вам удастся спасти меня и сэра Гарольда! У меня есть дочь. Ее муж — молодой, многообещающий политик, депутат Палаты общин. У них двое детей. А дочь моя очень ревнива и, если бы она, например, узнала из газет, что ее муж изменяет ей, думаю, это означало бы конец их супружества. Она очень горда. А для него это вообще означало бы конец карьеры. Публичный скандал — этого бы ему ни за что не простила Консервативная партия! Сэр Гарольд, мой лучший друг, часто навещал меня в издательстве, и мы вместе ходили на ленч в клуб... А этот прекрасный бес в юбке сидел в приемной, через которую проходил каждый, кто хотел меня увидеть... — он глубоко вздохнул и тыльной стороной ладони отер пот со лба. — Сэр Гарольд женат, у него трое детей и столько же внуков. Вы помните аферу Профьюмо? Именно такая девушка полностью уничтожила очень талантливого и во всем остальном порядочного человека, члена правительства... Я уже не говорю о семье Гарольда и о том кошмарном стыде, который она испытала бы из-за этих ужасных бульварных изданий, выходящих миллионными тиражами... — он снова глубоко вздохнул. — Вы можете спросить, как я об этом узнал? Зять пришел ко мне и все рассказал. Я был единственным человеком, которому он мог довериться. Он боялся поговорить об этом даже с собственным отцом. Тогда я открылся Гарольду, с целью спросить его совета. И тут оказалось, что он сам находится в такой же ситуации! Эта женщина была дьяволом. Холодным, рациональным дьяволом, которого Природа наделила искусством неотвратимо успешного покорения мужчин. В обоих случаях было то же самое: разнuzданные снимки — она и жертва в позах, не оставляющих никакого сомнения... А мой глупый зять даже имел неосторожность несколько раз позвонить ей в мой офис, и она, разумеется, тут же записала на магнитофон эти разговоры. В обоих случаях она поступила одинаково: требовала ежемесячных выплат — не много, но и не мало. Столько, сколько жертва наверняка могла бы платить без больших сложностей. Но в любую минуту что-нибудь могло случиться: кто-то мог случайно обнаружить негативы и кассеты, она сама в любой момент могла бы перейти в генеральное наступление, в общем, сделать все, что ей вздумается — она их всех держала в руках. А теперь я скажу кое-что, что может показаться вам забавным. Я сочинил собственный криминальный роман, мистер Алекс. Я купил замок Волчий Зуб, я пригласил сюда под предлогом юбилея Аманду Джадд с ее мужем и Грейс, которая, к счастью, уже два года не была моей секретаршей, — между прочим, ушла она от меня сама, и расстались мы в очень хороших отношениях — я ведь тогда и понятия не имел о ее истинном занятии. Я пригласил гостей и придумал этот конкурс. И вместе с Гарольдом мы собирались избавиться здесь от этой ядовитой кобры. Мой замысел был прост: на второй день пребывания

я должен был попросить ее подняться с нами на башню и снять нас вместе с Гарольдом на память. И тогда он должен был выстрелить ей в лицо из газового пистолета одурманивающим зарядом, а я накинул бы ей на шею фотоаппарат, и мы вместе перебросили бы ее через барьер вниз, разумеется не со стороны суши, а со стороны открытого моря, где никто бы этого не заметил. Если бы поблизости была лодка, мы бы выждали. Потом мы сбежали бы вниз, крича всем, что Грейс хотела нас сфотографировать, взобралась на барьер, споткнулась и упала. И уверяю вас, что никто — ни вы, ни ваш друг Паркер — никогда бы не подумали, что двое таких уважаемых и солидных людей могли бы вместе убить очаровательную, молодую женщину, о которой, пока она была жива, никто и слова дурного не сказал. Мы были абсолютно уверены в успехе. Никаких угрызений совести у меня не было. Шантажист — самое гнусное из созданий. Но Гарольда ужасал сам факт нашего поступка...

— А где этот газовый пистолет? — внезапно спросил Алекс.

— Здесь.

Мистер Кварендон подошел к ночному столику, выдвинул ящик и протянул темный оксидированный пистолет. Джо кивнул и спрятал его в карман.

— Это не все, — быстро сказал Кварендон, — это был бы несчастный случай, и мы были уверены, что никто не бросится немедленно делать обыск в квартире Грейс, а мы добрались бы туда первыми. Но, к сожалению, сейчас совершено убийство и теперь мы не знаем... не знаем, что там найдет полиция...

— Понимаю, — сказал Джо. — То, что вы мне рассказали, пока не существенно. Само намерение не подлежит наказанию, если не начата его реализация. Впрочем, мы беседуем с глазу на глаз, и если бы я даже кому-нибудь проговорился, вы всегда можете заявить, что я все это выдумал.

— Но...

— Но я могу вас утешить. Я знаю, кто убил Грейс Мэплтон. Я знаю это с первой же минуты, потому что у меня не было никакого выбора. Только один человек мог сделать это. Я лишь не знал, почему он это сделал. А с некоторого времени знаю. Я уверен, что полиция не огласит ничего, что могло бы скомпрометировать кого-либо из жертв убитой. И, кстати, я уверен, что вы ничего не нашли бы в квартире Грейс Мэплтон. Это была отнюдь не рассеянная девушка, насколько мне известно. А вы — наверняка не единственные люди, которые дали бы очень многое, чтобы получить письма, снимки или кассеты с записями. Спокойной ночи, мистер Кварендон.

И он тихо вышел, оставив хозяина с открытым ртом и побелевшим лицом.

XXVII

Решетка дрогнула...

Джо вошел в библиотеку и уселся на скамью напротив Паркера.

— Что ты открыл?

— Ты был прав — это он, — Паркер пожал плечами. — Сначала он все отрицал, но... когда я, по твоему совету, слегка его пострадал, он раскололся сразу. Сказал, что у него не было никаких дурных намерений — он всего лишь хотел ее напугать. Разумеется, он не имел понятия, что здесь будет совершено преступление. Ну, короче — я увидел подлинные слезы в его глазах. Он вытирал их платочком и каялся так, будто это он убил несчастную Грейс Мэплтон. А потом стал меня умолять, чтобы я никому об этом не рассказывал.

— А ты?

— Ну, я обещал ему... — Паркер беспомощно улыбнулся. — Но, к сожалению, это ни на шаг вперед не продвинуло наше расследование.

— Этим ты хочешь сказать, что был также у Дороти, прочел ее записи, и не нашел в них ничего, что могло бы нам помочь?

— Именно это я и хочу сказать. Когда она узнала, что это вовсе не лорд Редленд подбрасывает в ее комнату скелеты, она явно обрадовалась и даже не спросила меня, кто это сделал. Впрочем, я и так бы ей не сказал. А в записной книжке масса разных заметок обо всех нас. — Джо заметил, что его друг внезапно покраснел. — В общем, ничего важного.

— Похоже, она отнеслась к тебе с явной симпатией?

— Откуда ты знаешь?.. Да... действительно... но это не имеет никакого значения. А ты — чего ты добился?

— Я был у доктора Харкрофта и несколько минут беседовал с ним об этом проклятом мече. Он утверждает, что даже если бы миссис Уорделл была бы действительно безумной и вдруг открыла в себе сверхчеловеческие силы, она не могла бы нанести такой удар. И, к сожалению, думаю, он прав, Бен. Я был также у мистера Кварендона...

— Послушай, — вздохнул Бен. — Звонили из деревни. Вся группа уже здесь и ждет. Начался отлив, но ветер гонит с моря штормовые волны, и они переливаются через дамбу. Дождь кончился, но суперинтендант Дерри говорит, что пока они еще не могут перетащить сюда свое оборудование. Я сказал им, что сейчас здесь ничего не происходит, и пусть они не рискуют до тех пор, пока не появится возможность спокойно перейти по дамбе.

— Значит, у нас есть час, а может, даже немного больше времени.

— И как мы распорядимся этим часом? Если миссис Уорделл не могла ее убить, мы прочно и безнадежно застряли на месте. Если бы не псы Кварендона, оставалась хоть тень надежды, что где-то прячется неизвестный убийца, ну а так я уверен, что псы бы его вынюхали. А если никакого постороннего убийцы нет, то это означает, что нет и никого другого. С ума сойти, Джо! Такое дело может присниться, но не может произойти наяву.

— А если бы я тебе сказал, что убийца существует?

— Я бы тебе не поверил. — Паркер вздохнул. — Вот здесь, на столе, передо мной лежит листок, а на нем выписаны фамилии всех, кто остался в замке после отъезда прислуги. Никто из них не мог убить Грейс Мэплтон.

— Мог, — спокойно ответил Джо.

— Кто?

Джо склонился над столом и шепотом сказал ему что-то на ухо.

— То есть как? — Паркер заглянул в список. — Но ведь...

— Подожди, — остановил его Джо. — Я сам еще не все понимаю, но главное уже понял. Я хотел бы пригласить сюда Фрэнка Тайлера, который, конечно, не пронзил рыцарским мечом секретаршу своей жены. Однако, думаю, что после разговора с ним все будет ясно.

Паркер молча кивнул. Он явно потерял дар речи, еще раз поднес к глазам свой листок и вглядывался в него, перечитывая список фамилий.

— Но, Джо, послушай, — сказал он. — Мне кажется, ты недостаточно обдумал то, что сказал. Ведь...

Алекс снова остановил его.

— Я схожу за Тайлером и приведу его сюда.

Он вышел.

Паркер еще с минуту сидел, нахмутив брови, и вдруг его лицо просияло.

— Господи... Ну и дурак же я, — прошептал он.

Вернулся Джо.

— Тайлер сейчас придет.

Он сел рядом с Паркером, спиной к камину, лицом к доспехам и готическому сундуку. Потом улыбнулся своему другу.

— Ты обдумал то, что я сказал?

— Да, — кивнул Паркер. — Это невероятно, но это единственная возможность.

— Мы находимся в очень комфортной, если так можно выразиться, ситуации. — Джо снова улыбнулся. — Тебе не надо арестовывать убийцу, потому что он не может убежать. Ты даже можешь им вовсе не заниматься, пока не придет полиция.

— Это верно, — Паркер с сомнением покачал головой. — Однако...

Бен не закончил, потому что открылась дверь, и вошел Тайлер, одетый в белый спортивный костюм и кроссовки.

— Я так и не смог уснуть, — он сел на скамью напротив. — Хотел немного поработать, чтобы продержаться до утра, но не могу собраться с мыслями.

— Мы хотим, чтобы вы нам помогли, — спокойно сказал Алекс. — Надеюсь, вы можете это сделать.

— Я? — Тайлер поднял брови.

— Да, — кивнул Джо. — Итак, как вы знаете, никто из лиц, принявших участие в придуманном вами конкурсе, не мог убить Грейс Мэплтон, а поскольку вы вместе с нами и собаками мистера Кварендона обыскали весь замок, вы также знаете, что никто посторонний здесь не укрылся. Но рассмотрим все по порядку, с самого начала, и вернемся к той минуте, когда все присутствующие в замке собрались вечером в столовой. Разумеется, мы не принимаем во внимание Грейс Мэплтон, которая покинула нас, чтобы занять место в этой комнате... — Джо указал рукой на парчовую штору, — но мы можем сейчас о ней не говорить по вполне понятным причинам. Итак, все мы собрались в столовой, и после короткой церемонии начался конкурс. Было нас там одиннадцать человек. Мы сразу можем исключить из числа возможных убийц вас и Аманду, потому что вы оба ни на долю секунды не покидали столовой. Вы были хозяевами и не принимали участия в конкурсе. Таким образом, я могу вычеркнуть из моего списка два имени: Аманда Джадд и Фрэнк Тайлер. Остается девять участников конкурса. Надо сразу отметить, что его неписаное правило предполагало возвращение каждого из участников, разыскивающих Белую Даму, прежде чем на поиски двинется следующий. Это означает, что в течение всего конкурса никогда не возникала такая ситуация, чтобы два человека одновременно находились вне столовой. — Джо на секунду умолк, затем продолжал:

— Итак, согласно проведенной вами жеребьевке, первым на поиски отправился Мелвин Кварендон, который вернулся чуть позже предписанных правилами пятнадцати минут и заявил, что ему не удалось разыскать укрытую Грейс Мэплтон, которую мы можем не называть дальше условным именем Белой Дамы. Мистер Кварендон, которого мы обозначим номером первым, вернулся в столовую и больше не покидал ее до того момента, когда убийство было обнаружено, а поскольку несколько лиц видело Грейс живой уже после его возвращения — у него также железное алиби. Вторым отправился я, Джо Алекс, после меня — сэр Гарольд Эдингтон, потом — Джордан Кедж, лорд Фредерик Редленд, присутствующий здесь Бенджамин Паркер, Дороти Ормсби и миссис Александра Уорделл. Кроме меня, до ложа Грейс Мэплтон добрались лишь мистер Кедж, мистер Паркер и мисс Ормсби, остальным это не удалось, что подтверждает листок, на котором Грейс собственноручно отметила время прибытия четырех лиц...

Джо снова умолк, а затем продолжил:

— ...Тут важно то, что мистер Паркер отправился на поиски шестым, а мисс Ормсби — седьмой. Они оба застали Грейс живой, что дает абсолютное алиби всем, кто искал до них, поскольку никто из вернувшихся больше не покидал столовой. Последним человеком, видевшим Грейс живой, была Дороти Ормсби, а поскольку следом за ней двинулась миссис Уорделл, можно было бы предположить, что одна из них является убийцей, потому что либо убила Ормсби, и тогда миссис Уорделл обнаружила уже убитую Грейс, либо Ормсби сказала правду, и тогда убила сама миссис Уорделл...

Джо покачал головой, словно сам не доверял словам, которые собирался произнести:

— Ирония судьбы, однако, заключается в том, что ни Дороти Ормсби, ни Александра Уорделл не могли убить Грейс, ибо обстоятельства убийства исключают возможность нанесения такого удара худошавой женщиной невысокого роста... Ни одна из них не могла бы так ударить сверху этим огромным мечом, вес которого вы прекрасно знаете, так как он висел на стене вашей комнаты.

Тайлер молча кивнул. Он был очень бледен.

— Но раз ни Дороти, ни миссис Уорделл не могли убить, — продолжал Джо, — а Дороти утверждает, что видела Грейс живой, причем последняя собственноручно подтвердила ее присутствие, то остается одна-единственная возможность: кто-то убил Грейс Мэплтон после выхода от нее Дороти Ормсби и до прихода Александры Уорделл! Но это было совершенно невозможным, поскольку, как мы знаем, все остальные участники конкурса, включая вас и вашу жену, находились в это время в столовой и никто не покинул ее даже на секунду! И при этом мы уверены, что в замке никто посторонний не скрывался. Грейс также не могла совершить самоубийство, исходя из способа нанесения удара.

— Я полагаю, вы не верите в призраки? — прошептал Фрэнк.

Джо встал и подошел к портрету.

— Вы хотите сказать, что, раз ее не мог убить человек, то это сделала прекрасная Ева де Вер, столетиями ожидающая такой возможности? Должен признать, что еще никогда в жизни я не был так близок к вере в то, что имею дело со сверхъестественной силой. Ситуация была невероятной. Как справедливо заметил мистер Паркер, нечто подобное могло бы присниться, но не могло произойти наяву... Ведь речь шла не о каком-то мотиве преступления, не о том, кем была или не была убитая, не о тысяче других вопросов, которые являются предметом каждого расследования. Речь шла просто о физической возможности совершения этого преступления. И такой возможности не было! — Джо на минуту умолк, а когда начал говорить снова, монолог его утратил драматические акценты и превратился в спокойное, деловое сообщение, так, будто он читал отчет о проведенном научном эксперименте: — В столь поразительной ситуации мне вдруг пришло в голову, что просто надо взглянуть на это дело с другой стороны, перечеркнув лежащий на поверхности логический ход событий и выводов... и поискать какую-то иную логическую систему. Я отбросил все начало конкурса и мысленно устремился к основному факту, в котором я был уверен, а именно: последним человеком, который видел Грейс Мэплтон живой, была Дороти Ормсби, и Грейс собственной рукой подтвердила этот факт. Я знал также, что Дороти не могла пронзить Грейс мечом. Второй вопрос был: что произошло между возвращением Дороти Ормсби и той минутой, когда, войдя сюда, я увидел Грейс мертвой? Я собственными глазами видел выходящую из столовой миссис Уорделл, и видел, как, спустя некоторое время, она вернулась и упала в обморок... который, по ее словам, был

вызван потрясением при виде убитой Грейс. И это было все. Но нет! Не все! Дело в том, что столовую в это время покинуло еще одно лицо!

— То есть как? — тихо спросил Тайлер.

— Доктор Харкрофт, — спокойно ответил Джо, — побежал в свою комнату за медицинским саквояжем, в котором у него находились шприц и успокаивающее средство... И я задумался: если предположить, что Грейс в ту минуту была еще жива, хватило бы у доктора Харкрофта времени подняться по лестнице, проскользнуть сюда, — он указал на дорожку между входной дверью и парчовой шторой, — войти к Грейс, поднять меч, нанести удар, а затем побежать за своим саквояжем и вернуться вниз?.. Я пришел к выводу, что перенесение миссис Уорделл на диван, подкладывание под ее голову свернутого сюртука мистера Паркера и несколько минут ожидания возвращения доктора были тем временем, которого бы вполне хватило. А если бы, к тому же, у него в кармане находились заранее приготовленные резиновые перчатки, он мог бы их надеть еще поднимаясь по лестнице — не мог же он оставить свои отпечатки пальцев на рукояти меча... Прошу припомнить, что Грейс должна была притворяться убитой, она лежала с закрытыми глазами, а меч был брошен поперек ложа. Услышав скрежет ключа в замке, она немедленно принимала эту позу. Харкрофт мог с ходу схватить меч и нанести удар так быстро, что она едва успела бы открыть глаза и уж наверняка не сделала бы никакого движения, пытаясь заслониться или оттолкнуть падающее лезвие... Все это было возможно, но совершенно неправдоподобно. Как мог доктор Харкрофт убить Грейс Мэплтон, когда миссис Уорделл видела ее мертвой до того, как он вышел из столовой?

И хотя возникала еще сотня вопросов, я знал, что не имею права принять никакой версии, которая исключала бы вину Харкрофта. Потому что не могла существовать никакая иная физическая возможность убийства Грейс Мэплтон в эту ночь. Таким образом, мне пришлось применить цепочку логических рассуждений, основанную на недоверии к тому, что мне говорилось. Я задал себе вопрос: если доктор Харкрофт убил Грейс Мэплтон, могла ли миссис Уорделл видеть ее мертвой? Разумеется, нет. Тогда почему же миссис Уорделл, вернувшись, потеряла сознание? Логическая причина могла быть только одна: для того, чтобы дать возможность Харкрофту выбежать за саквояжем и убить Грейс Мэплтон!

Итак, поскольку единственным убийцей мог быть только доктор Харкрофт, а убить он мог лишь в том случае, если бы ему удалось на несколько минут покинуть столовую, — миссис Уорделл должна была быть его сообщницей! Более того, — сообщницей, которая одновременно создавала ему железное алиби! Ведь никто в мире не осудил бы его за совершение преступления, раз миссис Уорделл видела Грейс мертвой перед его выходом из столовой, которую он ни на секунду не покидал с самого начала конкурса. Это было гениально, совершенно гениально! Но почему? Что могло объединять двух столь разных людей?

Здесь и находился ключ к тайне.

Мы навестили миссис Уорделл в ее комнате. Я хотел задать ей лишь один вопрос: *как выглядела убитая Грейс Мэплтон?* Я, конечно, был убежден, что она не сможет ответить на этот вопрос. Я знал, что Грейс Мэплтон погибла после возвращения миссис Уорделл в столовую. Я полагал, что мне удастся добыть у старой леди хоть часть правды... Но миссис Уорделл значительно облегчила нашу задачу. Перед самым нашим приходом она покончила жизнь самоубийством и оставила письмо... В этом письме я нашел мотив: Грейс Мэплтон была жестокой и беспощадной шантажисткой, которая использовала свое прекрасное тело в качестве ловушки для богатых мужчин, которые не могли позволить себе быть скомпро-

метированными. Уликами служили не оставляющие сомнений интимные снимки, письма и магнитные записи телефонных разговоров. Внук миссис Уорделл не вынес такой ситуации и совершил самоубийство. Но наибольшую пищу для размышлений давал тот факт, что миссис Уорделл написала это письмо до приезда сюда! Значит, должен был существовать готовый, заранее разработанный во всех деталях план. Бедная старушка даже не отдавала себе отчета в том, что этим письмом она разоблачает других... А передо мной возникли новые вопросы. Доктор Харкрофт являлся сообщником старой дамы, и о причинах этого можно было догадываться. Он известный врач с обширной практикой, у него жена и двое детей. Часто бывая у мистера Кварендона, он не раз должен был встречаться с его секретаршей. Впрочем, всякий, кто видел Грейс Мэплтон, знает, что ее трудно было не заметить. Если предположить, что доктор Харкрофт был для нее идеальной потенциальной жертвой, об остальном можно догадаться. Но он, должно быть, оказался слишком умным, чтобы поверить, будто он легко отделается. Обычно, со временем шантажисты начинают требовать все больше... А кроме того, всегда существует шанс, что правда может открыться. Харкрофт человек сильный, но он был доведен до отчаяния... и потому принял ваше признание с пониманием, а позже одобрил ваш план.

— Что? — спросил Тайлер. — Мой план?

— Ну да, — кивнул головой Алекс так, будто речь шла о сущем пустяке. — Ведь с самого начала стало ясно, что главной пружиной всего этого были вы.

— Вы что, с ума сошли?

— Давайте обойдемся без грубостей, пока я не закончу. Если вы обнаружите какой-нибудь пробел в моем рассуждении, и окажется, что я плету вздор, я от всего сердца попрошу у вас прощения...

Паркер медленно поднялся с кресла, обошел стол и встал, заслоняя собой дверь в коридор.

— Вы, вероятно, гений, — сказал Алекс, — потому что это был невероятный план, и все, действительно, могло бы получиться. Но вы не математический гений... — Он на секунду умолк, будто ожидая вопроса, но Фрэнк Тайлер молчал, глядя на него широко открытыми глазами.

— Так вот, вернемся к нашему конкурсу, — снова заговорил Алекс. — Миссис Уорделл приехала сюда, зная, что Грейс Мэплтон будет убита. У меня есть ее записка. Стало быть, она знала, что должна сыграть свою роль в убийстве. В чем же заключалась эта роль? Мы уже выяснили: дать возможность Харкрофту покинуть столовую и создать ему алиби утверждением, что Грейс была мертва до его ухода. Но только ли в этом? Быть может, она помогла ему сократить время, положив на этот вот стол ключ от комнаты Грейс, а рядом с ним — медицинский саквояж, который взяла из комнаты доктора. Тогда Харкрофту оставалось лишь вбежать наверх, схватить ключ, войти в комнату Грейс, а выйдя оттуда и оставив ключ в дверях, сбежать с саквояжем в руке вниз. Он сэкономил бы на этом двадцать—тридцать драгоценных секунд.

Джо перевел дыхание и продолжал:

— Прежде чем я дойду до самого главного, подумаем о ключе. Если возник столь изощренный план убийства Грейс, можно ли предполагать, что убийца не имел своего ключа? А ведь Дороти Ормсби, выйдя от Грейс, снова заперла дверь на ключ, выходя, согласно инструкции, положила этот ключ в котелок в камине, чтобы его мог там найти следующий участник конкурса. Вообразите теперь миссис Уорделл, которая знает, что должно произойти через несколько минут, но у нее нет ключа, и она лихорадочно пытается разгадать очередную загадку, чтобы его найти! Нет,

мистер Тайлер! Харкрофт и Уорделл не могли бы даже мечтать о исполнении своих замыслов, если бы точно не знали, где этот ключ искать! А кто мог им это сказать? Единственный человек — это вы! И кто мог сообщить Харкрофту, что он застанет Грейс, лежащей ничком с закрытыми глазами, а под рукой будет меч, которым он успеет ее пронзить прежде, чем она шевельнется? Ведь не зная всего этого, Харкрофт никогда бы не мчался, словно вихрь, по лестнице. Он должен был точно знать, сколько времени это у него отнимет. И, конечно, он должен был иметь под рукой этот ключ! Но все же, я думаю, что ключ ему оставила в условленном месте миссис Уорделл...

А теперь вопрос, который был бы даже забавным, если б можно было употребить это слово в таких обстоятельствах. Дело в том, что весь план Харкрофта и Уорделл был построен на том, что она отправится на поиски предпоследней, вернувшись, упадет в обморок, а Харкрофт будет иметь абсолютное алиби, поскольку жребий пал бы на него в последнюю очередь, если бы конкурс не был прерван. Это означает, что для успешного исполнения плана они оба должны были иметь очередные номера «8» и «9». И они их, конечно, имели! Вы можете сказать, что это случайность, но не будем забывать, что точность исполнения плана требовала именно этого. А знаете ли вы, каков шанс случайного выпадения в жеребьевке именно такой комбинации?..

Джо некоторое время ждал ответа. Тайлер молчал.

— Вот так малые числа вводят людей в заблуждение, — вздохнул Алекс. — Если бы вы устраивали такие конкурсы ежедневно, то при жеребьевке девяти цифр шанс на то, что миссис Уорделл будет в очередности восьмой, а мистер Харкрофт — девятым, мог бы выпасть, в среднем, один раз в пятнадцать лет! Неужели вы хотите уверить меня, что эти люди приехали сюда, рассчитывая на такой шанс?.. И все же у этого плана действительно были элементы гениальности. Я должен это признать. Вы придумали конкурс, в котором жертва одиноко ожидала убийцу на верхнем этаже, за плотно запертой дверью, среди толстых каменных стен, и даже, если бы она закричала или попыталась сопротивляться, то ведь и так все присутствующие в течение двух последних часов только и слышали крики, вой, стоны и сотни других звуков, сопровождающих внезапную насильственную смерть... И кто же из непосвященных мог бы понять, почему умерла Грейс Мэплтон. Никто из ее жертв даже не пикнул бы. Если бы не то, что миссис Уорделл пожелала воссоединиться со своими любимыми усопшими, я бы не знал, что Грейс Мэплтон — жестокая, беспощадная шантажистка! Вы должны были одержать победу!.. Но есть еще один важный вопрос: почему вы хотели от нее избавиться? Проще всего было бы допустить, что вы попали в ловушку, подобно остальным, и не хотели, чтобы Аманда узнала о вашем романе с ее секретаршей... Но я думаю, что это не так. Грейс Мэплтон была твердой, педантичной личностью с очень сильным, как я полагаю, характером, но с весьма слабо развитым воображением. Я нашел в ее шкафу три спрятанных фрагмента текстов, написанных рукой Аманды, и все они отменно годились в качестве письма самоубийцы, лежащего возле бездыханного тела. Я, конечно, не уверен в том, что говорю, но кажется мне, что дело было так: вы знакомы очень давно... не знаю, была ли когда-нибудь Грейс вашей женой или нет, но в принципе это неважно... Вы были парой очень молодых людей, когда прибыли в Лондон, чтобы победить. Быть может вы удивитесь, но думаю, что она вас любила — только вас одного, и никогда не переставала любить... Везло вам по-разному... Не знаю, порекомендовала ли она вас, будучи уже секретаршей мистера Кварендона, а может, это вы начали оформлять там обложки для книг и втянули ее — это не существенно. Вы потихоньку

начали копить денежки: жалование, ваши гонорары, ее шантаж... потому что у меня нет сомнений — это вы делали те снимки. А когда Аманда Джадд начала свой стремительный путь вверх в своей писательской карьере, вы вдруг оказались рядом с ней. И, пожалуй, здесь Грейс, которая была лишена живого воображения, совершила ошибку. Аманда уже успела заработать массу денег, а вы, естественно, были бы ее наследником... Думаю, Грейс решила, что этого вам должно хватить для счастья и Аманда должна исчезнуть... Вот только она не знала, что вы, мистер Фрэнк Тайлер, думаете о чем-то совершенно противоположном. Беседуя с вами на башне сегодня в полдень, я ощущал, что вы говорили абсолютно искренне. В конце концов, вы не только сообщник шантажистки, вы, также, художник. Эти обложки начали вас втягивать, ум Аманды постепенно очаровал вас... вы начали понимать, что жизнь с ней — честная, порядочная жизнь — это нечто несравненно лучшее, чем жизнь с Грейс Мэплтон, окупленная, помимо прочего, преступлением... И когда вы это поняли, Грейс была обречена. Благодаря юбилею Аманды представился совершенно фантастический случай. Зная почти всех, кто пал жертвой Грейс, вы легко могли отыскать исполнителя или исполнителей своих планов. А самым восхитительным было то, что вы единственный имели бы абсолютное алиби — невинный, как младенец, вы присутствовали в столовой на глазах у всех, когда судьба Грейс подходила к смертельной черте...

Алекс остановился. Тайлер молчал.

— Возможно, вы полагаете, что вторая часть того, что я рассказал о вашем прошлом, основана на моих поспешных умственных выкладках... Но вы не знаете работы полиции. Когда люди мистера Паркера начнут собирать подробнейшие сведения о вас, они не передохнут и не остановятся, пока не исследуют каждый день и каждый час вашей жизни, и тогда вся правда выплывет на поверхность. Быть может, доктор Харкрофт найдет для себя смягчающие обстоятельства, ибо он был жертвой, а ни один суд присяжных не становится на сторону шантажистов. Но вы совершенно хладнокровно убили женщину, которая была вашей сообщницей в многочисленных преступлениях. Ваши снимки станут вещественными доказательствами, и я уверен, что вам уже никогда больше не увидите цветущее дерево или зеленый луг. Смертная казнь у нас отменена, но пожизненное заключение, пожалуй, хуже, чем она. И уж очень не хочется мне думать о разрушенной жизни Аманды.

Сидящий напротив Фрэнк Тайлер внезапно вскочил, как дикий зверь.

Паркер раздвинул руки, чтобы перекрыть ему дорогу к двери, но Тайлер в два прыжка оказался у маленькой дверцы, ведущей на башню.

— Останови его! — крикнул Паркер.

Джо двинулся в ту минуту, когда Тайлер уже открыл дверцу и исчез в темноте. Они бросились за ним.

— Он бежит вверх, — сказал Джо, — он слышал над собой шаги бегущего.

Внезапно Джо Алекс споткнулся, и бегущий позади Паркер налетел на него. Они поднялись и снова двинулись вверх, услышав высоко над собой грохот открываемого люка. Вот последние ступени. В лицо ударил ветер. Джо высунул в люк голову и увидел в предрассветных сумерках белый спортивный костюм. Тайлер стоял на барьере, обрамляющем башню, и смотрел на них.

— Стой! — крикнул Паркер.

Тайлер отвернулся, посмотрел вниз и прыгнул. Они подбежали к барьеру: под ними в темноте, которая уже начинала сереть, бешенные волны бились о выщербленные зубья скал. Ближе можно было разглядеть белое неподвижное пятно.

— Это, наверно, он, — крикнул Паркер, пытаясь перекричать шум ветра и грохот волн. Джо кивнул.

— Может еще жив? — Паркер выглянул еще раз.

— Нет! — крикнул Джо. — Никто бы этого не пережил! И мы не попадем туда до отлива... Если вода не унесет его раньше...

Паркер открыл рот, но ничего не сказал. Да он и сам был абсолютно уверен, что Фрэнк Тайлер погиб на месте.

— Дождь кончился, — сказал Джо.

— Да.

Спротивляясь яростному ветру, они обошли башню вдоль барьера. Теперь напротив них мерцали фонари на деревенской улице. Ближе, на берегу, тоже виднелись огни — светились фары нескольких автомобилей, стоящих на краю дороги, у самой дамбы, через которую переваливались высокие волны, взбивая облака пены. Но бегущая от берега к замку змейка поручней перехода по дамбе была уже видна. Паркер повернулся и пошел к выходу. Алекс двинулся за ним и спустился на лестницу, не закрывая за собой люк. Он ощутил внезапную усталость.

Они остановились возле дверцы, ведущей в библиотеку.

— Поговорим минуту, а потом попытаемся выпить кофе... — пробормотал Алекс. — Может, он еще теплый в этих термосах?

— А что с Харкрофтом? — спросил Паркер.

— Ничего. Он ведь не знает, что ты хочешь его арестовать.

— Тайлер тоже не знал. Зачем ты сказал ему, что знаешь о нем все?

Джо не ответил. Потом вдруг поднял голову.

— Послушай, это ужасно. У Харкрофта жена и двое детей. Он убил, потому что хотел защитить их счастье. Еще чуть-чуть — и это удалось бы.

— Еще чуть-чуть, — Паркер вздохнул. — Думаю, однако, нам следует поговорить с ним, не ожидая появления людей из Девона.

— Я как раз хотел тебе это предложить.

— Пошли, — кивнул Паркер. — Если бы я не был полицейским, проклятым полицейским, обязанным стоять на страже закона, независимо оттого, что я чувствую, как человеческая личность...

— Ну и что бы тогда сделал?

— Не спрашивай меня об этом. Мы ведь прекрасно понимаем, что этот человек никогда больше не совершит никакого преступления, а его жертва была в определенном смысле его палачом... — Паркер махнул рукой. — Пойдем. Но о чем бы я ни думал, я твердо знаю одно: человек не может брать закон в свои руки и выносить смертный приговор другому человеку, даже самому худшему. Согласие на это уничтожило бы порядок цивилизованного мира.

Он тяжело поднялся.

Когда они поравнялись с дверью комнаты Харкрофта, Джо отступил на шаг, уступая дорогу своему другу. Паркер тихо постучал, а потом нажал ручку двери. Они вошли. Комната была пуста. Джо заглянул в ванную комнату.

— Никого... — сказал он в полголоса. — Где же он?

— Быть может, он пошел проведать миссис Уорделл? — прошептал Паркер. — Но в таком случае...

Они быстро вернулись и прошли по галерее. Джо осторожно открыл дверь в комнату старой дамы. Она по-прежнему сидела у стола. Но не одна.

Напротив нее сидел доктор Харкрофт. Его голова точно так же откинулась назад, а мощные, сильные руки сжимали поручни кресла.

— Вот, значит, как, — прошептал Паркер. — И он тоже? Но почему? — и легонько прикоснулся тыльной стороной ладони к щеке покойни-

ка. — Совсем холодный. Он сделал это уже давно. — Бен поднял голову и со странным облегчением перенес взгляд с искаженного болью мертвого лица на лицо Алекса. — Пойдем отсюда, Джо. Полицейские сейчас начнут стучать в ворота.

Они вышли. Паркер запер комнату, а ключ положил в карман. Потом они сидели друг против друга за большим столом в библиотеке.

— Вот и все, — сказал Джо усталым голосом. — Круг замкнулся. И некого тебе больше допрашивать, Бен. Может, внизу осталось еще немного кофе в термосах.

Они молча спустились по лестнице и вошли в столовую.

Все люстры по-прежнему горели. На старинных часах смерть своей косою неспешно отмеряла текущее время. Кофе в термосах все еще был горячим. Джо подал другу чашку. Они сели.

— Ты сказал, что больше некого допрашивать.

— Да.

— Ты забыл еще об одном человеке.

— О ком?

— О себе.

— Обо мне?

Паркер кивнул, допил последний глоток и отодвинул чашку.

— О чем ты разговаривал с Харкрофтом после того, как отправил меня на разговор с Кеджем, а потом читать заметки Дороти Ормсби?

— Я ведь тебе уже сказал...

— Не лги, Джо. Скажи мне правду. Мы ведь беседуем наедине.

— Я как раз об этом сейчас и подумал, — Джо легко усмехнулся. — Что я сказал Харкрофту?

— Да, скажи мне всю правду.

Паркер склонился к нему над столиком.

Джо устало вздохнул.

— Я сказал ему, что знаю, кто убил Грейс Мэплтон.

— И ты сказал ему, кто?

— Ты хочешь знать всю правду?

— Всю.

— Я сказал ему, что миссис Уорделл мертва, и что она оставила письмо.

— И это все?

Джо отрицательно покачал головой.

— Еще я сказал, что... быть может, при определенных обстоятельствах удалось бы сохранить тайну... и не выявлять имя убийцы, если бы...

— Ну, заканчивай предложение.

— Не могу, потому что я точно так же не закончил его, обращаясь к Харкрофту.

— И что потом?

— Потом я вышел и оставил его одного.

— И это все?

— Это все.

— Понятно, — Паркер прикрыл глаза. — Ты обманул меня, Джо.

— Не понимаю, — Джо взглянул на Паркера с изумлением, которое человеку, менее проницательному, чем Бен, показалось бы совершенно искренним.

— Ты обманул меня. А позже, когда мы бежали вверх по крутой лестнице, преследуя Тайлера, ты умышленно споткнулся и перекрыл мне дорогу. Если бы не это, он не успел бы открыть люк, и мы настигли б его.

— Да, это действительно досадное стечение обстоятельств, — Джо с сожалением покачал головой. — Ну просто не могу себе этого простить...

— Джо, не издевайся надо мной. Скажи, зачем ты это сделал?

— Врач может умереть, отравленный безумной старушкой, которая угостила его цианистым калием, убив предварительно молодую девушку, изображающую Белую Даму. Разные жуткие истории случаются с докторами. Они гибнут, заразившись от своих пациентов, их убивают шизофреники, с ними происходят сотни других несчастных случаев, и ни один из таких случаев не становится добычей газет и не губит жизнью их жен и детей, которые могли бы утонуть в грязном болоте бульварной прессы... и что самое главное — у них даже не остается возможности сохранить добрую память о муже и отце. Одно дело, когда твой отец погиб от руки безумной пациентки, и совсем другое дело: отец-убийца, осужденный за убийство шантажистки... да еще какой! Да еще при каких обстоятельствах!

— Но...

— Послушай дальше, Бен. Харкрофт получил бы многолетний срок и вышел бы из тюрьмы старым, сломленным человеком, которого презирают собственные дети, и который лишен права заниматься своей профессией. Он не хотел этого! Получив от меня тень надежды на сохранение своего доброго имени, он принял единственное решение, которое мог принять. Что же касается Фрэнка Тайлера... А ты не подумал о том, что случится с ней?

— С кем?

— С Аmandой Джадд, дружище!

— Что ж, она должна это как-то перенести...

— Я не узнаю тебя, Бен! Ты всегда был чувствительным, мудрым человеком, и вдруг сейчас заявляешь: «Она должна это как-то перенести!» А почему должна?

— То есть как?

— А если бы Фрэнк Тайлер просто поскользнулся на этой башне и упал?

— Ну и что бы из этого следовало?

— Очень многое, при условии, что ты согласишься меня выслушать.

— Я слушаю тебя, Джо, хотя...

— Хотя я не позволил тебе заковать Харкрофта в наручники и сделать несчастными на всю оставшуюся жизнь его жену и двух мальчиков, а ему самому приготовить участь худшую, чем сама смерть! За это ты хочешь меня винить? Или за то, что если бы Фрэнк Тайлер споткнулся на скользкой крыше и упал вниз, то мы спасли бы судьбу бедной Аmandы Джадд? Быть может она и не поверит в его падение, потому что это очень умная и проницательная женщина. Но во всяком случае, она никогда не узнает, кем в действительности был человек, которого она любила, и это позволит ей вернуться к нормальной жизни.

— Но даже если бы я и хотел с тобой согласиться, все это невозможно в свете того, что случилось.

— А что случилось? Грейс, Фрэнк, миссис Уорделл и доктор Харкрофт мертвы! В живых не осталось ни одного героя этой трагедии. Я не прошу тебя, чтобы ты покрывал чью-то вину. Достаточно будет, если расследование подтвердит, что последняя, кто видел Грейс живой, а именно — миссис Бремли, охваченная манией освобождения души Евы де Вер, и убила бедную девушку. Она ведь постоянно писала о таких вещах в своих книгах! Мало того, — она оставила письмо, которое является лучшим доказательством того, что намеревалась сделать! А то, что в приступе безумия она убила заодно и доктора, который, быть может, пытался помешать ей совершить самоубийство, — так это просто очевидно. Они сидят оба в этой комнате, убитые одним и тем же ядом... Бремли-Уорделл не оставила в этом мире никого. Ее история будет закончена. А если будет доказано, что убила именно она, никто не узнает, что Фрэнк Тайлер был мозгом этого убий-

ства, а Грейс Мэплтон чем-то большим, чем несчастной очаровательной секретаршей известной писательницы. Дело быстро закроется и от него не останется ни следа.

Паркер развел руками.

— Это верно, что не осталось никого, кого можно было бы покарать, и роль полиции сведется лишь к закрытию этого печального дела, но ты ведь знаешь, Джо, что миссис Бремли не могла убить Грейс. Так как же мы можем помочь всем этим людям?

— Дай мне ключ, — Джо указал пальцем вверх. — Я это сделаю.

— Что? — не понял Паркер.

— Я вытащу этот меч из ее груди и брошу его на пол, так, как это мог сделать убегающий убийца.

Он умолк.

Паркер закрыл глаза. Они долго молчали. Наконец, комиссар пошевелился.

— Все это ужасно неформально, — тихо сказал он, — и противоречит правилам моей службы... Но все они мертвы, и я не представляю себе, как без их показаний мы могли бы доказать, что дело происходило таким невероятным и неправдоподобным образом. Ну и все эти люди... Жена и дети доктора... Бедная Аманда Джадд... Полицейский во мне орет громким голосом об укрытии фактов в ходе следствия, но человек во мне затыкает ему рот. Все виновные уже осуждены... окончательно и без права апелляции. А живых мы уберем от страданий, стыда и унижения. — Он вынул из кармана ключ и протянул Алексу. — Это от моей комнаты. А тот ключ в ящике столика.

Джо кивнул и, взяв ключ, быстро встал. Спустя секунду дверь за ним закрылась.

Некоторое время Паркер сидел неподвижно, потом провел рукой по лицу, встал и направился к термосам с кофе и неожиданно улыбнулся.

— Я старею, — прошептал он. — Но, пожалуй, это было правильно.

И он снова улыбнулся. Его наполнило сознание одержанной победы, но смысл и значение ее никак не удавалось вполне уяснить.

Дверь отворилась, и вошел Джо. Он был бледен, губы плотно сжаты.

Джо молча кивнул и протянул Паркеру ключ, который комиссар снова спрятал в карман. Откуда-то издалека донеслись гулкие ритмичные удары.

— Что это?

— Стучат в калитку.

Они направились по галерее к воротам.

— Открываем! — скомандовал Паркер.

Они встали у обеих лебедок и взяли за толстые ухваты. Решетка дрогнула и медленно поползла вверх.

*Перевод с польского Роберта СВЯТОПОЛК-МИРСКОГО
и Владимира КУКУНИ по эксклюзивному разрешению автора.*

